

SPECIMINA NOVA
PARS PRIMA

SECTIO MEDIAEVALIS

V.

*Dissertationes historicae collectae per
Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque
Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis*

*A Pécsi Tudományegyetem Középkori és Koraiújkor
Történeti Tanszékének Történeti közleményei*

Pécs, 2009

Redactio:

Pécsi Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Történeti Intézet
Középkori és Koraújkor
Történeti Tanszék
H-7624 Pécs, Rókus u. 2. Tel./Fax:
(+36 72) 501-572

Specimina Nova Pars Prima
Sectio Mediaevalis in
commerciali usu inveniri non
possunt sed per
commutationem:

Pécsi Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Történeti Intézet
Középkori és Koraújkor
Történeti Tanszék
H-7624 Pécs, Rókus u. 2.
Tel./Fax: (+36 72) 501-572

**SPECIMINA NOVA
PARS PRIMA**

SECTIO MEDIAEVALIS

V.

*Dissertationes historicae collectae per
Cathedra Historiae Medii Aevi Modernorumque
Temporum Universitatis Quinqueecclesiensis*

*A Pécsi Tudományegyetem Középkori és Koraújkori
Történeti Tanszékének Történeti közleményei*

Pécs, 2009

Contributionem ad publicationem huius voluminis
assignaverat:

Országos Tudományos Kutatási Alap
TS 049775

Redigunt: Márta Font, Gergely Kiss
Layout: Gergely Kiss

HU ISSN 1558-8002

- © Bótor Tímea
- © Kiss Gergely
- © Lentin, Antony
- © Radó Bálint
- © Sashalmi Endre
- © Thoroczkay Gábor
- © Várady Zoltán
- © Voloscuk, Miroslav

Typographia:

7622 Pécs, Légszeszgyár u. 28. tel./fax: 72/532-414

TABLE OF CONTENTS

PRAEFATIO	5
<i>GÁBOR THOROCZKAY</i>	
Anmerkungen zur frühen Geschichte der Kirchen von Neutra und Pressburg (über die texttradition des 22. artikels des ersten gesetzbuches königs koloman)	7
<i>GERGELY KISS</i>	
« Teuzo sancte romane ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis » contribution aux relations de la Papauté et du roi hongrois Ladislas I ^{er} à la fin du XI ^e siècle.....	29
<i>МИРОСЛАВ ВОЛОЩУК</i>	
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ГАЛИЦКОГО БОЯРИНА ВОЛОДИСЛАВА КОРМИЛЬЧИЧА (1214 – 1232 гг.)	41
<i>ZOLTÁN VÁRADY</i>	
A Short Overview of Stone-Inscriptions using the Humanistic Capitalis Typeface ...	59
<i>ТИМЕА БОТОР</i>	
ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМЕННОМУ НАСЛЕДСТВУ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА КАЛИТЫ (НАЧАЛО XIV ВЕКА).....	73
<i>BÁLINT RADÓ</i>	
The Interrelation of Politics and Confessionalism in a 17 th -Century British Polemical Writing.....	99
<i>ANTONY LENTIN</i>	
Prokopovich, Pravda and Proof: Some Myths about Pravda Voli Monarshei.....	127
<i>ENDRE SASHALMI</i>	
God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej	139
BOOK REVIEW	151
AUCTORES HUIUS VOLUMINIS.....	165
RELATED PUBLICATIONS.....	167

PRAEFATIO

Lectori Salutem!

It was a quarter of a century ago that in order to give a demonstration of the historical research pursued at the University of Pécs we started our academic publications under the title *Specimina Nova Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis*. With the proliferation of the research topics the *Specimina* was divided into smaller thematic units. The Department of Medieval and Early Modern History appeared almost ten years ago with a separate segment of the *Specimina* series, the *Sectio Mediaevalis*. According to the practice of the last decade it is not only the colleagues of the Department who give an insight into their newest research results but we also publish the works of colleagues who co-operated with the Department in the given period in any way.

Zoltán Várady, a lecturer of another Faculty of the University, carries out research into a field which is closely connected to our Department, especially through the PhD-programme. Gábor Thoroczky was likewise a guest of our doctoral programme, indeed, on several occasions in the latest years. Of the colleagues from abroad Myroslav Voloshtshuk spent an academic year as a fellow scholar of the Visegrad Fund at our Department whereas Antony Lentin, a lecturer of Cambridge University, is in academic contact with Endre Sashalmi.

In the Book review section, besides the studies we were happy enough to publish the writings on the books written in Hungarian by the colleagues of the Department as well as to repeat the data of the former works.

Prof. Dr. Márta Font
Chair of the Department of Medieval
and Early Modern History

GÁBOR THOROCZKAY

**Anmerkungen zur frühen Geschichte
der Kirchen von Neutra und Pressburg
(Über die Texttradition des 22. Artikels des ersten Gesetzbuches
Königs Koloman)**

Abstract: This work deals with the early history of the collegiate churches of Bratislava and Nitra in the 11th and 12th centuries. This paper aims yet to unfold the connections between the archdeaconries and collegiate churches in Hungary during the Arpadian age.

Key words: Nitra, Bratislava, King Koloman Collegiate chapter, archdeaconry.

Eine wohlbekannte und oft zitierte Gesetzstelle ist der 22. Artikel des I. Dekrets vom König Koloman (1095–1116). Um die Zeremonien der Gottesurteile zu regeln, sagt das Gesetzbuch aus: „Wir verbieten, dass es Eisen- und Wasserproben in irgendeiner anderen Kirche gäbe außer in den Bischofsitzen und größeren Propsteien, weiterhin in Pressburg und Neutra.“¹ Der letzte Teilsatz wird mit der Konjunktion *neqnon*, die „weiterhin, nicht ansonsten“ bedeutet, in der auch von uns zitierten, bis heute als die beste geltenden Ausgabe eingeleitet. Der Artikel aus der Zeit 1095–1104² bedeutet also: in den Kirchen Pressburg und Neutra, die weder zu den Bischofsitzen noch den

¹ „Judicium ferri et aque in aliqua ecclesia fieri interdiciamus, nisi in sede episcopali et maioribus prepositoriis, neqnon Posanii et Nitrie.“ ZÁVODSZKY, L., *A Szent István, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai (Függelék: a törvények szövege)* [Die Quellen der Gesetze und Synodalbeschlüsse aus der Zeit Stephans des Heiligen, Ladislaus' des Heiligen und Kolomans. Im Anhang: Die Texte der Gesetze], Budapest, 1904. (im weiteren: Z.) S. 180.

² THOROCZKAY, G., Anmerkungen zur Frage der Entstehungszeit der Hartvik-Legende des Stephan des Heiligen. In: *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis I*. Red. FONT, M., Pécs, 2001. S. 107–131., bes. S. 114.

größeren Propsteien zählen, können Gottesurteile stattfinden. Es ist aber bekannt, dass in anderen Textausgaben seit Jahrhunderten anstelle von *necon* auch die Konjunktion *ut* zu lesen ist.³ Das bedeutet „wie, sowie“, demzufolge also sind auch die Kirchen von Pressburg und Neutra zu den größeren Propsteien zu zählen, wo Ordalien gehalten werden können.

Die zweierlei Textvarianten beschäftigen seit dem 18. Jahrhundert die Forschung. Einige Fachleute haben *necon* während andere *ut* als authentisch angenommen. Bloß in der Fachliteratur der letzten breiten 100 Jahre betrachtet (ohne nach Vollständigkeit zu streben) haben sich zahlreiche Autoren – wie zum Beispiel der Kirchenhistoriker Lajos Balics,⁴ der Rechtshistoriker Imre Hajnik,⁵ der Autor der Politikgeschichte der Arpadenzeit Gyula Pauler,⁶ der Forscher des Komitats Pressburg Lajos Crescens Dedek⁷ – neben der Variante mit *necon* und der sich daraus ergebenden Argumentation Stellung genommen, und haben also zur Zeit der Entstehung des Dekrets von Koloman die zwei Kirchen des Hochlands (heute Slowakei) nicht als größere Propsteien betrachtet.

Eine in ähnlichem Ausmaß große Gruppe von Forschern hat *ut* vorgezogen, folglich Pressburg und Neutra zur Zeit der Entstehung des Gesetzbuches als größere Propsteien betrachtet. Diese Meinung vertraten Károly Rimely, der Autor der Monographie über das Kollegiatkapitel von Pressburg, der später in demselben Thema mit Nándor Knauz in heftige Auseinandersetzung geriet,⁸ Imre Karácson, der Abhandlungen über die frü-

³ „Judicium ferri et aquae in aliqua ecclesia fieri interdicimus, nisi in sede episcopi et majoribus praeposituris, ut Posonii et Nitriae.“ *Corpus Juris Hungarici*. Bd. I. Hrsg. v. MÁRKUS, D., Budapest, 1899. S. 102.

⁴ BALICS, L., *A római katolikus egyház története Magyarországon* [Die Geschichte der römisch-katholischen Kirche in Ungarn]. Bd. II/2. Budapest, 1890. S. 22.

⁵ HAJNIK, I., *A magyar bírósági szervezet és perjog az Árpád- és vegyesházi királyok alatt* [Das ungarische Gerichtswesen und das Prozessrecht in der Zeit der Arpaden und der Könige aus verschiedenen Häusern]. Budapest, 1899. S. 255.

⁶ PAULER, Gy., *A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt* [Die Geschichte der ungarischen Nation unter den Arpadenkönigen]. Bd. I. Budapest, 1899². (im weiteren: PAULER, Gy., *A magyar nemzet*) S. 186.

⁷ DEDEK, C. L., *Pozsony vármegye története* [Die Geschichte des Komitats Pressburg]. In: *Pozsony vármegye (Magyarország városai és vármegyéi)* [Komitat Pressburg. Städte und Komitate Ungarns]. Budapest, [1904.] (im weiteren: DEDEK, C. L.: *Pozsony vármegye*) S. 535–536.

⁸ RIMELY, C., *Capitulum insignis ecclesiae collegiatae Posoniensis ad S. Martinum ep. olim SS. Salvatorem*. Pozsony, 1880. (im weiteren: RIMELY, C., *Capitulum*) S. 2; RIMELY, K., *A pozsonyi prépostság* [Die Propstei von Pressburg]. Pozsony, 1881. (im weiteren: RIMELY, K., *A pozsonyi prépostság*) S. 26–28.

hen ungarischen Synoden veröffentlichte,⁹ Tivadar Ortway, der Schreiber der Geschichte Pressburgs,¹⁰ György Györffy, der die Zeit Kolomans mit monographischem Anspruch darstellte, bzw. die Quellen bezüglich Neutra in seiner historischen Geographie aufarbeitete,¹¹ Richard Marsina die frühe Geschichte des Bistums von Neutra darstellend,¹² Gergely Kiss den Staat und die Kirche betreffende Gesetze analysierend,¹³ Juraj Šedivý, der neuste Forscher der Geschichte der Propstei von Pressburg.¹⁴ József Köblös, indem er die Geschichte des spätmittelalterlichen Kapitels von Pressburg beschreibt, lässt jedoch die Frage in der Kenntnis von beiden Textvarianten offen, ob die dortige Kirche zur Zeit der Entstehung der Gesetzstelle als größere Propstei, kleineres Kapitel oder eben irgendeine andere Institution zu betrachten sei. In seinem Schreiben über Neutra hielt er den Status der dortigen Kirche zur Zeit der Entstehung des Dekrets ebenfalls für fraglich.¹⁵

⁹ KARÁCSON, I., *A XI. és XII. századbeli magyarországi zsinatok és azoknak a külföldi zsinatokhoz való viszonya* [Synode Ungarns im 11. und 12. Jahrhundert und deren Verhältnis zu den ausländischen Synoden]. Győr, 1888. S. 125.

¹⁰ ORTVAY, T., *Pozsony város története* [Die Geschichte der Stadt Pressburg]. Bd. I. Pozsony, 1892. (im weiteren: ORTVAY, T., *Pozsony város*) S. 161–163.

¹¹ GYÖRFFY, Gy., *A magyar állam megszilárdulása* [Die Festigung des ungarischen Staates]. In: *Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig* [Die Geschichte Ungarns. Vorgeschichte und ungarische Geschichte bis 1242]. Hrsg. v. SZÉKELY, Gy. – BARTHA, A., Bd. I/2. Budapest, 1984. S. 893–1006., (im weiteren: GYÖRFFY, Gy., *A magyar állam*) bes. S. 964; GYÖRFFY, Gy., *Geographia historica Hungariae tempore stirpis Arpadianae*. Bd. I–IV. Budapest, 1963–1998. (im weiteren: *Geogr. hist.*) Bd. IV. S. 334., 436.

¹² MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo a jeho biskupi od 9. do polovice 13. storočia* [Das Bistum und die Bischöfe von Neutra vom 9. bis zur ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts]. *Historický Časopis* 41 (1993), S. 529–542. (im weiteren: MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo*), bes. S. 536. Anm. 40.

¹³ KISS, G., *Állam és egyház a 11–12. századi törvényalkotásban* [Staat und Kirche in der ungarischen Gesetzgebung des 11–12 Jh.]. In: *A magyar államiság első ezer éve* [Die ersten 1000 Jahre der ungarischen Staatlichkeit]. Hrsg. v. FONT, M. – KAJTÁR, I., Pécs, 2000. S. 67–100., bes. S. 83.

¹⁴ ŠEDIVÝ, J., *Die Anfänge des Pressburger Kapitels*. In: *East Central Europe at the Turn of the 1st and 2nd Millennia*. Ed. by MÚCSKA, V. Bratislava, 2002. (Universitas Comeniana Bratislavensis, Facultas Philosophica, Acta Historica Posoniensia Bd. II.) (im weiteren: *East Central Europe*), S. 107–117. (im weiteren: ŠEDIVÝ, J., *Die Anfänge*), bes. S. 110–111; DERS., *Az egyház a középkori Pozsonyban. Régi választások és új kérdések* [Die Kirche im mittelalterlichen Pressburg. Alte Antworten und neue Fragen]. In: *Fejezetek Pozsony történetéből magyar és szlovák szemmel* [Kapitel aus der Geschichte von Pressburg mit ungarischen und slowakischen Augen]. Hrsg. v. CZOCH, G., Pozsony, 2005. S. 95–130., (im weiteren: ŠEDIVÝ, J., *Az egyház a középkori Pozsonyban*) bes. S. 103–104.

¹⁵ KÖBLÖS, J., *Az egyházi középréteg Mátyás és a Jagellók korában (A budai, fehérvári, győri és pozsonyi káptalan adattárával)* [Kirchliche Mittelklasse im Zeitalter von Matthias und der Jagellonen. Die Databasis zu den Kapiteln von Buda, Stuhlweißenburg, Raab und Pressburg]. Budapest, 1994.

Wegen Mangel an einer kritischen, alle erhalten gebliebenen Manuskripte gebrauchenden Ausgabe der Gesetze der Arpadenzeit muss man sich zuerst, um die richtige Texttradition der Dekrete festzustellen, mit den die Jahrhunderte des Mittelalters umfassenden Kodizes auseinandersetzen. Die Tätigkeit der früh verstorbenen Monika Jánosi bietet einen guten Ausgangspunkt dazu. Laut Jánosi hat das I. Gesetzbuch kein frühes Manuskript – der so genannte Pray-Kodex aus dem 12. Jahrhundert bewahrte nur die Materialien der so genannten Synoden von Gran –, nur die Kodizes aus dem 15–16. Jahrhundert bewahrten den Text des Dekrets.¹⁶ Am frühesten ist der Thuróczy-Kodex vom Ende des 16. Jahrhunderts,¹⁷ dem folgen der Kollár-Kodex aus den Jahren 1514–1564,¹⁸ der Ilosvay-Kodex aus 1544–1567,¹⁹ der Kodex von Pál Gregoriánczi aus 1556–1557,²⁰ der 1558 als Kopie dieses letzten entstandene Nádasdy-Kodex,²¹ die Kopie davon aus dem Jahr 1583, der Festetics-Kodex,²² und das letzte diesbezügliche Manuskript, der Kodex von Debrecen aus 1578.²³

(im weiteren: KÖBLÖS, J., *Az egyházi középréteg*) S. 13–14; DERS., Pozsony 1. (Vár és város) [Pressburg. Burg und Stadt]. In: *Korai magyar történelmi lexikon (9–14. század)* [Lexikon der frühen ungarischen Geschichte. 9–14. Jh.]. Hrsg. v. KRISTÓ, Gy. – ENGEL, P. – MAKK, F., Budapest, 1994. (im weiteren: Lexikon), 553–555; KÖBLÖS, J. – SZÓKE, B. M., Nyitra 2. (Vár és település) [Neutra. Burg und Stadt]. In: *Lexikon*. S. 498–499.

¹⁶ JÁNOSI, M., A Szent István törvényeit tartalmazó kódexek [Die die Gesetze Sankt Stephans enthaltenden Kodices]. *Magyar Könyvszemle* 94 (1978), S. 225–254; DIES., Gregoriánczi Pál kéziratos törvénygyűjteménye a XVI. század közepéről [Gesetzbuch in Manuskript von Pál Gregoriánczi ab der Mitte des 16. Jahrhunderts]. *Magyar Könyvszemle* 104 (1988), S. 54–64; DIES., *Törvényhozás Magyarországon a XI. században. Kéziratos kandidátusi értekezés* [Die Gerichtsbarkeit in Ungarn im 11. Jh. Habilitationsschrift in Manuskript]. Budapest, 1988. S. 41–58; DIES., Kálmán I. (Könyves). Törvényei. [König Koloman. Die Gesetze von König Koloman]. In: *Lexikon*. (wie in Anm. 15.) S. 315–316.

¹⁷ *Országos Széchényi Könyvtár. Kézirattár* [Széchényi Nationalbibliothek. Handschriftsammlung]. Cod. Lat. 407.

¹⁸ *Magyar Országos Levéltár* [Ungarisches Staatsarchiv] I. 7. „Kollár-gyűjtemény” [„Kollár-Sammlung“], nr. 32.

¹⁹ *Országos Széchényi Könyvtár. Kézirattár* [Széchényi Nationalbibliothek. Handschriftsammlung]. Fol. Lat. 4023.

²⁰ *Országos Széchényi Könyvtár. Kézirattár* [Széchényi Nationalbibliothek. Handschriftsammlung]. Fol. Lat. 4126.

²¹ *Budapesti Egyetemi Könyvtár. Kézirattár* [Universitätsbibliothek von Budapest. Handschriftsammlung]. G 39.

²² *Országos Széchényi Könyvtár. Kézirattár* [Széchényi Nationalbibliothek. Handschriftsammlung]. Fol. Lat. 4355.

²³ *Debreceni Református Kollégium Könyvtára* [Bibliothek des kalvinistischen Kollegiums von Debrecen]. R 466.

Nach persönlicher Untersuchung des 22. Artikels des Dekrets von Koloman wurden keine Spuren von *ut* gefunden, überall wurde *necnon* oder *nec non* gefunden.²⁴ Allerdings wissen wir von zahlreichen verlorenen oder latenten Gesetze enthaltenden Manuskripten Bescheid, die Texte von mittelalterlichen Gesetzen enthielten,²⁵ die Einstimmigkeit, von der die in unserer Zeit auffindbaren Kodizes zeugen, ist mehr als verdächtig.

Die Herausgabe unserer Gesetze aus den 11–16. Jahrhunderten wird erst in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts gestartet. Im Druck wurden sie zuerst vom renommierten Humanisten, Johannes Sambucus (1531–1584) im Anhang der zweiten vollständigen Bonfini-Ausgabe (1581) veröffentlicht. Deren Material wurde vom Bischof von Waitzen, Zacharias Mossóczy (Rohosnik) (1542–1587) zur Verfügung gestellt. Hier wurde bei der erwähnten Gesetzstelle von Koloman weder *necnon* noch *ut*, sondern die für uns nicht zu interpretierende Form *minori* gefunden.²⁶ Mossóczy ließ 1584 mit Hilfe von Nikolaus Telegdi (1535–1586), Fünfkirchener Bischof und Generalvikar von Gran das erste ungarische *Corpus Juris* erscheinen, wo er an mehreren Stellen die auf seinem eigenen Material basierende Ausgabe nach Sambucus korrigierte. Das geschah auch mit dem behandelten capitulum: hier erscheint zuerst die Konjunktion *ut*.²⁷

Mossóczy wurde früher durch die Forschung beschuldigt, er habe den 1582 in seinen Besitz gekommenen Ilosvay-Kodex plagiiert, dies wurde jedoch neulich widerlegt. Er stellte die Gesetze für Sambucus bereits 1580 zusammen, das geschah also noch vor dem Erwerb des Kodexes. Anderen Angaben nach waren außer der Kollektion von Ilosvay weitere zwei Sammlungen von Dekreten in seinem Besitz, bzw. verfügte er auch über die Gesetze der Könige Wladislaus II. und Ludwig II.²⁸

²⁴ *Thuróczy-Kodex* fol. 96^r; *Kollár-Kodex* pag. 70; *Ilosvay-Kodex* fol. 65^v; *Gregoriánczi-Kodex* fol. 79^v, *Nádasdy-Kodex* fol. 40^r, *Festetics-Kodex* fol. 45^r, *Debreceni-Kodex* fol. 34^v.

²⁵ *Corpus Juris Hungarici* (wie Anm. 3.), S. XXXVIII–XLV.

²⁶ „Iudicium ferri, et aquae, in aliqua Ecclesia fieri interdiximus, nisi in sede Episcopi, et maioribus praepositis, minori Posenij, et Nitriae.“ SAMBUCUS, J., *Decretorum seu Articulorum aliquot priscorum Ungariae regum ad contextum Bonfinii illustrandum, forique Pannonici usum necessariorum liber*. Francofurti, 1581. S. 24.

²⁷ *Decreta, constitutiones et articuli regum inclyti regni Ungariae ab anno domini millesimo trigesimo quinto ad annum post sexquimillesimum octogesimum tertium publicis comitiis edita. Cum rerum indice copioso. Tirnaviae cum Sacrae Caesareae Regieque Maiestatis gratia et privilegio anno Domini MDLXXXIII recens impressam*. S. 35.

²⁸ IVÁNYI, B.: *Mossóczy Zakariás és a magyar Corpus Juris keletkezése* [Zacharias Mossóczy und die Entstehung des ungarischen Corpus Juris]. Budapest, 1926. (im weiteren: IVÁNYI, B., *Mossóczy Zakariás*) S. 62., 66–67; ILLÉS, J., *Ünnepi beszéd a Corpus Juris Hungarici első kiadásának 350-ik évfordulóján* [Festrede zum Anlass des 350 jährigen Jubiläums der ersten Ausgabe von Corpus

Unserer Meinung nach sind hinsichtlich der bestrittenen Gesetzstelle zwei Lösungen möglich: Mossóczy übernahm *ut* aus einem heute nicht mehr bekannten Manuskript, oder er selber „verbesserte“ den Text, wie es auch schon Lajos Crescens Dedek gedacht hat.²⁹ Laut der einheitlichen Variante von *necon* der heute bekannten Manuskripte stimmen wir auch dieser Meinung zu. Mossóczy war zwischen 1562–1572 Domherr und Generalvikar von Neutra, und ab 1582 Bischof der Diözese.³⁰ Es muss für ihn unakzeptabel gewesen sein, dass sein Bistum (und die Kirche der damaligen Hauptstadt Pressburg) im Sinne des Gesetzes von Koloman weder zu den Diözesen noch zu den größeren Propsteien gezählt wurde, so änderte er den Text des Dekrets, womit er die Grundlage für eine bis in unsere Tage reichende falsche Interpretation schuf.

Die Variante *ut* von Mossóczy erschien außer der sich vermehrenden *Corpus Iuris*- Ausgaben in einer Reihe von ansehnlichen Quellenausgaben. Károly Péterffy gab es dem Gesetzblatt folgend in seinem Werk über die Synode Ungarns heraus,³¹ ebenso wie Ignác Batthyány, der es nach Péterffy in seinem großen Sammelwerk über die kirchlichen Gesetze herausgab.³² Ohne den Quellennachweis zu markieren findet man *ut* auch in Nándor Knauz' Urkundenbuch von Erzbischof Gran, der später für die andere Variante argumentierte.³³ Selbstverständlich brach sich in den Ausgaben auch die in den Manuskripten zu findende Variante *necon* den Weg. Stephan Ladislaus Endlicher,³⁴ der den Thuróczy-Kodex bearbeitete und Levente Závodszy,³⁵ der seine Textausgabe nach den Thuróczy-Ilosvay-Kodizes richtete, gaben die Gesetzstellen auch so heraus. Ganz irreführend ist die letzte *Corpus Iuris Hungarici*-Ausgabe aus dem Jahre 1899: die scheint den Eindruck zu erwecken, als ob der Ilosvay-Kodex *ut* und der Thuróczy-Kodex *necon*

Juris Hungarici]. [Kecskemét], 1935; PÁRNICZKY, M. – BÁTÝKA, J., *A magyar Corpus Juris (Az első kiadások forrásai)* [Corpus Juris Hungarici. Quellen der ersten Ausgaben]. Budapest, 1936. S. 55.

²⁹ DEDEK, C. L., *Pozsony vármegye*. (wie Anm. 7.) S. 535–536. Dedek kam aufgrund seiner wesentlich geringeren Quellenbasis als unsere zu dieser Schlussfolgerung, da er nur die unten zu behandelnde Ausgabe nach Endlicher, bzw. den Nádasdy-Kodex als Beweis brachte.

³⁰ IVÁNYI, B., *Mossóczy Zakariás*. (wie Anm. 28.) S. 25., 31.

³¹ PÉTERFFY, C., *Sacra concilia ecclesiae romano-catholicae in regno Hungariae celebrata ab anno Christi 1016 usque ad annum 1715 accedunt Regum Hungariae et Sedis Apostolicae Legatorum [...] constitutiones ecclesiasticae*. Bd. I–II. Posonii, 1741–1742. Bd. I. S. 44.

³² BATTYÁNYI, I., *Leges ecclesiasticae regni Hungariae et provinciarum adiacentium*. Bd. I–III. Albae Carolinae–Claudiopoli, 1785–1827. Bd. I. S. 454.

³³ *Monumenta Ecclesiae Strigoniensis*. edd. KNAUZ, F. – DEDEK, C. L., – DRESKA, G. et al., Bd. I–IV. Esztergom–Budapest, 1874–1999. (im weiteren: MES) Bd. I. S. 69.

³⁴ *Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana*. Ed. ENDLICHER, S. L., Sangalli, 1849. S. 363.

³⁵ Siehe Anm. 1.

enthalten würde,³⁶ womit sie auch die Forschung täuschte.³⁷ Die letzte auf Závodszy basierende Ausgabe der Gesetze der Arpadenzeit bringt selbstverständlich *necnon*.³⁸

Übrigens lässt sich die sekundäre Bedeutung, bzw. die Unrichtigkeit von *ut* auch auf einem anderen Weg beweisen: Die Ausübung des Gottesurteils der Propstei Stuhlweißenburg ist in einer sehr frühen Zeit, der Zeit von Ladislaus dem Heiligen (1077–1095), und zwar zu Lebzeiten seiner Frau, der deutschen Prinzessin Adelhaid († 1090) nachzuweisen.³⁹

1203 gab König Emerich (1196–1204) eine Urkunde heraus, in dessen Sinne Königin Adalhaid den Grund von Zalamenyere (*Merena*) dem Bistum Veszprém übergab (*regina Adulheyt uxor videlicet bone memorrum [!] regis Ladizlai*). Der Herrscher verordnete die Neumarkierung der Grenzen und er bestimmte die Dienste der dort wohnenden Völker.⁴⁰ Die Urkunde sagt nach der Grenzbeschreibung aus: „Es soll nicht verschwiegen werden, dass sich der Grund des einstigen Paris, das in Stuhlweißenburg durch Feuereisenprobe anstatt von 100 Mark für Menschenermordung (Blutgeld) in den Besitz der besagten Königin gekommen war, innerhalb derselben Grenzen befindet und zur selben Kirche (nämlich zu der von Veszprém – G. Th.) gehört.“⁴¹ Die Erwähnung von Mark ist für die zweite Hälfte des 11. Jahrhunderts sicherlich zu früh, hier hat man anscheinend mit der „Modernisierung“ des Urkundenschreibers zu tun. Zur Zeit Ladislaus’ des Heiligen betrug das Blutgeld der Freien die bereits in den Gesetzen der Staatsgründung

³⁶ Siehe Anm. 3.

³⁷ ŠEDIVÝ, J., *Az egyház a középkori Pozsonyban*. (wie Anm. 14.) S. 103.

³⁸ *The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary (1000–1301)*. Transl. and ed. by BAK, J. M. – BÓNIS, Gy. – SWEENEY, J. R., Bakersfield, 1989. (Decreta Regni Mediaevalis Hungariae I/1.) S. 27.

³⁹ SOLYMOŠI, L., Die Eigenarten der Urkundenausstellung des Stuhlweißenburger Kapitels in der Arpadenzeit. In: *Im Gedächtnis der Kirche neu erwachen. Studien zur Geschichte des Christentums in Mittel- und Osteuropa. Festgabe für Gabriel Adriányi zum 65. Geburtstag*. Hrsg. v. HAAS, R. – RIVINIUS, K. J., – SCHEIDGEN, H.-J., Köln–Weimar–Wien, 2000. S. 479–494., bes. S. 480.

⁴⁰ Aus der im Originell vom 2. Juni 1254 erhalten gebliebenen Umschreibung Königs Béla IV. *Veszprémi Káptalan magánlevéltára. Merenye 4*. [Privatarchiv des Veszprémer Kapitels, Merenye 4.] (Fotokopie: Magyar Országos Levéltár. Diplomataikai Fényképgyűjtemény [Ungarisches Staatsarchiv. Diplomatische Fotosammlung] 283 210.). Seine früheren Ausgaben: FEJÉR, G., *Codex diplomaticus ecclesiasticus ac civilis regni Hungariae*. Bd. I–XI. Pest, 1829–1844. (im weiteren: F.) Bd. VI/2, S. 360–362; IX/7, S. 640–642. Wir haben dank dem grosszügigen Gefallen von László Solymosi die für seine Ausgabe vorbereitete Umschreibung gebraucht.

⁴¹ „Nec hoc lateat, quod terra quondam Paridis, que Albe ferri candentis examinatione pro centum marcis ho[micidi]o in ius predictae c[er]essit regine infra easdem metas continetur et eidem ecclesie pertinet.“ László Solymosi hat in der Form *homicidio* das schlecht lesbare Wort aufgelöst, wir halten auch *homagió* für möglich, das sich als dativus finalis als „Blutgeld“ übersetzen lässt.

festgelegten 110 Golden (II. Gesetzbuch 6., 8. Artikel).⁴² Im späten Mittelalter war die Summe von *homagium* der Prälaten, und der echten bzw. unechten Baronen 100 Mark.⁴³ Man kann sich auch fragen, ob der mit dem Vormarsch der ritterlichen Kultur erscheinende Name Paris nicht anachronistisch für die Zeit von Ladislaus dem Heiligen ist (die Autorin der Monographie der ritterlichen Kultur Ungarns setzt den Höhepunkt des Gebrauchs des Namen in Ungarn in die erste Hälfte des 13. Jahrhunderts),⁴⁴ um 1111 trifft man jedoch in Neutra auf einen Domherrn namens Hektor,⁴⁵ was beweist, dass die Personennamen des Sagenkreises Troja sehr früh in Ungarn auftauchen und auch am Ende des 11. Jahrhunderts im Gebrauch sein konnten. Er soll eine zur Begleitung der deutschen Königin gehörende hochrangige, im Ungarischen Königtum ohne Verwandte lebende Person getötet haben, für wen er – nachdem er sich beim Gottesurteil als schuldig erwiesen hatte – das Blutgeld für die Königin des Ritterkönigs im Feldbesitz bezahlte, die es wiederum dem Bistum von Veszprém schenkte.

Da man auf diese Art Beweise für die Ordalien in der Propstei Stuhlweißenburg vor der Zeit des Königs Kolomans hat, ist es völlig unwahrscheinlich, dass das Dekret von Koloman im Falle der Existenz der Gesetztextvariante *ut* nicht das damals schon als Ort der Gottesurteile nachgewiesene dortige Kollegiatkapitel, die bedeutendste Nicht-Bistumskirche,⁴⁶ sondern Neutra und Pressburg als Beispiel für größere Propsteien herbeigeführt hätte.

Die Forschung hat sich noch keine Gedanken darüber gemacht, an welche größeren Propsteien der 22. Artikel der Synode von Tarcal denken konnte. Um 1100 gab es noch nicht viele königliche Kollegiatkapitel in Ungarn, und deren hierarchische und wirtschaftliche Situation lässt sich wegen des quälenden Quellenmangels auch nicht leicht bestimmen. Die nach 1018 gegründete Kirche galt sicherlich als *praepositura maior* von Stuhlweißenburg,

⁴² Z. (wie in Anm. 1.) S. 168.

⁴³ ECKHART, F., *Magyar alkotmány- és jogtörténet* [Ungarische Verfassungs- und Rechtsgeschichte]. Budapest, 1946. S. 326–327.

⁴⁴ KURCZ, Á., *Lovagi kultúra Magyarországon a 13–14. században* [Ritterliche Kultur in Ungarn im 13–14. Jh.]. Budapest, 1988. S. 250–251.

⁴⁵ *Diplomata Hungariae Antiquissima. Edendo operi praefuit Georgius Györffy*. Vol. I (1000–1131), Budapest, 1992. (im weiteren: DHA) S. 383.

⁴⁶ DEÉR, J., Aachen und die Herrschersitz der Arpaden. *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung* 79 (1971), S. 1–56; GYÖRFFY, Gy., *István király és műve* [König Stephan und sein Werk]. Budapest, 1977. (im weiteren: GYÖRFFY, Gy., *István király*) S. 316–321; *Geogr. hist.* (wie in Anm. 11.) Bd. II. S. 363–382; KISS, G., A székesfehérvári prépostság egyházi helyzete a középkorban [Die kirchenrechtliche Stellung der Propstei von Stuhlweißenburg im Mittelalter]. *Századok* 141 (2007), S. 271–297.

wo, wie wir es schon gesehen haben, auch schon vor der Zeit Königs Koloman Gottesurteile abgehalten worden waren. König Peter Orseolo (1038–1041, 1044–1046) gründete die Sankt Peter-Propstei von Altofen, deren Status muss aber im 11. Jahrhundert wegen der abwertenden Beurteilung des Gründungsherrschers ziemlich unsicher gewesen sein. König Ladislaus der Heilige versuchte ihre finanzielle Situation durch Vergeben von Geldeinnahmen und Fischerrechten zu stabilisieren, sie hatte aber erst 1148, zur Herrscherzeit Königs Geza II. (1141–1162) wirklich feste Einnahmen, ihre Propstei begannen auch nur später, im 12. Jahrhundert eine bedeutendere Rolle in Ungarn zu spielen. Sie wurde später öfters (1196–1204, 1211) auch Schauplatz von Gottesurteilen.⁴⁷ Die nächste, an der Wende des 11–12. Jahrhunderts sicher existierende königliche Propstei war die von Titel (es liegt heute in Serbien). Das Kapitel der Heiligen Weisheit wurde von dem König Ladislaus dem Heiligen und seinem auch im Jahre 1095 verstorbenen Bruder, dem Herzog Lampert beim Zusammenfluss der Flüsse Donau und Theiß gegründet. Lampert wurde auch hier begraben, wegen des kurzen Bestehens der Institution ist es jedoch fraglich, ob sie um 1100 schon als bedeutendere Propstei betrachtet wurde. Gottesurteilen bezüglich sind von dieser Kirche keine Daten erhalten geblieben.⁴⁸ König Ladislaus gründete noch (vor 1091) in Großwardein (heute Oradea Mare in Rumänien) ein Kollegiatkapitel, die Gemeinde am Fluss Körös wurde aber bis zum Ende seiner Herrscherzeit schon das Zentrum des von Bihar verlegten Bistums, so kann sie also nicht zu den größeren Propsteien gezählt werden.⁴⁹ Von Neutra wird unten ausführlich berichtet. Zusammenfassend: das Dekret Kolomans bezog sich in Ungarn auf elf Diözesensitze einschließlich das Bistum von Agram (heute Zagreb in Kroatien) und auf höchstens vier, aber eher weniger

⁴⁷ MÁLYUSZ, E., *Az V. István-kori gesta* [Die Gesta aus der Zeit Stephans V.]. Budapest, 1971. S. 18–22; GYÖRFFY, Gy., *Pest-Buda kialakulása* [Das Werden von Pest-Buda]. Budapest, 1997. S. 86–87., 94–96., 98., 103–109., 162–164., 204–207; *Geogr. hist.* (wie in Anm. 11.) Bd. IV. S. 678–687. Zu den Gottesurteilen des Kapitels von Altofen siehe SOLYMOSI, L., Siegelgebrauch beim Gottesurteil. In: *De litteris, manuscriptis, inscriptionibus ... Festschrift zum 65. Geburtstag von Walter Koch*. Hrsg. v. KÖLZER, TH. – BORNSCHLEGEL, F.-A. – FRIEDL, C. – VOGELER, G., Wien-Köln-Weimar, 2007. S. 505–523., bes. S. 514.

⁴⁸ *Geogr. hist.* (wie in Anm. 11.) Bd. I. S. 718–719; KOSZTA, L., Dél-Magyarország egyházi topográfiája a középkorban [Die kirchliche Topographie Südungarns im Mittelalter]. In: *A középkori Dél-Alföld és Szer* [Das mittelalterliche Südtiefenebene und Szer]. Hrsg. v. KOLLÁR, T., Szeged, 2000. S. 41–80. (im weiteren: KOSZTA, L., *Dél-Magyarország*), bes. S. 49–50.

⁴⁹ BUNYITAY, V., *A váradi püspökség története alapításától a jelenkorig* [Die Geschichte des Bistums Großwardein von seiner Gründung bis heute]. Bd. I. Nagyvárad, 1883. S. 29–35; ALMÁSI, T., *Váradi püspökség 1. Váradi püspökség története* [Das Bistum Großwardein 1. Die Geschichte des Bistums Großwardein]. In: *Lexikon*. (wie in Anm. 15.) S. 712.

Kollegiatkapitel. So kann es kein Zufall sein, dass in Nordwestungarn, wo es an Bistums- und Kapitelzentren mangelte, sogar zwei „nicht größere Propsteien“ das Recht des Abhaltens von Ordalien erhielten. Im Weiteren wird versucht, die Fragen zu beantworten, welche kirchlichen Institutionen um 1100 in Pressburg und Neutra die Bevollmächtigung für das Abhalten von Feuereisen- und Heißwasserproben erlangen konnten.

Die Geschichte der Propstei Pressburg stand öfters im Kreuzfeuer von historischen Diskussionen. Die bekannteste von ihnen ist die Auseinandersetzung am Anfang der 1880-er Jahre zwischen Károly Rimely, Domherrn von Pressburg und Nándor Knauz, Priesterhistoriker von Gran. Rimely, der das Kapitel um 1100 schon für größere Propstei hielt, setzte die Gründung der Institution bis ins 10. Jahrhundert, die Zeit der Bekehrungspriester Bischofs Pilgrim von Passau (971–991) zurück, (später legte er als Entstehungszeit des Kapitels das Zeitalter vom König Stephan dem Heiligen [1000–1038] fest), und schrieb dem Propst während des ganzen Mittelalters besondere Jurisdiktion, etwa die des Bischofs zu. Der seine Ansichten scharf kritisierende Knauz glaubte nicht an die Existenz als *praepositura maior* der Kirche um 1100, er legte als Gründungszeit des Kapitels die Wende des 12–13. Jahrhunderts fest, und nahm an, dass der Gründer eine Burgleibeigene-Familie, die Familie Csukár war (sie konnten in Wirklichkeit Patronatsherren der Sankt Martin-Kirche am Bergfuß sein). Er wies auch die Annahme zurück, dass der Leiter des Kapitels beinahe die Macht eines Bischofs gehabt hätte, er hielt seine Jurisdiktion für die eines Erzdechanten und betonte, dass er in frühen Zeiten Mitglied des Kapitels von Gran sein konnte. Während Rimely den Umzug der Propstei aus der Pressburger Burg in die Zeit um 1204/1221 setzte, setzte ihn Knauz erst auf das Ende des 13. Jahrhunderts.⁵⁰

Tivadar Ortway, der Monograph der Geschichte der Stadt Pressburg im späten 19. Jahrhundert, teilte mehr oder weniger die Ansichten Rimelys, er aber hielt – auf frühere Meinungen basierend – auch schon für vorstellbar, dass die Herkunft der Propstei sich bis zur Vorzeit der ungarischen Landnahme, auf das Zeitalter des mährischen Fürstentums zurückführen lässt.⁵¹ Wenig beachtet wurde in der späteren Forschung die maßvolle Stellung-

⁵⁰ RIMELY, C., *Capitulum* (wie Anm. 8.); ZUMBUR [KNAUZ, N.]: A pozsonyi prépostság [Die Propstei von Pressburg]. *Új Magyar Sion* 11 (1880), S. 241–255., 340–359., 499–521., 579–586., 657–689., 728–738., 833–848; 12 (1881), S. 40–49., 108–130., 189–203. (im weiteren: ZUMBUR [KNAUZ, N.], *A pozsonyi prépostság*); RIMELY, K., *A pozsonyi prépostság* (wie Anm. 8.); KNAUZ, N., Válaszul Rimely Károly Adalékjára [Als Antwort auf Károly Rimelys Beitrag]. *Új Magyar Sion* 12 (1881), S. 321–470.

⁵¹ ORTVAY, T., *Pozsony városa*. (wie Anm. 10.) S. 151–193.

nahme von Lajos Crescens Dedek: er glaubte – wie wir es haben sehen können – nicht an die Variante *ut* und nahm dementsprechend nicht die Anwesenheit einer Propstei zur Zeit Königs Koloman an, seiner Ansichten nach konnte sich die frühe Erzdechantenkirche zwischen 1100 und 1204, der Zeit der ersten Erwähnung des Propsts von Pressburg, ins Kapitel umwandeln.⁵² Mit dieser Frage hat sich ungarischer Forscher zum letzten Mal vor einem guten Jahrzehnt auseinandergesetzt: József Köblös nach kann um 1100 herum in Pressburg entweder eine aus den mährischen Zeiten oder aus der Zeit Stephans des Heiligen zurückgebliebene Presbyterkirche oder ein „kleineres“ Kollegiatkapitel gestanden haben.⁵³ Juraj Šedivý, gegenwärtiger Repräsentant der slowakischen Forschung in diesem Bereich glaubt an die Präsenz einer Propstei um 1100 in Pressburg. Er hält die Burg der Gemeinde für ein frühes Missionszentrum, wo ein Erzdechant nach der ungarischen Staatsgründung seinen Sitz haben konnte. Die klerikale Gemeinschaft um den Erzdechant herum wurde dank dem sein Leben in der zweiten Hälfte der 1070-er Jahre in Pressburg hinfristenden Exkönig Salamon (1063–1074) zu einer Propstei, die Entwicklung des Kapitels beschleunigte sich deswegen und wegen der Kriegsgeschehnisse des 12. Jahrhunderts erst im 13. Jahrhundert.⁵⁴

Da oben bewiesen wurde, dass der 22. Artikel des Dekrets von Koloman Pressburg nicht für größere Propstei hält, es existierte ja nicht die als einzige Grundlage dieser Annahme dienende Variante mit *ut*, fällt auch der Beweis weg, dass ein Kollegiatkapitel um 1100 herum in der Stadt anwesend gewesen wäre. Die Burg Pressburg war bereits zur Zeit der Staatsgründung wichtiger Verteidigungsstand, die erste Periode ihrer Erde-Baum-Schanze kann aus der Zeit Stephans des Heiligen datieren.⁵⁵ Einer anderen Meinung nach stammt der Kassettenwall aus der Mitte des 11. Jahrhunderts.⁵⁶ Diese Festung muss schon zu Beginn der 1000-er Jahre zum Zentrum von Gespanschaftsburgen geworden sein (die Organisierung zum Komitat des durch die Burgespanschaft kontrollierten Gebiets konnte jedoch erst etwas später

⁵² DEDEK, C. L., *Pozsony vármegye*. (wie Anm. 7.) S. 533–540.

⁵³ KÖBLÖS, J., *Az egyházi középréteg*. (wie Anm. 15.) S. 13–14.

⁵⁴ ŠEDIVÝ, J., *Die Anfänge*. (wie Anm. 14.) S. 107–117; DERS., *Az egyház*. (wie Anm. 14.) S. 99–111.

⁵⁵ BÓNA, I., *Az Árpádok korai várai* [Die frühen Burgen der Árpáden]. Debrecen, 1998. (im weiteren: BÓNA, I., *Az Árpádok*) S. 34–35, 94–95.

⁵⁶ BUZÁS, G., 11. századi ispáni várainkról [Über die Gespanschaftsburgen Ungarns im 11. Jahrhundert]. In: „Gondolják, látják az várnak nagy voltát...“. *Tanulmányok a 80 éves Nováki Gyula tiszteletére* [Burgkundliche Studien zum 80. Geburtstag von Gyula Nováki]. Hrsg. v. KOVÁCS, Gy. – MIKLÓS, Zs., Budapest, 2006. S. 43–53., bes. S. 49., 51.

erfolgen),⁵⁷ und auf den Grundlagen der dortigen Kirche aus den früheren mährischen Zeiten wurde später eine neue Kirche des Heiligen Heilands erhoben, wo die Bekehrung zum christlichen Glauben ausgeübt werden konnte.⁵⁸

Unsere Geschichtsschreibung hat in den letzten Jahrzehnten für die Herausbildung des Amtes des Erzdechanten das folgende Modell ausgearbeitet: der Priester der in den Burgen Stephans des Heiligen aufgebauten Taufkirchen übte im Weiteren über die später im Umkreis der Burgen entstehenden Kirchen Inspektion aus (zuerst wird 1067 ein Kreispriester erwähnt), später erschienen sie als Archipresbyter zur Zeit Ladislaus' des Heiligen und als Archidiacone zur Zeit Kolomans auch auf den Seiten der Gesetzbücher, aus denen sich später herausstellt, dass sie Inspektoren- und Rechtssprechungsbefugnisse hatten, was ihnen sicherlich auch reichliche Geldeinnahmen sicherte. An der Wende des 12–13. Jahrhunderts zogen sie in die bischöflichen Sitze ein, wo sie Domkapitelmitgliedern wurden, und auf diese Weise ihre ursprüngliche Erzdechantenkirche verlassen konnten.⁵⁹ Die ungarische Forschung hat der Stellungnahme keine besondere Aufmerksamkeit gewidmet, die die Archipresbyter am Ende des 11. Jahrhunderts von den Archidiakonen (*archidiaconi*) an der Wende des 12–13. Jahrhunderts unterschieden hat, zwar hat auch diese Forschungsmeinung damit gerechnet, dass der territoriale Wirkungskreis der ersten dem der späteren Erzdechanten entsprach.⁶⁰

Unserer Meinung nach hatte in der Burg Pressburg auch ein solcher Kreispriester – wir können ihn sowohl Archipresbyter als auch Archidiacon nennen – seinen Sitz, wie es auch schon Lajos Crescens Dedek, oder Juraj Šedivý für die Zeit vor dem König Salomon dachte. Nicht sehr wahrscheinlich zu sein scheint die Hypothese, die aus der Annahme ausgehend, dass Pressburg nicht zu den Komitaten der Staatsgründungszeit gehörte, und ihr Gebiet zum ursprünglich flächenmäßig viel größeren

⁵⁷ KRISTÓ, Gy., *A vármegyék kialakulása Magyarországon* [Die Herausbildung des Komitatswesens in Ungarn]. Budapest, 1988. (im weiteren: KRISTÓ, Gy., *A vármegyék*) S. 336–345.

⁵⁸ ŠTEFANOVIČOVÁ, T., Devín und Pressburg (Bratislava) – zwei bedeutende Burgen des Frühmittelalters an der mittleren Donau. In: *Europas Mitte um 1000. (Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie)*. Hrsg. v. WIECZOREK, A. – HINZ, H.-M., Bd. I-II. Stuttgart, 2000. (im weiteren: *Europas Mitte*) Bd. I. S. 327–329.

⁵⁹ MEZEY, L., Csútmonostor alapítástörténete és első oklevelei (1264–1271) [Die Gründungsgeschichte und die ersten Urkunden des Stiftes Csútmonostor (1264–1271)]. *Tanulmányok Budapest múltjából* 15 (1963), S. 7–42., bes. S. 8–12; KRISTÓ, Gy., *A vármegyék*. (wie Anm. 57.) S. 214–220.

⁶⁰ SZENTIRMAI, A., Der Ursprung des Archidiaconats in Ungarn. *Österreichisches Archiv für Kirchenrecht* 7 (1956), S. 231–244.

Komitat Komárom gehörte, die Herausbildung der Erzdechantenmacht der Propstei von Pressburg erst an den Anfang des 14. Jahrhunderts setzt und früher mit der hiesigen Jurisdiktion des Erzdechanten von Komárom rechnet.⁶¹

Um 1100 herum sollen schon mehrere Klerikalen in Pressburg gelebt haben, und die Erzdechantenkirche wurde in der an den kirchlichen Zentren mangelnden Region zum Schauplatz von Gottesurteilen. Dies, sowie der sich im Ort und regional langsam entfaltende Anspruch auf Schriftlichkeit konnte dazu beitragen, dass sich irgendwann im Verlauf des 12. Jahrhunderts neben dem Erzdechanten – sein Amt behaltend – eine Propstei herausbildete. Dabei konnte sich eher um eine königliche Bildung handeln, eventuell um die des Erzbischofs von Gran. Anfangs war der Propst wegen seines bis zu den letzten Zeiten ausgeübten, ab dem 14. Jahrhundert auch dokumentierten Amtes als Erzdechant auch Mitglied des Metropolitankapitels von Gran, oder genauer formuliert: er wurde noch als Erzdechant Domherr von Gran, und dieses Amt behielt er noch eine Zeit lang auch nach der Gründung des Kollegiatkapitel von Pressburg. Die Entstehung der Propstei muss also in die Zeit fallen, als die Erzdechanten gleichzeitig auch schon Domherren waren, und dies weist eher auf die zweite Hälfte des 12. Jahrhunderts hin.

Der Propst war bei seiner ersten Erwähnung, 1204 mit dem Kustos von Gran in Gesandtschaft bei dem Papst,⁶² 1209 erscheint er zwischen dem Propst von Gran und dem Propst von Szenttamáshegy in der Würdenreihe eines Diploms,⁶³ und 1210 als Zeuge zwischen den Domherren von Gran (nach dem Lector, vor dem Propst von Szenttamáshegy) in einer Zehntensteuer-Angelegenheit, bei der unter anderen der Erzbischof von Gran entschied, und das Kapitel des Oberpriesters die Urkunde erstellte.⁶⁴ Die Reihe solcher Daten ist aus dem 13–14. Jahrhundert reichlich zu vermehren.⁶⁵ Wegen seiner sich an Pressburg bindenden Würde als Propst zog das Haupt des Kollegiatkapitels nicht ins Metropolitankapitel mit dem Sitz in Gran. Die Propsteikirche von Pressburg konnte sich auch zahlenmäßig vermehren, sie kann die Burgkirche entwachsen sein, die Kirchengemeinschaft kann auch die Ausübung der Verteidigungsausgaben gestört haben, deshalb wurde am Anfang des 13. Jahrhunderts notwendig,

⁶¹ KRISTÓ, Gy., *A vármegyék.* (wie Anm. 57.) S. 340–341.

⁶² *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae.* Ed. MARSINA, R., Bd. I–II. Bratislavae, 1971–1987. (im weiteren: CDES) Bd. I. S.106.

⁶³ MES, I, S. 193.

⁶⁴ *A pannonthalmi Szent-Benedek-rend története* [Die Geschichte des Benediktinerordens von Martinsberg]. Hrsg. v. ERDÉLYI, L. – SÖRÖS, P., Bd. I–XII/B. Budapest. 1902–1916. Bd. I. S. 618.

⁶⁵ ZUMBUR[KNAUZ, N.], *A pozsonyi prépostság.* (wie Anm. 50.) S. 518–521.

für sich in der Stadt eine neue Kirche zu finden: dies wurde der Vorfahr des heutigen Sankt Martin-Doms, die Kirche unter dem Patronat der Familie Csukár.⁶⁶

Eine interessante Frage ist die Herausbildung der Propsteien mit Erzdechantenjurisdiktion. Von uns wurden nur wenige Fälle geschildert, um ihre Entwicklung, die mehr oder weniger mit der von Pressburg übereinstimmt, zu schildern.

Zuerst ginge es um Eisenburg (Vasvár in Westungarn). Hierbei nimmt die Forschung schon längst an, dass die Propstei aus dem Erzdechanat heranwachsen konnte, aber wegen Mangel an Quellen können viele Fragen nur durch Stellung von Hypothesen gelöst werden. Über die Herausbildung des Komitats Eisenburg sind sich die Forscher nicht einig, die Mehrheit setzt die Ursprünge des 1108 schon mit Sicherheit existierenden Komitats in die Zeit des Heiligen Stephans,⁶⁷ aber es gibt auch Ansichten, wonach das Komitat erst in der zweiten Hälfte des 11. Jahrhunderts entstand, und es bis dahin als Teil des Komitats Karakó betrachtet. Diesem Standpunkt nach soll der Erzdechantensitz auch in Karakó gewesen sein, und dessen Jurisdiktion wurde später – längst nach der Entstehung des Komitats Eisenburg – dem Propst des Kollegiatkapitels von Eisenburg übertragen, wo eben deswegen kein neues Erzdechanat von Eisenburg zustande kam.⁶⁸ Diese Hypothese erscheint uns unwahrscheinlich, da von einem Erzdechanten von Karakó geschwiegen wird. Die Lokalisation der Gespanschaftsburg Eisenburg ist auch noch nicht völlig entschieden: laut der einer Stellungnahme kann sie im Zentrum der heutigen Stadt gewesen sein,⁶⁹ eine andere Anschauung sucht sie auf dem Sankt Michael Hügel, wo später auch die Kapitelkirche stand,⁷⁰ am wahrscheinlichsten scheint jedoch die Annahme zu sein, die sie auf den heutigen Friedhofshügel platziert.⁷¹ Dieser letzten Ansicht nach kann die

⁶⁶ CDES, I, S. 104–105., 190.

⁶⁷ GYÖRFFY, Gy., *István király*. (wie Anm. 46.) S. 209.

⁶⁸ KRISTÓ, Gy., *A vármegyék*. (wie Anm. 57.) S. 273–276., 283.

⁶⁹ SILL F., *Vasvár története a középkorban (896–1578)* [Die Geschichte von Eisenburg im Mittelalter]. *Vasi Szemle* 39 (1985), S. 60–87., bes. S. 72; ZÁGORHIDI CZIGÁNY, B., *Az Árpád-kori Vasvár topográfiája* [Die Topographie von Eisenburg in der Árpádenzeit]. *Vasi Szemle* 50 (1996), S. 389–397., bes. S. 392.

⁷⁰ DÉNES, J., *A vasvári ispáni vár helye* [Der Ort der Gespansburg in Eisenburg]. *Vasi Szemle* 45 (1991), S. 362–371; DERS., *Hol volt az Árpád-kori vasvári ispáni vár?* [Wo war die arpadenzeitliche Gespansburg in Eisenburg?]. *Vasi Szemle* 50 (1996), S. 607–609; BÓNA, I., *Az Árpádok*. (wie Anm. 55.) S. 58–59.

⁷¹ KISS, G. – ZÁGORHIDI CZIGÁNY, B., *Sopron, Szabolcs, Vasvár. Topográfiai megfigyelések és történeti adatok az Árpád-kori Vasvárról [Ödenburg, Szabolcs, Eisenburg. Topographische Beobachtungen und historische Daten über den arpadenzeitlichen Eisenburg]*. *Soproni Szemle* 55

hiesige Heilige Maria-Kirche (die Vorläuferin der heutigen Friedhofkirche) die Kirche des in der Burg residierenden Erzdechants gewesen sein.

Die Propstei und der Propst von Eisenburg werden zuerst 1217 erwähnt, aus dieser Urkunde weiß man, dass König Béla III. (1172–1196) – die Armut des Kapitels vor Augen haltend – ihm ein Besitztum spendete.⁷² *Terminus ante quem* der Entstehung der Propstei ist also die Herrschaft von Béla. Wahrscheinlich entstand auch hier das Kollegiatkapitel auf den Grundlagen des Erzdechanats des 11. Jahrhunderts, und der Propst übte von Anfang an die Erzdechantenjurisdiktion aus.⁷³ Als Gründer der Propstei kommt neben dem Herrscher auch der Bischof von Raab in Frage. Das Kapitel konnte die Gespannschaftsburg auf dem späteren Friedhofshügel verlassen und auf den Sankt Michael-Hügel umziehen (wo die frühe Pfarrkirche der Siedlung stand), weil die zunehmende kirchliche Tätigkeit – wie in Pressburg – auch hier die Verteidigungsfunktionen störte. Als neue Kirche der Propstei wurde in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts eine dreischiffige romanische Basilika gebaut.⁷⁴ Da die Gespannschaftsburg wahrscheinlich im Tatarensturm (1242) zerstört wurde, wäre prinzipiell auch eine andere Möglichkeit anzunehmen: nach der Zerstörung der Burg und der Erzdechantenkirche in der Burg wurde keine der beiden wiederhergestellt, und der Propst des Kollegiatkapitels erwarb in der Mitte des 13. Jahrhunderts das Amt als *archidiaconus*. Das ist deswegen unwahrscheinlich, weil die Erzdechanten in der Mitte des 13. Jahrhunderts bereits im Domkapitel im Bischofsitz lebten, und der Untergang ihres früheren Zentrums die Aufhebung ihres früheren Amtes nicht mit sich zog. So hätte

(2001), S. 355–360; Kiss, G., Topográfiai megfigyelések Vas vármegye korai Árpád-kori központjaiban [Topographische Beobachtungen in den früharpadenzeitlichen Zentren des Komitats Eisenburg]. In: *Központok és falvak a honfoglalás és kora Árpád-kori Magyarországon* [Zentren und Dörfer in dem landnehemzeitlichen und früharpadenzeitlichen Ungarn]. Hrsg. v. KISNÉ CSEH, J., Tatabánya, 2002. S. 255–269., bes. S. 255–259; Kiss, G. – TÓTH, E. – ZÁGORHIDI CZIGÁNY, B., *A vasvári sánc – Die Schanze der landnehmenden Ungarn von Vasvár* [Eisenburg]. Budapest, 2006. S. 8–9.

⁷² *Urkundenbuch des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete der Komitate Wieselburg, Ödenburg und Eisenburg*. Bearb. v. WAGNER, H. – LINDECK-POZZA, I., I–V, Wien – Köln – Graz, 1955–1999. Bd. I. S. 72–74.

⁷³ SILL, F., *A Vasvár-Szombathelyi Székeskáptalan történetének vázlata* [Abriss der Geschichte des Domkapitels von Vasvár-Szombathely (Eisenburg-Steinamanger)]. In: *A 200 éves Szombathelyi Egyházmegye emlékkönyve* [Festschrift für die zweihundertjährige Diözese von Steinamanger]. Hrsg. v. FÁBIÁN, Á., Szombathely, 1977. S. 173–242., bes. S. 177–178; Kiss, G. – ZÁGORHIDI CZIGÁNY, B., *Sopron, Szabolcs, Vasvár*. (wie Anm. 71.) S. 358–359.

⁷⁴ HÁRIS, A., *Vasvár, Szent Mihály társaskáptalani templom* [Eisenburg, Sankt Michael-Stiftkirche]. In: *Lapidarium Hungaricum*. Bd. 6/II. Hrsg. v. LÖVEL, P., Budapest, 2002. S. 533–535.

im Domkapitel von Raab früher oder später ein Erzdechantendomherr von Eisenburg auftauchen müssen, was aber nie geschah und so ist es wahrscheinlich, dass der Kollegiatkapitelpropst schon längst vor dem Tatarensturm das Amt vom *archidiaconatus* einnahm, oder genauer formuliert: seine Führungsposition des Kapitels ging von der Gründung der Propstei an mit der Erzdechanten einher, da diese letztere auf der Basis der anderen zustande kam.

Unser zweites Beispiel ist die Propstei von Pozsega (heute Požega in Croatien). Pozsega war eines der späten Besatzungsgebiete, sein Gebiet gehörte früher zum Komitat Baranya. Es existiert eine Stellungnahme, die Pozsega als das zuletzt entstandene Erzdechanat der Diözese von Fünfkirchen betrachtet, wo der Propst des schon vorhandenen Kollegiatkapitels die Erzdechantenfunktion erwarb,⁷⁵ wobei auch die widersprechende Ansicht beachtliche Vertretung gewann: in der Burg von Pozsega, die sich im 12. Jahrhundert vom weitläufigen Komitat Baranya unabhängig machte, bildete sich auch ein Erzdechanat heraus, das die Basis der dank einem der Bischöfe von Fünfkirchen im 12. Jahrhundert entstandenen Sankt Peter- Propstei nordöstlich von Pozsega wurde, wo der Propst weiterhin den Aufgabenkreis des *archidiaconus* ausübte.⁷⁶ Im Licht des oben Geschilderten (Pressburg, Eisenburg) erscheint eine zweite Erklärung wahrscheinlich: Der Propst wird zuerst 1217 erwähnt, wenn der Dompropst und das Kapitel von Fünfkirchen eine Urkunde erlässt, der Prälat von Pozsega wird hier nach dem Bischof erwähnt, ihm folgen der Kleinpropst-Erzdechant von Baranya, weitere Domherren (Cantor, Erzdechanten usw.).⁷⁷ Das wirft die Möglichkeit auf, dass am Anfang des 13. Jahrhunderts selbst der Propst von Pozsega wegen seines zeitmäßig früher ausgeführten Amtes als Erzdechant als Mitglied des Domkapitels von Fünfkirchen betrachtet wurde, wie der Propst von Pressburg als Mitglied des Metropolitankapitel von Gran.

Die Machtposition und die finanziellen Verhältnisse der Erzdechanten (ihr Anteil vom Zehnten, das für die kirchliche Inspektion fällige *chatedraticum*, die Einnahmen aus ihren Richtertätigkeiten) machten den Erwerb dieses Amtes auch für andere Propstei anziehend. Die aus Antiochien stammende Frau von Béla III., Anna Châtillon († 1184) gründete in der

⁷⁵ KRISTÓ, Gy., *A vármegyék.* (wie Anm. 57.), S. 296.

⁷⁶ KOSZTA, L., *A pozsegai káptalan tagjai a XIV. század közepéig* [Die Mitglieder des Pozsegaer Kapitels bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts]. *Aetas* 1991/3–4, S. 40–58., bes. S. 41–45.

⁷⁷ WENZEL, G., *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus.* Bd. I–XII. Pest – Budapest, 1860–1874. Bd. XI. S. 153–154.

Erzdiözese von Kalocsa die Propstei von Hájszentlőrinc (heute östlich vom serbischen Bezdin). Das unter der Jurisdiktion des Prälaten von Kalocsa stehende Kollegiatkapitel wurde vom Erzbischof Ugrin mit dem Erzdechanat von Bodrog vereinigt, wozu in 1234 die Genehmigung des päpstlichen Legats, Jacobs von Pecoraria und später die des Papstes Gregors IX. (1227–1241) erwarb. Seine Begründung war die ärmliche finanzielle Situation der Propstei, er wollte dieser mit der Zuordnung vom *archidiaconatus* nachhelfen.⁷⁸ Die Situation von der Propstei und deren Leiter, dem Propst konnte sich nach der Vereinigung bald stabilisieren, sein Ansehen nahm zu, da er 1238–1241, bzw. 1330–1331 die Funktion des königlichen Kapellengespanns einnahm.⁷⁹ Stephan Bischof von Agram gründete 1232 die Heiliger Geist-Propstei des slawonischen Ortes Csázma (heute Čazma in Kroatien), wozu er später auch das Erzdechanat von Guscse ankoppelte.⁸⁰ Auch dieser Schritt sollte das Ansehen des frisch gegründeten Kollegiatkapitels erheben und seine stabile finanzielle Basis schaffen.

Die im 22. Kapitel des Dekrets Kolomans erwähnte keine „größere Propstei“ war die Kirche von Neutra. Es ist bekannt, dass Neutra über ernsthafte christliche Traditionen verfügte, es hatte bereits im 9. Jahrhundert eine Kirche, und auch hier entstand 880 eines der Bistümer des Mährischen Fürstentums, das aller Wahrscheinlichkeit nach bis zur ungarischen Aneignung am Anfang des 10. Jahrhunderts funktionieren konnte.⁸¹ Einige slowakische Historiker sahen in dieser Diözese den Rechtsvorgänger des Erzbistums von Gran,⁸² die Vorstellung wurde jedoch selbst von den dortigen Experten zurückgewiesen.⁸³ Eine Linie der Forschung hält es für Kollegiatkapitelsitz von der Zeit Stephans des Heiligen an, da einer der Schutzpatrone der Kirche von Neutra im 7–8. Jahrhundert lebte, und der in Bayern sehr populäre Bischof Heiliger Emmeram war, den die in der Begleitung von Königin Gisella († 1060) kommenden Priester zum

⁷⁸ THEINER, A., *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. Bd. I-II. Romae, 1859–1860. Bd. I. S. 124–125.

⁷⁹ *Geogr. hist.* (wie in Anm. 11.) Bd. I. S. 718–719; KÖBLÖS, J., Hájszentlőrinc. In: *Lexikon*. (wie in Anm. 15.) S. 251–252; KOSZTA, L., *Dél-Magyarország*. (wie Anm. 48.), S. 49–50.

⁸⁰ KOSZTA, L., Csázma. In: *Lexikon*. (wie in Anm. 15.) S. 147.

⁸¹ MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo*. (wie Anm. 12.), S. 530–534.

⁸² MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo*. (wie Anm. 12.), S. 535; DERS., Das Herzogtum Neutra (Nitra) und Ungarn. Vom Niedergang Grossmährens bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. In: *Europas Mitte*. (wie Anm. 58.) Bd. II. S. 581–583.

⁸³ MÚCSKA, V., About the First Hungarian Bishopricks. In: *East Central Europe*. (wie Anm. 14.) S. 119–139., bes. S. 128.

Schutzpatronen der dortigen Kirche gemacht haben können.⁸⁴ Da es für die Kapitelgründung Stephans keinerlei schriftliche Quellen gibt, müssen wir spätere Gründer annehmen, wobei wir die Herkunft des Patroziniums aus dem 11. Jahrhundert nicht bestreiten. Neutra wird einstimmig für Komitat der Staatsgründungszeit gehalten, und der Priester der hiesigen Taufkirche kann am Ende des 11. Jahrhunderts schon sicherlich eine Art Führungsrolle über den Pfarrkirchen der Umgebung gespielt haben. Seine Nachfolger sollen die Erzdechanten von Neutra im Graner Erzbistum gewesen sein.⁸⁵

Am Anfang der Herrschaft des Staatgründerkönigs lebten in der Umgebung des nahe liegenden Zobors (heute Zobor in der Slowakei) die zwei polnischen Eremiten Andreas-Zoerardus und Benedikt.⁸⁶ Zoerardus und der etwas später als Opfer eines Raubüberfalles verstorbene Benedikt wurden auch in der Sankt Emmeram-Kirche von Neutra begraben, wie es aus der Legende der 1060-er Jahre des Fünfkirchner Bischofs Maurus bekannt ist.⁸⁷ Auch daraus weiß man, das der Prälat den Bußgürtel von Zoerardus aneignete, den er um 1064 herum dem Herzog Géza (1064–1074), dem späteren König (1074–1077) schenkte, der den Anzeichen nach großer Verehrer des Eremiten war.⁸⁸ Nachdem uns eine – nicht unbedingt glaubhafte – Urkunde aus 1271 zur Verfügung steht, wonach bestimmte Besitztümer des Bistums von Neutra von den Gaben der „äußerst heiligen Könige Ladislaus und Géza“ stammten,⁸⁹ und auch die Gründer des zur

⁸⁴ GYÖRFFY, Gy., *A magyar állam.* (wie Anm. 11.), S. 963; *Geogr. hist.* Bd. IV. S. 334–335; MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo.* (wie Anm. 12.) S. 534., 538.

⁸⁵ GYÖRFFY, Gy., *Istoán király.* (wie Anm. 46.) S. 209; KRISTÓ, Gy., *A vármegyék.* (wie Anm. 57.), S. 345–349.

⁸⁶ PRAŽAK, R., *A Legenda Sanctorum Zoerardi et Benedicti történelmi és kulturális összefüggései* [Die Legenda Sanctorum Zoerardi et Benedicti in breiteren historischen und kulturellen Zusammenhängen ihrer Zeit]. *Irodalomtörténeti Közlemények* 84 (1980), S. 393–408; DERS., *Mór püspök Szent Zoerard és Benedek remetékről szóló legendája* [Die Legende des Bischofs Maurus über die Eremiten Zoerardus und Benedictus]. In: *Mons Sacer 996–1996. Pannonhalma 1000 éve* [Tausend Jahre von Martinsberg]. Hrsg. v. TAKÁCS, I., Bd. I–III. Pannonhalma, 1996. Bd. I. S. 333–340; SÓLYMOS, Sz., *Szent Zoerard-András (Szórád) és Benedek remeték élete és kultusza Magyarországon* [Leben und Verehrung der heiligen Benediktiner-Einsiedler-Mönche: Zoerardus-Andreas und Benedikt in Ungarn]. Budapest, 1996.

⁸⁷ *Scriptores rerum Hungaricarum. Edendo operi praefuit Emericus Szentpétery.* Bd. I–II. Budapest, 1937–1938. (im weiteren: SRH) Bd. II. S. 359–360.

⁸⁸ *Ebenda*, S. 360.

⁸⁹ F. (wie Anm. 40.) Bd. VII/2, 152. Auf seine Kritik siehe: *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica.* Ed. SZENTPÉTERY, E.–BORSA, I., Bd. I–II/4. Budapest, 1923–1987. Bd. I, nr. 2106. Dafür, dass in der Urkunde *sanctissimi regis Ladislai et Geysae* steht anstatt vom in der Ausgabe stehenden *serenissimi etc.* siehe: PAULER, Gy., *A magyar nemzet.* (wie Anm. 6.) Bd. I. S. 451. Anm. 340.

Ehre Bischofs Emmerams und der zwei Eremiten gestifteten Kapitels in ihren Personen zu suchen sind. Die ungarische und slowakische Geschichtsschreibung rekonstruiert schon seit langem die Entstehung des Bistums von Neutra auf die Art, dass Ladislaus der Heilige den Prozess der Gründung startete und Koloman ihn vollbrachte,⁹⁰ im Sinne des Oberen kann jedoch auch Géza nicht außer Acht gelassen werden.

Falls Géza – sei es als Herr des auch Neutra umfassenden Herzogtums, sei es als König – der Sankt Emmeram-Kirche Besitztümer spendete und darin ein Kapitel gründete, dann können die Spenden von Ladislaus mit größter Wahrscheinlichkeit mit dem Heiligsprechen der zwei Eremiten in Beziehung gebracht werden, das heißt mit der Zeit seines Königtums und nicht des Herzogtums (1074–1077). Als Datum der Kanonisation gibt unsere Geschichtsschreibung traditionell den 16–17. Juli 1083 an,⁹¹ obwohl das frühe Informationen enthaltende Pressburger Jahrbuch (*Annales Posonienses*) lediglich das Heiligsprechen Königs Stephans, Bischofs Gerards und Herzogs Emerich auf dieses Jahr legt.⁹² Aufgrund der Heiligen Ladislaus-Legende ist es aber sicher, dass die Erhebung der zwei Eremiten auf den Altar von Neutra zur Zeit des Ritterkönigs geschah⁹³ und sein *terminus ante quem* um 1092 ist, da der damals entstandene Kodex von Hahót zu ihnen gerichtete Fürbitten enthält.⁹⁴ Die Kanonisation soll – wenn wir nicht unbedingt auf das traditionelle Datum bestehen – 1077–1083 erfolgt sein, etwa als Generalprobe der späteren Heiligsprechungen auf Landesebene, wobei auch ein Akt von Neutra ein paar Jahre nach 1083 nicht unvorstellbar ist.⁹⁵ Wir halten die Gründung des Kapitels als einen Prozess ab 1064 (ab

⁹⁰ PAULER, Gy., *A magyar nemzet.* (wie Anm. 6.) Bd. I. S. 171., 216; KARÁCSONYI J., *Szent László király élete* [Das Leben des Königs heiligen Ladislaus]. Máriabesnyő – Gödöllő, 2006. [Erste ausgabe: 1926] S. 68; HÓMAN, B. – SZEKŰ, Gy., *Magyar történet* [Ungarische Geschichte]. Bd. I. Budapest, 1935. S. 301–302; FÜGEDI, E., *Nyitra megye betelepülése* [Die Besiedlung des Komitats Neutra]. *Századok* 72 (1938), S. 273–319., 488–509., bes. S. 293; KRISTÓ Gy., *A XI. századi hercegség története Magyarországon* [Die Geschichte des Herzogtums des XI. Jahrhunderts in Ungarn]. Budapest, 1974. S. 121–122; MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo.* (wie Anm. 12.) S. 536–537; DERS., *Der Herzogtum Neutra.* (wie Anm. 82.) S. 362.

⁹¹ KLANICZAY, G., *Holy Rulers and Blessed Princesses (Dynastic Cults in Medieval Central Europe)*. Cambridge, 2002. (Past and Present Publications) (im weiteren: KLANICZAY, G.: *Holy Rulers*) S. 124. Lässt auch die Zeit Kolomans nicht ausser Acht: GYÖRFFY, Gy., *István király.* (wie Anm. 46.) S. 393–394.

⁹² SRH Bd. I. S. 126.

⁹³ SRH Bd. II. S. 521.

⁹⁴ KLANICZAY, G., *Holy Rulers.* (wie Anm. 91) S. 131.

⁹⁵ Bekanntlich ist auch in der neuesten Zeit der Gedanke aufgetaucht, dass die grössere Heiliger Stephan-Legende in ihrer heute bekannten Form eventuell nicht vollständig ist, und seine Abschlussstellen (die auch der Wunder ausser seinem Tod am Grab und seiner

dem Anfang der herzoglichen Tätigkeit von Géza) bis zu der zweiten Hälfte der 1080-er Jahre (bis zum sicheren Erfolgen der Heiligsprechungen) für möglich.

Dass der Rechtvorgänger des Bistums Neutra ein Kollegiatkapitel war, wird durch ein weiterer Umstand bestätigt. Das örtliche Domskapitel hatte nämlich – auf einmalige Art in Ungarn – bis zum Ende des 18. Jahrhunderts keinen Propst, der allfällige Leiter des Kapitels war der Domdechant.⁹⁶ Als Erklärung dafür ist aufgetaucht, dass die zum Bischof gehörenden Güter aus den Propstpfründen des Kollegiatkapitels herausgebildet wurden, und so nicht genügend finanzielle Grundlage für die Schaffung eines neuen Propstbenefiziums übrig blieb.⁹⁷ Es ist nicht zu denken, dass wir am Anfang des 12. Jahrhunderts in Ungarn im Falle eines Kollegiatkapitels schon mit selbständigen Propstpfründen rechnen können, da selbst die Trennung von

Heiligsprechung gedenken konnten) aus der Heiliger Stephan-Diskussion Bischofs Hartvik zu entnehmen sind, der die Grosslegende reichlich ausbeutet. Diese Stellungnahme legt auch die *Legenda maior* – ähnlich zur kleineren Legende und zum Werk Hartviks – auf die Zeit Kolomans. Siehe KRISTÓ, Gy., A nagyobbik és a Hartvik-féle István-legenda szövegkapcsolatához [Zum Textbezug der grösseren und der Hartvikschen Stephanslegende]. In: *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica* 90 (1990), S. 43–62. (Veröffentlicht auch in: DERS., *Írások Szent Istvánról és koráról* [Schriften über Stephan den Heiligen und seine Zeit]. Szeged, 2000. S. 175–194.). Interessanterweise berichtet die grössere Stephan-Legende von den zwei Einsiedlern von Zobor: „Einer von ihnen kam als Bekenner zu den Chören der Engel, wie die Wunder bezeugen, die der Herr durch ihn vollbrachte. Der andere liess sein Leben für Christus und erhielt gnädig die Martyrerkrone“ (*Quorum unus per confessionis meritum angelicis choris est associatus testibus miraculorum signis per ipsum a domino factis, alter, Benedictus pro Christo sanguine fuso mirabiliter laureatus*). SRH II. S. 382. Deutsche Übersetzung: Die heiligen Könige. Übersetzt, eingeleitet und erklärt v. BOGYAY, TH. V. – BAK, J. – SLAGI, G., *Ungarns Geschichtsschreiber*. Bd. I. Graz – Wien – Köln, 1976. S. 36. Wir halten für möglich, dass die Legende schon der zwei heilig gesprochenen Eremiten in dieser Form gedachte, da sie Zoerad-Andreas als Bekenner (*confessor*) und Benedikt als Martyrer (*martyr*) erwähnt, und dadurch die zwei Grundtype der mittelalterlichen Heiliger erscheinen lässt. Falls unsere Vorstellung durch die spätere Forschung bewiesen wäre, und die Kanonisation der zwei Eremiten auf 1083 oder auf die Jahre danach gesetzt wird, dann könnte dies die Annahme der späteren Entsehung der *Legenda maior* bestätigen. Wenn wir die Erhebung auf den Altar der zwei Personen auf die Zeit vor 1083 setzen, dann dient es als Beweis dafür, dass die Stephan-Biographie aus der Zeit um 1083 herum sie schon als Heilige erkennt. Unsere Hypothese muss natürlich durch weitere Untersuchungen bestätigt werden.

⁹⁶ VAGNER, J., *Adalékok a nyitrai székeskáptalan történetéhez* [Beiträge zur Geschichte des Domkapitels von Neutra]. Nyitra, 1896, S. 507–513., 514–522; MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo*. (wie Anm. 12.) S. 541; KOSZTA, L., Die Domkapitel und ihre Domherren bis Anfang des 12. Jahrhunderts in Ungarn. In: ... *The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways ... Festschrift in Honor of János M. Bak*. Ed. by NAGY, B. – SEBŐK, M., Budapest, 1999. S. 478–491., bes. S. 490–491. Anm. 57.

⁹⁷ KOSZTA, L., *Die Domkapitel*. (wie Anm. 96.) S. 490–491. Anm. 57.

Bischofs- und Domherreneinkommen bloß ein paar Jahrzehnte früher angefangen hatte.⁹⁸ Der größten Wahrscheinlichkeit nach wurde der Propst des Kollegiatkapitels von Neutra auch der erste Bischof, und die Bischöfe von Neutra waren – zumindest in der Arpadenzeit – auch die Häupter des Kapitels, die in der inneren Funktion des Gremiums durch den Domdechanten ersetzt wurden.⁹⁹ Darauf lässt sich vom Ende des 13. Jahrhunderts eine Analogie finden: zu der Zeit wurde Propst Jacob in der Zips (heute Spišská Kapitula in der Slowakei) zum Bischof der Zips geweiht, der gleichzeitig auch das Haupt des dortigen Kollegiatkapitels blieb, dessen Fall jedoch ein allein stehendes Beispiel in der Geschichte der Zips blieb.¹⁰⁰

Da wir selbst auch behaupten, dass ein Kollegiatkapitel um 1100 in Neutra funktionierte, müssen wir eine Antwort auf die Frage finden, warum es das 22. Kapitel des Dekrets von Koloman – im Sinne des oben Geschilderten – nicht für eine „größere Propstei“ hält. Dies lässt sich schwer erklären: es ist vorstellbar, dass die Zahl der im Kapitel lebenden Domherren zu klein war, oder das Kollegiatkapitel wegen seiner finanziellen Verhältnisse nicht als *praepositura maior* galt. Immerhin erwähnt die bekannte Urkunde von Zobor 1111 schon neun Domherren in Neutra,¹⁰¹ was aber entweder den Zustand unmittelbar nach der Gründung des Bistums oder den direkt davor widerspiegelt.¹⁰² Auf die Frage, warum das Amt des Propstes im Kollegiatkapitel von Neutra mit dem Amt als *archipresbiter* oder Erzdechant in der Gespanschaftsburg von Neutra verbunden wurde, gibt es mehrere Erklärungen: das Kollegiatkapitel entstand nicht auf der Basis der Taufkirche der frühen Gespanschaftsburg, sondern auf der Grundlage der Sankt Emmeram-Basilika auf dem Schlossberg, (die spätere Erzdechantenkirche könnte eventuell die Heilige Maria-Kirche der Erde-Holzburg auf dem Vršok Hügel nördlich vom Schlossberg gewesen sein),¹⁰³ die Stabilisierung des Amtes des Erzdechanten fiel gerade auf die Wende des

⁹⁸ DHA Bd. I. S. 225–226.

⁹⁹ MARSINA, R., *Nitrianske biskupstvo*. (wie Anm. 12.) S. 541.

¹⁰⁰ KOVÁCS, Zs., A Szepesség egyházi állása a középkorban [Die kirchenrechtliche Stellung der Zips im Mittelalter]. In: *Egyházak a változó világban* [Kirchen in der sich wandelnden Zeit]. Hrsg. v. BÁRDOS, I. – BEKE, M., Tatabánya – Esztergom, [1992]. S. 145–147.

¹⁰¹ DHA Bd. I. S. 383.

¹⁰² Gyula Pauler setzte die Gründung der Diözese Neutra auf 1106/1107. (*A magyar nemzet*. [wie Anm. 6.] Bd. I. S. 464–465. Anm. 401.); György Györffy setzte sie in einem seiner Werke auf 1112/1113 (*A magyar állam* [wie Anm. 11.], S. 963., 1673.), und in einem anderen auf 1105 (*Geogr. hist.* Bd. IV. S. 334–335., 437–438.); Richard Marsina demgegenüber auf die Zeit vor 1115 (*Nitrianske biskupstvo*. [wie Anm. 12.] S. 537.).

¹⁰³ Vgl. RUTKAY, A. T., Neutra (Nitra) und Zobor. In: *Europas Mitte*. (wie Anm. 58) Bd. II. S. 628–632.

11–12. Jahrhunderts, als in Neutra gerade schon ein Bistum auf den Grundlagen des Kollegiatkapitels organisiert wurde, wessen Umfang (da es sich lediglich auf die Stadt Neutra und auf das damit territorial nicht zusammenhängende Komitat Trencsén – heute Trenčín in der Slowakei – ausbreitete) von dem Verwaltungsbereich des *archidiaconus* von Neutra in der Erzdiözese von Gran, das heißt vom großen Teil des Komitats Neutra abwich; bzw. deuten unsere obigen Beispiele (Pressburg, Eisenburg, Pozsega) an, dass die Umwandlung vom Erzdechanat zur Propstei in den späteren Jahrzehnten des 12. Jahrhunderts Praxis wurde. Die Kolomansche Gesetzstelle dachte aber den Gottesurteilen bezüglich mit aller Sicherheit an die alte Sankt Emmeram-Kirche, und nicht an die weniger angesehene Erzdechantenkirche.

Zusammenfassend zur Studie können wir sagen: als authentische Textvariante des 22. Kapitels der Synode von Tarczal in Bezug auf die Durchführung von Gottesurteilen erscheint nach den Bischofsitzen und größeren Propsteien die Formulierung „weiterhin in Pressburg und Neutra“ (*necnon Posanii et Nitrie*). In diesem Sinne waren die zwei Kirchen um 1100 keine „größeren Propsteien“. Im Falle von Pressburg nehmen wir einen frühen Erzdechantensitz an, der im Verlauf des 12. Jahrhunderts zum Kollegiatkapitel wurde, wo der Propst auch weiterhin seine Funktion als *archidiaconus* behielt. Demgegenüber kann in Neutra ein vom Herzog Géza I. oder noch eher vom König Ladislaus dem Heiligen gegründete vom Erzdechanten Neutras unabhängige Kollegiatkapitel funktioniert haben, das wegen bestimmter – genau nicht aufklärbarer eher nur mutmaßlicher – Umstände nicht als „größere“ Propstei zu betrachten war, bald aber zum Domkapitel wurde. Der Fall Pressburgs, das heißt die Umwandlung vom Erzdechanat zur Propstkirche mit weiterhin ausgeübter Kirchenverwaltungsbefugnis auf mittlerer Eben, war also kein Einzelfall in Ungarn, wie es unter anderen auch aus dem Fall von Eisenburg und Pozsega anzunehmen ist.

GERGELY KISS

« *Teuzo sancte Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis* »
**Contribution aux relations de la Papauté et du roi hongrois Ladislas
Ier à la fin du XIe siècle***

Abstract: The present paper is a short contribution to the relations of the Holy See and Hungary at the end of Eleventh Century. At this time, a certain Teuzo as legat had several importance on the hungarian-papal diplomatic relations. The aim of the present paper is to identificate the two Teuzos (Teuzo I, the antipope Clément III's men and Teuzo II, popes Gregory VII, Urban II and Pascalis II's legat) related in the contemporary sources.

Key words: Teuzo, papal legat, hungarian-papal diplomatic relations (Eleventh Century), Gregory VII, Urban II, Pascal II, Clément III (Wibert of Ravenna).

Le nom de Teuzo – personnage-clé de l'étude présente – est mentionné à deux reprise dans l'acte de fondation de l'abbaye bénédictine de Somogyvár ; pour la première fois en tant que *legatus*, pour la deuxième comme *cardinalis*.¹ Figure peu étudié en Hongrie, ou bien contradictoire des relations de la Papauté et de la Hongrie, il m'érite de dissiper « la brume » contournant son personnage.

Ce fut Ferenc Makk, qui, en faisant allusion au problème d'identification de Teuzo, souligna l'importance d'éclairer son rôle dans les relations de la

* La publication de l'étude présente est soutenue par la Bourse de Recherches János Bolyai (BO/00530/08/2) – The present paper has been prepared with support of János Bolyai Research-Scholarship (BO/00530/08/2). La publication présente est aussi soutenue par OTKA TS 049775.

¹ *Diplomata Hungariae Antiquissima edendo operi praefuit Gregorius GYÖRFFY Volumen I 1000–1131, Budapestini, 1992. Nr. 88. p. 268., Nr. 89. p. 269. (Dans ce qui suit : DHA)*

Papauté et du roi hongrois Ladislas Ier (1077–1095).² Il est évident, que dans le cas où Teuzo était identifiable à un légat de l'antipape Clément III (Wibert de Ravenne), la rupture entre le roi Ladislas Ier et le pape Urbain II, l'adhésion du premier au parti antigrégorien se serait effectuée même en 1091. Pour élucider ce problème analysons de plus près les éléments de cette hypothèse.

En 1921 Paul Kehr esquissa – dans le cadre de son exposé académique portant sur Wibert de Ravenne – la campagne militaire du roi Ladislas Ier en Croatie, et il publia à la fois la lettre du roi adressée à l'abbé de Montecassino, Oderisius. L'auteur estima, que Ladislas refusa le renouvellement de la vassalité établie auparavant entre le roi Zvoimir et Grégoire VII, et il se rangea auprès de l'empereur Henri IV et Wibert de Ravenne. L'auteur nota aussi – en rapport avec la lettre de Ladislas à l'abbé de Montecassino, un des cardinaux-diacres d'Urbain II – que l'on ne possédait aucune information précise sur la personne du légat demandé par Ladislas Ier. Teuzo – écrivit-il malheureusement sans aucune référence – ne pouvait être identique au légat demandé d'Urbain II dans la lettre du roi hongrois.³

En 1936 publia Hans-Walter Klewitz son étude sur la constitution du collège des cardinaux à l'époque des querelles d'investitures.⁴ Cet érudit, suivant les résultats de Paul Kehr, essaya de distinguer les cardinaux-évêques, prêtres et diacres des papes de réforme (Grégoire VII, Victor III, Urbain II, Pascal II) et de l'antipape Clément III. L'auteur estima le nombre

² Ferenc MAKK, *Magyar külpolitika 896–1196* (Doktori értekezés. Kézirat) [Politique étrangère hongroise 896–1196 (Thèse de doctorat de l'Académie, manuscrit), t. I-II. Szeged, 1990. « Le légat du pape arriva en Hongrie à l'automne de 1091, où – comme on a vu – il participa à la fondation de l'abbaye de Somogyvár. Le cardinal Teuzo formula, au nom du pape Urbain II, que le Siège Apostolique – d'après le serment de fidélité de Zvoimir – considérait la Croatie comme vassal, et par conséquent le nouveau roi croate, Álmos devrait prêter serment, lui-même aussi, au pape. [...] Ladislas et Álmos refusèrent l'exigence du pape, le cardinal Teuzo dut quitter la Hongrie sans avoir eu les résultats souhaités. » t. I. p. 207. « Il est notoire dans l'historiographie étrangère, d'après une lettre contemporaine, que le cardinal Teuzo présent à la fondation de Somogyvár fut le légat de l'antipape Clément III et non pas celui d'Urbain II, ce qui n'eut aucun reflet dans l'historiographie hongroise. Dans le cas, où cette considération est juste, le roi Ladislas était en relation avec l'antipape même en 1091. » t. II. p. 94, note 137. (Dans ce qui suit : MAKK 1990)

³ Paul KEHR, *Zur Geschichte Wiberts von Ravenna (Clemens III.)* I-II, (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Sitzung der philosophisch-historischen Klasse vom 7. April.) Berlin, 1921–1922. (Dans ce qui suit : KEHR 1921) L'auteur se précisa à propos de Teuzo : « Im Herbst 1091 treffen wir in Ungarn den Kardinallegaten Teuzo, aber der ist wohl nicht der von Ladislaus erbetene Legat. » I. p. 361, note 2.

⁴ Hans-Walter KLEWITZ, « Die Entstehung des Kardinalkollegiums », dans *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung* XXV. (Weimar, 1936) pp. 115–221. (Dans ce qui suit : KLEWITZ 1936)

des cardinaux-prêtres soutenant Wibert de Ravenne à 22 durant la période de 1084–1099.⁵ 20 d'entre eux sont connus directement des chartes de Clément III,⁶ tandis que les deux restes sont mentionnés dans une lettre de Gélase II adressée à Cunon, évêque de Palestrina.⁷ Teuzo est nommé dans cette dernière, qualifié un des fidèles de Wibert de Ravenne. Klewitz estima qu'il s'agissait de deux Teuzo différents, celui qui fut mentionné dans la lettre de Gélase II n'était pas identique à celui qui se manifesta dans les sources en tant que légat d'Urbain II, cardinal-prêtre de SS. Giovanni e Paolo. L'auteur supposa – d'après les résultats de Kehr – que ce Teuzo, présent à la fondation de Somogyvár, était un des partisans de l'antitape, ses activités n'étaient portant pas connus en détails.⁸ Plus tard Klewitz distingua clairement les deux personnes.⁹

Presque deux décennies plus tard Karl Jordan traita la place de Wibert de Ravenne dans la polémie des querelles d'investiture.¹⁰ Il prit en considération, très brièvement, les relations de la Papauté et de la Hongrie durant les dernières décennies du XIe siècle, la rupture du roi Ladislas Ier avec

⁵ KLEWITZ 1936, pp. 167–168.

⁶ Ceux sont : Anastasius (S. Anastasia), Leo (S. Lorenzo in Damaso), Hatto (Atto), Robertus, ill. később Romanus (S. Marco), Beno (S. Silvestro), Leo (S. Lorenzo in Lucina), Warinus (SS. Apostolorum), Hugo (S. Clemente), Petrus (S. Crisogono), Johannes (S. Prisca), Guido (S. Balbina), Romanus (S. Ciriaco), Nicolaus (S. Sabina), Octavianus (S. Susanna), Deodatus (S. Prassede), Romanus (S. Marcello), Hugobald, Innonencius, Adalmarius. Cf. : KEHR 1921, p. 982; KLEWITZ 1936, pp. 167–168.

⁷ La lettre du pape Gélase II à l'évêque Cunon, 13 avril 1118, Capua : « In hoc autem tanto facinore nullum de Romano clero imperator Deo gratias habuit socium. Sed Wibertini quidam: Romanus de s. Marcello, Centius qui dicebatur de Crisogoni et Teuzo, qui tanto per Daciam tempore debachatus est, tamen infamem gloriam celebrarunt. » Citée par KLEWITZ 1936, p. 167, note 3. Le deux autres sont Centius et Teuzo, car Romanus est connu d'autres sources, il était décoré du titre de S. Prassede. KLEWITZ 1936, p. 217, nr. 34.

⁸ « Ein Teuzo S. R. E. Legatus begegnet nämlich 1091 in Ungarn und kommt in der Stiftungsurkunde der Benediktinerabtei Somogyvár vor. Ferdinand Šišić [...] möchte ihn für den Legaten Urbans II. halten, den Ladislaus I. erbeten und dessen abschlagige Antwort in der Frage der kroatischen Krönung ihn in das Lager Wiberts getrieben habe. Kehr hat jedoch [...] vermutet, daß Teuzo »wohl nicht der von Ladislaus erbetene Legat« gewesen sei, und das läßt sich mit unserer Briefstelle stützen. Denn sie macht es unwahrscheinlich, daß der [...] erwähnende Kardinalpriester Teuzo von SS. Giovanni e Paolo, der zu den Kardinälen Urbans II. gehörte, personengleich ist mit dem ungarischen Teuzo, über dessen Wirksamkeit erst eine eingehende Untersuchung über das Verhältnis Ungarns zur Kurie um die Wende des 11. zum 12. Jahrhundert volle Aufklärung wird bieten können. » KLEWITZ 1936, p. 167, note 3.

⁹ Teuzo 'Mönch' (SS. Giovanni e Paolo) et Teuzo 'Wibertiner': KLEWITZ 1936, p. 172.

¹⁰ Karl JORDAN, « Die Stellung Wiberts von Ravenna in der Publizistik des Investiturstreits », dans *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung* 62 (1954), pp. 155–164. (Dans ce qui suit : JORDAN 1954)

le pape Urbain II. Jordan, tout en partageant l'avis de Klewitz distingua le légat présent à Somogyvár du Teuzo, cardinal-prêtre de SS. Giovanni e Paulo, partisan d'Urbain II et Pascal II.¹¹

De même, Alphons Becker prit une position très nette dans sa monographie écrite sur Urbain II. En se basant sur les oeuvres de Kehr, Klewitz et Jordan il tint comme fait que le roi Ladislas Ier rompit avec Urbain II après la campagne militaire en Croatie, et s'adhéra à Henri IV et Clément III, ce dernier lui envoya un légat en 1091.¹²

D'après ce qui est dit ci-haut, l'on peut formuler que l'historiographie allemande enregistra deux personnes différentes sous le nom Teuzo. L'un était le Teuzo, cardinal-prêtre de SS. Giovanni e Paulo qui soutenait d'une façon constante les papes de réforme, tandis que l'autre fut un autre Teuzo inconnu qui se rangea auprès de Wibert de Ravenne, et qui fut présent en tant que légat de l'antipape en Hongrie au cours de 1091 ce qui représentait l'adhésion de Ladislas Ier à Clément III.

Cette hypothèse – bien qu'elle semble être acceptable, et par conséquent l'on pourrait compter sur la présence du légat de l'antipape ainsi que le changement de la politique extérieure du roi Ladislas Ier – n'est pas assuré complètement, surtout par rapport du légat de l'antipape, Teuzo.

Pour prouver ce qui est venu d'écrire, je présente les sources portant sur les personnes nommés également Teuzo. Pour les distinguer, se désigne Teuzo I le légat supposé de l'antipape Clément III, et l'autre, partisan des papes de réforme, Teuzo II.

* * *

Teuzo I

L'on peut faire allusion à une seule indice qu'usa Klewitz lui-même : il s'agit de la lettre du 13 avril 1118 de Gélase II adressée à Cunon, évêque de Palestrina. Teuzo y est mentionné en compagnie de deux autres, Romanus et Centius, eux tous représentés comme partisans de Wibert de Ravenne.¹³ Il était une personne réelle, car la mention de Romanus et Centius approuve que l'auteur de la lettre possédait des informations précises sur les fidèles de

¹¹ JORDAN 1954, p. 156.

¹² Alphons BECKER, *Papst Urban II. (1088–1099)*. t. I. *Herkunft und kirchliche Laufbahn. Der Papst und die lateinische Christenheit*. (Schriften der Monumenta Germaniae historica, t. 19/1) Deutsches Institut für Erforschung des Mittelalters, Stuttgart, 1964. (Dans ce qui suit : BECKER 1964) p. 167.

¹³ « In hoc autem tanto facinore nullum de Romano clero imperator Deo gratias habuit socium. Sed Wibertini quidam: Romanus de s. Marcello, Centius qui dicebatur de Crisogoni et Teuzo, qui tanto per Daciam tempore debachatus est, tamen infamem gloriam celebrarunt. » cité par KLEWITZ 1936, p. 167, note 3.

l'antipape Clément III. Teuzo devait donc être l'attaché de Wibert de Ravenne.

Cependant, le nom de Teuzo n'est mentionné nul part, même pas dans la correspondance de Wibert de Ravenne. En plus, l'alliance du roi Ladislas Ier et de l'empereur Henri IV fut conclue entre les deux souverains et non pas entre le roi et l'antipape.¹⁴

Teuzo II

L'on possède des informations plus précises de cette deuxième personne. D'après les indices sa présence fut maintenue auprès des papes de réforme, Grégoire VII, Urbain II et Pascal II.

Le nom de Teuzo se surgit pour la première fois au 28 avril 1074. Le pape Grégoire VII consacra durant la première année de son pontificat plusieurs archevêques et évêques, dont un certain Teuzo.¹⁵ Teuzo Teatinus, mentionné ici, est l'évêque de Chieti qui ne peut pas être identique au cardinal Teuzo comme cela se voit dans ce qui suit.

1. Teuzo est mentionné dans la lettre du 31 mars 1077 de Grégoire VII adressée au roi d'Angleterre, William, en tant que légat qui avait un rôle primordial dans le règlement du débat éclaté entre le pape et le souverain autour de l'élection de l'évêque de Dol. D'après la lettre la controverse des deux parties s'enracinait – bien que des sources écrites directes n'y aient été maintenues – dans des conflits antérieurs, et comme la volonté du pape semble avoir été détournée, les légats du pape, Hugues, évêque de Die, Hubert sous-diacre du pape et Teuzo moine essayèrent de convaincre le roi William.¹⁶

¹⁴ Bernoldus Constantiensis Chronicon, anno 1092 : « Welfo dux Baioariae Heinricum imperatorem ante proximam nativitatem Domini mirabiliter confudit, quem ad colloquium pervenire prohibuit, quod idem Henricus et rex Ungarorum [sc Ladislaus] condixerunt, ad quod etiam pene iam convenerunt. » Franciscus Albinus GOMBOS, *Catalogus fontium historiae Hungariae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descenditium ab anno DCCC usque ad annum MCCC*, t. I-III. Budapestini, 1937. t. I. Nr. 868, p. 413. (Dans ce qui suit : GOMBOS); Udalricus Babenbergensis clericus, *Codex epistolaris ...* : « Henricus Dei gratia Romanorum imperator augustus A(lmo) glorioso duci [...] Et fedus, quod cum patre tuo [sc. Ladislao rege] inivimus, ab hac die in antea volumus tibi illibatum servare omni tempore vitae nostrae. » Ibid, t. III. Nr. 4834, p. 2271.

¹⁵ « In hoc primo anno pontificatus sui ipse domnus Gregorius papa constituit et consecravit archiepiscopos et episcopos per diversa loca : [...] Teuzonem Teatinum [...] episcopum. » Erich CASPAR, *Das Register Gregors VII*. (Monumenta Germaniae Historicae, Epistolae selectae, t. II. Berlin – Dublin – Zürich, 1967³. Nr. I,85a, p. 123. (Dans ce qui suit : RG VII)

¹⁶ « Nam cum in Dolensi ecclesia episcopum ordinavimus, ita hunc pro quo excellentia vestra intervenit, ad delectionem suam ex propriis facinoribus et ad ultimum ex inobedientia se

2. La lettre de Grégoire VII délivrée à Latran au 22 mai 1078 s'adressa à Hubert sous-diacre et Teuzo, moine dans l'affaire précédente. Bien que la lettre ne les ait pas qualifiés légats *expressis verbis*, le contexte nous laisse le soupçonner. L'archevêque (?) de Dol, Evenus porta plainte auprès du pape de ne pas avoir pu occuper son siège, car le roi d'Angleterre, William l'en empêcha. Le pape mandata au troisième légat, Hugues, évêque de Die, à arranger l'affaire dans le cadre du concile de Lyon convoqué à régler la controverse de l'archevêque de Reims, Manasses et le clergé français. Parallèlement Hubert et Teuzo furent autorisés à mettre en vigueur la décision prise en présence des parties convoquées.¹⁷ En même temps, le pape, dans une autre lettre délivrée au même jour, interdisait Hoël, prince de Bretagne, comte de Cornouaille et Geoffroy Boterel, comte de Penthière de menacer l'évêché de Dol.¹⁸

3. Teuzo est mentionné de nouveau dans une lettre du 23 septembre de 1079 délivrée dans la même affaire. Le pape demanda au sous-diacre Hubert, entre autres, de régler l'affaire de l'évêché de Dol. Le texte nous informe que Teuzo admonesta *motu proprio* le roi anglais, ce que le pape reprocha.

precipitasse non solum per clericos et religiosas personas illius ecclesie, sed etiam per legatum nostrum Teuzonem monachum intellexeramus, ut magis sibi de malis in ecclesiam commissis et corruptissima vita sue timendum et plagendum, quam pro recuperatione episcopatus proclamandum aut quicquam sperandum fore iudicaremus. Attamen ne deprecationem vestram sine ea qua oportet cura et benignitate suscepisse videamur et, si aliquis per subreptionem, quod non credimus nos fefellit, ad inquirendum et corrigendum minus solliciti inveniamur, legatos nostros, videlicet confratrem nostrum Hugonem venerabilem Diensem episcopum et dilectum filium nostrum Hubertum sancte Romane ecclesie subdiaconum et ipsum etiam Teuzonem monachum, si ereptum ab infirmitate poterimus, illuc mittere decrevimus, qui causam diligenti inquisitione discutiant et, si quid in ea dictante iustitia mutandum vel emendandum fuerit, consequenti ratione et auctoritate exequi studeant. » RG VII, Nr. IV,17, p. 322.

¹⁷ « Gregorius episcopus servus servorum Dei Huberto subdiacono et Teuzoni monacho salutem et apostolicam benedictionem. [...] Quapropter ammonemus et vos, ut ibidem aut alter vestrum aut ambo, si fieri possit, adsitis et episcopos ac religiosos abbates illius parrochie necnon clericos et laicos eisdem ecclesie, qui utramlibet partem aut accusare aut defendere idonei videantur, adesse commoneatis procurantes etiam, ut Anglorum rex ex sua parte legatum illuc dirigat tam prudentem quam religiosam personam, quatenus causa ista sublato favore partium omnique personali acceptione ad effectum iuste diffinitionis Deo disponente perveniat et, quod ibi inde statutum ac definitum fuerit, ita ab omnibus consona voce sententiaque firmetur, ut calumniose proclamationis et reiterande questionis omnis undique occasio omnisque penitus licentia decidatur. » RG VII, V,22, pp. 385–386.

¹⁸ RG VII, Nr. V,22, pp. 387–388.

Grégoire VII mandata donc Hubert de traiter l'affaire conformément aux intérêts du Siècle Apostolique.¹⁹

4. Teuzo s'absent d'ici des sources pour se réapparaître plus tard, à la fin du XIe siècle, dans l'entourage d'Urbain II : au 5 septembre 1092 on le trouve à La Cava.²⁰

5. Trois ans plus tard Teuzo fut énuméré parmi les souscripteurs de la charte du pape délivrée à Cremona au 18 février 1095 qui mit fin au procès de Raimond IV, comte de Toulouse et de l'abbaye bénédictine de Saint-Gilles du Gard étant sous le patronage du premier. Le comte dût restituer les biens usurpés du monastère, ainsi que de promettre de cesser de le fatiguer des vexations. Il est très important que Teuzo ne fut désigné plus comme simple *monachus*, mais cardinal-prêtre.²¹

6. L'année suivante, au 14 mars 1096 Teuzo se rangea parmi les mandatés d'Urbain II délivré dans le procès des chanoines de Tours en tant que cardinal du pape sans avoir désigné son titre précis.²²

7. De même, le cas décidé par le concile de Tours, le pape le confirma dans une charte du 30 mars 1096 parmi les souscripteurs de laquelle fut mentionné le cardinal Teuzo (Heuzo).²³

8. Dans une lettre du 24 avril 1099 Urbain II fit savoir Hugues, archevêque de Lyon que l'archevêque de Sens, Daimbertus avait accepté la primauté du

¹⁹ « Gregorius episcopus servus servorum Dei in Christo filio Huberto sancte Romane ecclesie subdiacono salutem et benedictionem. [...] Significasti autem nobis Teuzonem quasi ex parte nostra legatum adversus Anglicum regem verba fecisse. Que noveris ex nobis mandata non esse. » RG VII, VII,1, pp. 458–460.

²⁰ Cf. : KLEWITZ 1954, p. 218, nr. 42.

²¹ « Notum omnibus vobis volumus, quia dilectus filius noster Raimundus Tolosanus comes, tam nostris quam aliorum religiosorum virorum monitis excitatus et omnipotentis Dei timore compunctus partem im(m)o rapinam quam ex parentum suorum invasione in altari Sancti Aegidii et reliquis ipsius altaris ecclesie altaribus habere solitus erat, Deo ac sanctae Dei Genitrici Mariae sanctisque apostolorum principibus Petro ac Paulo et Beato confessori Aegidio reddidit. [...] Ego Teuzo presbyter cardinalis subscripsi [...]. » Jean-Paul MIGNÉ, *Patrologiae cursus completus. Series latina*, t. I-CCXXI, Parisii, 1841-1864. (Dans ce qui suit : PL) t. CLI, col. 399–400.

²² « Et quia preter apostolicum, et regum et Turonensem archiepiscopum, semel in vita sua neminem ad processionis susceptionem admittebant studiosè notavimus, nostris cardinalibus, Teuzone, Alberto, Gregorio Papiensi, Rausgeri, et Hugone Lugdunensi primate, et aliis tam epsicopis quam aliarum dignitatum personis, praesentibus Brunone Signiensi episcopo et Ingelrammo Suessionensis ecclesiae archidiacono, [...]. » PL, t. CLI, col. 450.

²³ « Signum Amatii Burdegalensis archiepiscopi, Signum Heuzonis (!) cardinalis, Signum Alberti cardinalis, Signum Gregorii cardinalis [...]. » PL, t. CLI, col. 457.

premier ; Teuzo, un des souscripteurs y fut désigné par son titre officiel (cardinal-prêtre de SS. Jean et Paul).²⁴

9. L'indice suivante portant sur Teuzo est le privilège de Pascal II (10 novembre 1100) adressé à l'évêque d'Apulie en faveur de la protection et de la confirmation des biens de l'église en question. Il y est mentionné également parmi les souscripteurs.²⁵

10. De même réfère une bulle de Pascal II délivré au 14 novembre 1100 à Anagni.²⁶

11. Un jour plus tard Teuzo souscrit également le privilège pontifical de Cluny.²⁷

12. Enfin, le nom de Teuzo se surgit à plusieurs reprises dans le tract satirique d'un certain Garsia Tolateanus écrit contre Urbain II. Garsia focusait sur le pape et ses cardinaux qu'il énumera de précis. Teuzo fut mentionné parmi eux – en compagnie de Grégoire de Pavie, Pierre de Pise, Rangerius de Lucca, Albertus, Odon d'Ostie, Johannes Gaditanus, Bernardus, Brunon de Segni – sous le nom Teucer.²⁸

Les deux Teuzos (Teuzo I et II), d'après les indices mentionnées ci-haut, ne sont pas identifiables l'un à l'autre. Le premier fut sans aucune doute le partisan de Wibert de Ravenne, mais les activités légataires de qui n'étaient point approuvées, par conséquent, il ne pouvait être la personne étant présente à la fondation de l'abbaye de Somogyvár.

²⁴ « Praesentibus fratribus [...] Teuzone de titulo SS. Johannis et Pauli [...] presbiteris cardinalibus. » PL, t. CLI, col. 544.

²⁵ « Ego Teuto (!) cardinalis SS. Joannis et Pauli subscripsi. » PL, t. CLXIII, col. 49.

²⁶ « Ego Teuzo cardinalis Sanctorum Joannis et Pauli. » PL, t. CLXIII, col. 51.

²⁷ « Ego Teuto (!) cardinalis SS. Joannis et Pauli. » PL, t. CLXIII, col. 53.

²⁸ « Cum enim pinguissimus papa quasi necessitate coactus ter et quater praegustaverat, cardinales esiccabant calicem, neque tamen Teucer minus compunctionis habuisse videbatur. Porro Bachus iterum ponebatur in auro. Instabat impensus praefactus Teucer beatissimum Urbanum commonefacere et quam plurimum cohortari, illud Horatii dictum revolvens assidue: 'Sapiens vina'. [...] Praedicta enim sententia omnino confirmatus, Urbanum confidenter aggrediens, in has voces psallebat: 'Sancte Albine, ora pro nobis, sancte Rufine, ora pro nobis'. Qua oratione percepta Romanus pontifex ait: 'Bonum principium dedit adveniens'. Teucer: 'Optimum'. [...] Barbarus iste qui modo venit albis pedibus, tres calices incorporavit, et adhuc quartum suspirat; nos autem cardinales et legati Romanae aecclisiae, qui portavimus pondus diei et estus, arenti gula siti estuamus? [...] Teucer: 'Optimum'. [...] Teucer: 'Tetigisti eam, Garsia'. [...] Teucer: 'Purgatus est'. [...] Teucer: 'Homines sumus'. » Tractatus Garsiae Tholetani canonici de Albino et Rufino (Garsuinis), éd. Ernestus SACKUR, dans *Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI. et XII. conscripti*. (Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum, t. II) Hannoverae, 1892. (1956) p. 427, 430, 434, 435. Pour les compagnons du cardinal Teuzo voir : ibid p. 424.

Il reste donc à répondre à question si « Teuzo II » avait été identique à *Teuzo sacre Romane Ecclesie legatus ... Teuzo cardinalis* de qui réfera la charte de fondation de Somogyvár.

« Teuzo II » entra en service de Grégoire VII en tant que simple moine (*monachus*), il fut envoyé comme légat en France et en Angleterre entre 1074 et 1079. Plus tard, à partir de 1092/1095, il remplit des fonctions légataires sous le pontificat d'Urbain II et de Pascal II (du moins jusqu'en 1100). Il s'agit d'un personnage partageant les idées de la réforme grégorienne ce que nous montrent ses mandats – à savoir p. ex. l'affaire de l'évêché de Dol, 1074–1079 – qui portaient bien sur la mise en vigueur de cette réforme (investiture laïque, liberté de l'Église).

L'affaire de 1095 mérite d'être analysée de plus près. « Teuzo II » s'impliqua dans la controverse opposant le patron, le comte de Toulouse, Raimond IV et le monastère de Saint-Gilles du Gard dont celui de Somogyvár était l'abbaye-fille. Or, l'abbé de Saint-Gilles, Odilon était un des partisans de la diplomatie d'Urbain II. Il avait un rôle primordial dans l'organisation, l'assurance et maintien du soutien de la Ière Croisade. Pour Urbain II il était fort nécessaire de persuader Raimond IV, patron de Saint-Gilles à s'attacher à cette immense entreprise. Le comte, après avoir excommunié pour ses mariages et le non-respect de la liberté de l'Église, surtout par l'intermédiaire d'Odilon et de ses successeurs, devint un des protagonistes de la Ière Croisade (*christiane milicie excellentissimus princeps*) en dirigeant l'un des troupes aux bords de la mer Adriatique. En plus, pendant son voyage dans la France méridionale, ayant pour but la préparation de la croisade, le pape Urbain II s'arrêta deux fois à Saint-Gilles pour négocier avec le comte (et son légat Adhémar).²⁹

²⁹ Portant sur Raimond IV voir : J. H. HILL – L. L. HILL, « Justification du titre de Raymond de Saint-Gilles : 'Christiane milicie excellentissimus princeps' », dans *Annales du Midi*, 66 (1954), pp. 101–112; J. H. HILL – L. L. HILL, *Raymond de Saint-Gilles, 1041 (ou 1042)–1105*, (Bibliothèque méridionale, 2e série, t. XXXV) Toulouse, 1959. Concernant le voyage d'Urbain II voir : René CROZET, « Le voyage d'Urbain II en France (1095-1096) et son importance de point de vue archéologique », dans *Annales du Midi* 49 (1937), pp. 42-70; IDEM, « Le voyage d'Urbain II et ses négociations avec le clergé de France 1095-1096 », dans *Revue Historique Mémoires et études* 62, t. CLXXIX (avril-juin 1937), pp. 271-311; Alphons BECKER, *Papst Urban II. (1088–1099)*, t. II. *Der Papst, die griechische Christenheit und der Kreuzzug*, (Schriften der Monumenta Germaniae Historica 19/2) Deutsches Institut für Erforschung des Mittelalters, Stuttgart, 1988. pp. 428–429, 458.

Enfin, les cardinaux critiqués par le tract de Garsia étaient tous les partisans de la réforme, la présence de Teuzo parmi eux confirme qu'il ne pouvait pas être tenu comme fidèle de l'antipape Clément III.³⁰

Il est incontestable, d'après ce qu'on vit ci-haut, que « Teuzo II » fut identique à celui qui fut présent en 1091 à la fondation de Somogyvár. La constatation de l'historiographie allemande, d'après laquelle le Teuzo présent à Somogyvár fut le partisan de l'antipape Clément III en tant que son légat, n'est pas approuvée de sources. Au contraire le Teuzo mentionné dans l'acte de fondation de Somogyvár fut présent comme légat d'Urbain II sans être désigné par son titre officiel (cardinal-prêtre de SS. Jean et Paul) conformément à la lettre du roi Ladislas Ier adressée à Oderisius, abbé de Montecassino lors de la campagne militaire en Croatie.³¹ Il y signala qu'il avait envoyé des ambassadeurs au pape et qu'il estimait une réponse.³² Le sujet de cette ambassade était sans aucune doute le statut de la Croatie : le roi hongrois n'assuma pas la subordination vassalique. Pour apaiser les reproches possibles d'Urbain II, des négociations furent menées à Somogyvár par l'intermédiaire du légat Teuzo,³³ qui restèrent infructueuses, car le roi

³⁰ Gregorius Papiens pouvait être identique au cardinal-diacre de S. Angelo, au futur Innocent II, ou au cardinal-diacre de S. Eustachio, abbé de SS. Andrea e Gregorio (KLEWITZ 1954, p. 220, nr. 15, p. 221. nr. 16.), et signa avec Teuzo, les deux chartes citées d'Urbain II (15 février 1095, 14 mars 1096 : PL, t. CLI, col. 400, 450.). Petrus Pisanus fut le cardinal-diacre de S. Adriano (KLEWITZ 1954, p. 219, nr. 6.). L'identification de Rangerius de Lucca est incertaine : il peut être identique à Rausgeris, mentionné dans la charte du 14 mars 1096 d'Urbain II (PL, t. CLI, col. 450.). Albertus fut le cardinal-prêtre de S. Sabina, abbé de S. Savino de Piacenza (KLEWITZ 1954, p. 214, nr. 16.). Odon fut le cardinal-évêque d'Ostie, ancien moine de Cluny (KLEWITZ 1954, p. 207, nr. 4.). Johannes Gaditanus pouvait être le cardinal-diacre de S. Maria in Cosmedin, le futur Gélase II (KLEWITZ 1954, p. 220, nr. 11.). Bernardus pouvait être le cardinal-prêtre de S. Grisogono, abbé de Vallombrosa, ou bien le cardinal-diacre de S. Angelo, moine de Montecassino (KLEWITZ 1954, p. 212, nr. 3, p. 220, nr. 14.); Brunon fut le cardinal-évêque de Segni (KLEWITZ 1954, p. 209, nr. 24.).

³¹ KLEWITZ 1954, p. 184, 213, nr. 7. Oderisius fut présent à l'élection d'Urbain II (Terracina, 1088). BECKER 1964, pp. 92–93.

³² « per capellano meo et Sorinum nostrum militem quos V[rbano] apostolico mitto [...] Porro si neutra ad presens agere possis, saltim per legatum, quem papa mihi mittet, quod ac quomodo velis, rescribe. » DHA. Nr. 91, p. 272. Cf. : Vilmos FRAKNÓI, *Szent László levele a montecassinoi apáthoz*, [La lettre de Saint Ladislas à l'abbé de Montecassino]. (Értekezések a történeti tudományok köréből, XIX/8) Budapest, 1901.

³³ Cf. : Gergely KISS, « La fondation de l'abbaye bénédictine de Somogyvár », dans *Les Hongrois et l'Europe: Conquête et intégration*. Textes réunis par Sándor CSERNUS et Klára KOROMPAY, Paris – Szeged, 1999. pp. 327–341.; Éliana MAGNANI, « Réseaux monastiques et réseaux de pouvoir. Saint-Gilles du Gard : du Languedoc à la Hongrie (IXe – début XIIIe siècle) », *Provence Historique*, t. 54. fasc. 215 (2004), pp. 3-26.

Ladislas Ier rompa ses relations avec le pape, et se rangea auprès de l'empereur Henri IV au plus tard à la fin de l'année 1091.³⁴

Activités de Teuzo I et Teuzo II

#	Source	Forme
Teuzo I		
1	13 avril 1118, lettre de Gélase II	partisan de l'antipape Clément III
Teuzo II (moine, cardinal-prêtre de SS. Jean et Paul)		
1	31 mars 1077, lettre de Grégoire VII	légal en Angleterre, <i>monachus</i>
2	22 mai 1078, lettre de Grégoire VII	légal en Angleterre/France, <i>monachus</i>
3	23 septembre de 1079 (lettre de Grégoire VII	légal en Angleterre, <i>monachus</i>
4	1 ^{er} septembre 1091 (fondation de Somogyvár)	cardinal-légal
4	5 septembre 1092	cardinal d'Urbain II
5	18 février 1095, charte d'Urbain II	cardinal-prêtre
6	14 mars 1096, mandat d'Urbain II	cardinal-prêtre SS. Jean et Paul
7	30 mars 1096, charte d'Urbain II	Heuzo (!) cardinal-prêtre
8	24 avril 1099 lettre d'Urbain II	cardinal-prêtre SS. Jean et Paul
9	10 novembre 1100, privilège de l'église d'Apulie	Teuto (!) cardinal-prêtre
10	14 novembre 1100, bulle de Pascal II	cardinal-prêtre SS. Jean et Paul
11	14 novembre 1100 privilège de Cluny	Teuto (!) cardinal-prêtre
12	Tractatus Garsiae Tholetani canonici de Albino et Rufino	cardinal Teucer

³⁴ MAKK 1990, pp. 207–208.

МИРОСЛАВ ВОЛОЩУК

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ГАЛИЦКОГО
БОЯРИНА ВОЛОДИСЛАВА КОРМИЛЬЧИЧА
(1214 – 1232 гг.)

Abstract: In the paper is presented one of person of the Hungarian – Galichian connections at the beginning of 13th century, Volodislav Kormilchich. In the historiography he mentioned as one of the Galichian boyars and his stay in Hungary between 1214–1232. In the most of cases there is to read in the literature Volodislav Kormilchich died in the Hungarian prison. The author – based on two diplomas – discusses this popular meaning about it. Volodislav had a private property in Hungary (Pagran village), that way author supposes Volodislav belonged to the Hungarian nobilities of a middle range.

Key words: Hungarian kingdom, Endre II, Galichian Principality, Volodislav Kormilchich

Историческое развитие Галичской земли от начала XIII в. было тесно связано с внешнеполитическими планами на Руси венгерской династии Арпадов. Доминирование влияний короля Эндре II (Andreas, Андри 1205–1235 гг.), установившиеся в результате поддержки со стороны местной знати и целого ряда дипломатических переговоров с вольнскими и черниговскими князьями, иногда раскрывалось посредством периодической передачи полномочий в восточнославянских землях лояльным венграм боярам. Одним из таких нобилей при королевской военной поддержке осенью 1213 г. стал Володислав Кормильчич (Ladislaus Ruthenus, до 1188 – ок. 1232 гг.).

Период его пребывания в качестве венгерского наместника, длившийся меньше года (до осени 1214 г.) ознаменовался серьезным

поражением от объединенных войск краковско-сандомирского князя Лешека Белого (Lesthko Albus, 1194–1227 гг., перерывами) и его вассалов – Романовичей, негативным восприятием факта правления боярина другими властителями на Руси. Последний аспект стал основоположным для появления в летописи цитаты, будто бы «Володислав вокняжися», а вследствие – особо негативного отношения к персоне самого боярина и его семьи в научной литературе XIX–начала XXI вв.¹

Особое напряжение, сложившееся в Галичине во время событий конца 1213 – первой половины 1214 гг. и угроза потери настолько желанных владений не могла не тревожить Арпадов. В контексте анализа внутринеополитической ситуации в Галичской земле, перманентное союзничество с Лешком Белым, длившееся еще от 1204/1205 г., для самого Эндре рассматривалось наиболее предпочтительным. Оба монарха, сохраняя свои постоянные династические интересы на Волыни и в Галичине, одновременно, или поочередно владели сюзеренными правами касательно самих Романовичей, их вотчинных владений и частично территории Поднестровья. Польский правитель периодически принимал участие в дипломатических переговорах за участием Эндре (июнь 1206 г., окрестности Владимира-Волынского), поддерживал войска венгерского короля в походе против Игоревичей (август-сентябрь 1210 г.) и т. д. Оба правителя были носителями католической церковной традиции, имея желание внедрить в православных землях религиозные замыслы современного им папы Иннокентия III (Innocentius P.P. III, 1198–1216 гг.). Одновременно Эндре четко понимал свое иерархическое и милитарное превосходство в отношении с краковско-сандомирским соседом.²

¹ М. М. Волошук: «Вокняжнине» галицьке Володислава Кормильчича (1210–1214 pp., з перерывами): міфи і реальність *Acta Posoniensia. Bratislava. Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, katedra Všeobecných dejín*, 2009. 10 (2009) (K životnému jubileu Zuzany Ševčíkovej). 99–113.

² Проблеме польско-венгерских отношений начала XIII в. на протяжении XX – начала XXI вв. была посвящена огромная литература: А. WIELKIEWICZ-WAWRZYŃCZYKOWA: *Ze studiów nad polityką polską na Rusi na przełomie XII – XIII w. Ateneum Wileński. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego X. Litewskiwo*. Red. B.WOLANOWSKI i St.ZAJĄCZKOWSKI. Wilno, 1937. 12 (1937) 1–35; B. WŁODARSKI: *Polityka Ruska Leszka Białego. Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie Dział II., T. 3., Zeszyt 3.* 1925. 1–84; IDEM: *Polska i Rus.* Lwów, 1925. 30–51; А. ВЕДЗКИ: *Uwagi nad problemem kształtowania się granicy polsko-węgierskiej na Spiszu w średniowieczu na marginesie najnowszych prac Jana Bejko. Slavia Antiqua* 20 (1973), 197–210; А. Б. ГОЛОВКО: *Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв.* Київ, 1988. 89–91; R. GRZEŚK: *Polsko-węgierska*

Именно поэтому, на фоне организованного летом 1214 г. похода против Лешека, тот, чтобы избежать военного конфликта, «посла [к Эндре. – М. В.] посла свое Лхсьтича и Пакослава воеводу рекши не елпо бояриноу княжити в Галичи . но поими дщерь мою за сна своего Коломана и посади и в Галичи».³ Скорее всего, данная договоренность была согласована также и с представителями «русской» знати, возможно даже – с оппозиционно настроенными к Володиславу галицкими боярами, симпатизировавшими в то же время Арпадам. Собственно цитата Я.Длугоша о том, что «... *primores Russorum* [курсив наш. – М. В.] *aditi sunt, et rex eorum Andreas suppliciter a Ruthenis exoratur, ut filium suum Colomannum illis in dominum preficeret*» есть дополнительным тому подтверждением. Польский историк, приводя известия о будущем приятии Галича королевскими войсками, додавал: «*Qui dum [Andreas. – М.В.] in Halicziam pervenisset, a primis Ruthenorum ducibus et boyaris [курсив наш. – М. В.] iusto honore exceptus est et castrī Halicziensis illi tradita possessio*».⁴

Учитывая источники, использовавшиеся автором «Истории Польши» при раскрытии событий начала XIII в. в Галичине,⁵ мы убеждены в достаточном уровне объективности приведенной информации. Но, даже при условии разнопланового отображения исследуемой проблемы в нарративном центрально-европейском наследии, неустановленными остаются хронологические аспекты польско-венгерских договоренностей, 1214 г. Неизвестно также, какое место в этих переговорах отводилось боярину Володиславу.

По нашему мнению, встреча Пакослава с Эндре состоялась во время похода венгерских войск в Польшу и соответственно – подготовки Лешека Белого к обороне. Посольство краковского воеводы к королю было, своего рода, превентивным дипломатическим шагом, имевшем целью, при соответствующих условиях, избежать боевых действий. Данное предположение базируется, в первую очередь, на последовательности размещения летописных записей. То, что «король

granica na Spiszu – dzieje historiograficznych zmagañ. *Terra Scepusiensis. Stav badania o dejinach Spiša* Vedecka redakcia R. GLADKIEWICZ a M. HOMZA. Levoča – Wrocław, 2003. 341–351; IDEM: *Polska Piastów i Węgrzy Arpadów we wzajemnej opinii (do 1320 roku)*. Warszawa, 2003. 262.

³ Ипатьевская летопись. Стб. 730–731.

⁴ Н. И. ЩАВЕЛЕВА: *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша*. 199.

⁵ Е. ПЕРФЕЦЬКИЙ: Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі хроніки Яна Длугоша. *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка* (далее: ЗНТШ) Під ред. І. КРИП'ЯКЕВИЧА, Т. 147 Львів, 1927. 1–54; G. LABUDA: *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji*. Poznań, 1983. 308.

... сняся съ Лестьком во Зъпиши», лежавшему на пути к приграничному с Польшей Бардейову, дополнительно подтверждает данную гипотезу.

Для Кормильчича польско-венгерские переговоры стали знаковыми в жизни, поскольку король «поя дщерь его [Саломею Лешека Белого. – М. В.] за сна си [Кальмана. – М. В.] . и пославь и я Володислава».⁶ Однако на фоне данной договоренности до сих пор непонятными остается целый ряд вопросов.

1. не исследована динамика деятельности Эндре и Лешека в летние и осенние месяцы 1214 г.;
2. тяжело объяснить уровень материальной и психологической готовности самого боярина к подобного рода изменениям в рамках отведенных ему осенью 1213 г. владений;
3. переосмысления требует также известие летописи о будто бы аресте Володислава.

Тщательно проанализировав летописные данные, мы пришли к мнению, что встречи Эндре с Пакославом и с краковским князем последовательно состоялись на протяжении летних месяцев (крайний термин – начало сентября) 1214 г. Младший 6-летний сын Эндре II (у короля было пока только двое сыновей – Бела и Кальман) на данный момент находился вне лагеря своего отца, который расположился в Спишском комитате (очевидно – в центральной комитатской крепости, теперь г. Спишке Подградье, Словакия), тогда, как дочь Лешека, что не исключено, находилась вместе с князем. В частности «Житие» Соломии свидетельствует, что молодая княжна сразу же после встречи с венгерским монархом была отправлена в Венгрию.⁷ Поэтому, после изучения папских булл и венгерских дипломов от 1214–1216 гг., понятно что «король посади сна своего в Галичи» во второй половине 1214 г.

⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 731.

⁷ *Vita sanctae Salomeae reginae Haliciensis*. Ed. W. KETRZYŃSKI, Warszawa, 1961. Т. 4. 777; Оценка данного события историками неоднозначна. В частности, Г. Каньо, Г. Лябуда и К. Голлы считают, что Соломия присутствовала во время составления договора в Спише (см.: G. KANYÓ: Kálmán herceg. [Князь Кальман] *Katholikus Szemle* 1895. 256; *Historia dyplomacji polskiej (połowa X w. – 1572)*. I-IV. Pod red. M. BISKUPA, I, Pod red. G. LABUDY, Warszawa, 1980. 165; K. HOLLY: Kňažná Salomea a uhorsko-poľské vzťahy v rokoch 1214 – 1241. *Historycký časopis* 2005. R. 53. Č. 1. 9, 13–14). В то же время К. Яшиньски убежден, что дочь Лешека отправили в Венгрию в 1218 г. (см.: K. JASIŃSKI: *Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich*. Poznań – Wrocław, 2001. Т. 3. 40–41), но упоминание Я. Длугоша о том, что она была коронована вместе с Кальманом (см.: Н. И. ЩАВЕЛЕВА: *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша*. Москва, 2004. 199, 353) некоторым образом нивелирует последнее мнение.

(уже 1214 годом датировано первую эпистола короля к папе Иннокентию III «... ut filium nostrum [Эндре. – М. В.] Colomanum ... in regem praeficeremus»⁸), скорее всего – осенью.

Итак, между летом – осенью 1214 г. Арпады провели важные переговоры не только с польским князем, а опосля – с верховным понтификом, но и, что не исключено – приняли посольство от *Galiciae Principes et populus*. Имена делегации источник не называет, однако понятно, что указанные персоны нормально относились к венгерскому протекторату, а сами *Principes*, представляя, без сомнения, боярский стан, были поддержаны населением столицы (возможно, всей земли). Насколько тайно данные переговоры происходили в отношении Володислава Кормильчица сказать тяжело, как и вообще, на наш взгляд, не ясно, был ли боярин, на фоне последних военных неудач, причастен к предложению передачи Галича Кальману.

Две выше очерченных нами исследовательские проблемы следует рассматривать в контексте источниковедческого анализа актов от 1218 и 1232 гг., на страницах которых вспоминается персона *Ladislaus Ruthenus*, а также Ипатьевской летописи, как главного нарративного документа исследуемого периода. Важно установить, действительно ли в дипломах, адресованных эстергомским архиепископам Иоанну (*Iohannes*, 1205–1223 гг.) и Роберту (*Robertus*, 1226–1239 гг.) идет речь о бывшем галицком боярине.

Хотя упоминаемая в источнике персона в исторической литературе оценивается неоднозначно и исследователи до сего дня высказывают самые разные версии по поводу идентификации указанного мужчины,⁹

⁸ *Codex diplomaticus ecclesiasticus ac civilis*, ed. G. FEJÉR (далее: FEJÉR CD) T. 3. V. 1. 164.

⁹ В. ГАДЖЕГА: Додатки к історії русинів і руських церковей в Ужанській жупі. *Студії історично-архівні. в Ужгороді* 1924, 34; И. ГАРАЙДА: Галицька політика угорських королівъ Бѣлы ІІІ-го и Андея ІІ-го. *Зоря. Часопись Подкарпатського общества наук.* 3 (1943:1-4.), 119-176. (далее: ГАРАЙДА 1943) 144, 150; Т. В. БЕЛИКОВА: Княжеская власть в Галиче времен Ярослава Осмомысла. *Вестник ЛГУ* 1985. Серия 2. Вып. 3. 81–82; М. ДАНШ: Словаччина та Галич (на перехресті середньовічних торговельних шляхів). *Галич і Галицька земля у державотворчих процесах України (матеріали Міжнародної ювілейної наукової конференції)*. Івано-Франківськ – Галич, 1998. 76; ІДЕМ: Karpatský region. Slovensko a Halič. *Slovensko a Európsky Juhovýchod. Medzikultúrne vzťahy a kontexty (Zborník k životnému jubileu T. Štefanovičovej)*. Ed. A. AVENARIUS – Z. ŠEVČIKOVÁ, Bratislava, 1999. 62; А.В. МАЙОРОВ: Галицко-Волынская Русь. 362; В. Т. ПАШУТО: Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968. 244; Н. Я. СТРИПСКИЙ: Гдѣ документи старшей історіі Подкарпатської Русі? *О межевыхъ названіяхъ. Ужгородъ*, 1924. (далее: СТРИПСКИЙ 1924) 21; М. FONT: *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. [Короли из династии Арпадов и князья Рюриковичи] Szeged, 2005. (далее: FONT 2005) 203, 205; М. ФОНТ: Венгры на Руси в XI – XIII вв. В: *А се его сребро: Збірник праць на пошану члена-*

мы, на основании анализа существующего исторического и генеалогического материала,¹⁰ а также известных документов пришли к мнению, что под *Ladislao Rutheno* следует понимать исключительно Володислава Кормильчича.

Наши оппоненты могли бы заявить, что, вряд ли, в Галичской земле на рубеже XII–XIII вв. проживала только одна персона именем Володислав. Конечно же, не исключено, что в результате истребления князьями Игоревичами на протяжении 1209–1210 гг. большого количества местных бояр, некоторые из них (*a priori* носившие аналогичное имя) смогли избежать казни, переехав в Венгрию. Но на предположительные замечания мы имеем ряд контраргументов.

Во-первых, в нарративных памятниках среди представителей восточнославянской знати начала XIII в. кроме исследуемого персонажа не упоминается ни один князь, или боярин с аналогичным именем – как таковой, что мог бы пребывать с Эндре в тесных взаимоотношениях (*sic!!!* – М.В.). А, во-вторых, жалование одних и тех же виноградников персоне, в служебные обязанности которой от XI в. входила коронация всех последующих представителей династии Арпадов (каковым был архиепископ Эстергома¹¹) и упоминаемому *Ladislai Rutheni* свидетельствует о том, что последний должен был занимать в иерархии королевства должное высокое место. Из текстов существующих до сих пор источников нам тяжело предложить альтернативный вариант.

Судя из содержания акта от 1232 г., когда-то (на наш взгляд, на рубеже 20–30-х гг. XIII в.) часть владений Пагран *ex indignatione* («... *propter quandam nostram indignationam a iam dicta ecclesia abstuleramus*», другие причины не указаны – М. В.) Эндре II отобрал у

кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. 92; R. GRZESIK: *Książę węgierski żonaty z córką Mściława halickiego. Przyczynek do problemu czasu i miejsca powstania kroniki węgiersko-polskiej*. В: *Kwartalnik Historyczny* СІІ (1995:3-4), 30; F. ULIČNÝ: *Podiel Rusov, Rusinov na doosídľovaní Slovenska v stredoveku*. *Slavica Slovaca* 28 (1992:1.-2), 21-29. (далее: ULIČNÝ 1992) 26.

¹⁰ N. BAUMGARTEN: *Généalogie des branches regnantes de Rurikides du XIIe au XVIe siècle*. Rome, 1934. 95; Л. ВОЙТОВИЧ: Друга галицька династія. Загадки і проблеми досліджень. В. *Пам'ять століть* 5 (2002) 35–48; ІДЕМ: *Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст. Склад, Суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження*. Львів, 2000. 649 ; ІДЕМ: *Княжа доба на Русі: портрети еліти*. Львів, 2006. 782; D. DĄBROWSKI: *Genealogia Mściławowiczów*. Poznań – Wrocław, 2002. 283.; В. М. BARTNICKI (szerk.): *Polityka zagraniczna księcia Daniela halickiego w latach 1217 – 1264*. Lublin, 2005. 26.

¹¹ См. например: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. Ed. A. DOMANOVSKY. В: *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Edendo operi praefuit E. SZENTPÉTERY. V. I–II, Budapestini, 1937–1938. V. 1. 467.

архиепископа Роберта.¹² Земля и *omnes serui* были переданы Ladislao Rutheno, который и пользовался указанным имуществом до самой смерти, наступившей около 1231, или 1232 гг.¹³ Объяснением данного шага монарха в отношении «святейшего отца», на наш взгляд, могли быть неудачи в вопросах расширения католичества в Галичине на протяжении 1215–1216, 1219–1221 и во второй половине 20-х гг. XIII в.,¹⁴ или же проблемы, появившиеся в отношениях с духовенством, и перманентно длившиеся с 1218 г. – до начала 30-х гг. XIII в., напрямую зависившие от контактов Арпадов с папством.¹⁵ Важным в данном смысле является тот факт, что Эндре II распорядился отдать *villam Ragran* именно Ladislao Rutheno, а не какому-либо другому представителю знати, недостатка коих в Венгрии не было, конечно же. Такой персоной, как мы убеждены, мог быть исключительно известный из Ипатьевской летописи Володислав Кормильчич.

Соответственно к выше предложенным размышлениям возникает надобность пересмотреть известие нарратива о том, что в (сентябре – октябре?) 1214 г. король «пославъ и я Володислава . в Галичи заточи и в томъ заточень оумре». ¹⁶ В связи с наличием у историков дипломов 1218 и 1232 гг., отсутствия сомнений в их достоверности,¹⁷ приведенная выше цитата выглядит довольно туманно и сомнительно, о чем ученые уже неоднократно писали¹⁸.

На наш взгляд, никакого военного похода (в классическом понимании) для смещения боярина не было, а имела место обыденная смена владений королевского вассала, так, как это происходило в других землях Арпадов, в частности – в Хорватии, Далмации, Славонии, Трансильвании и т.д. То, что летописец факт отъезда

¹² R. MARSINA (ed.): *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. I. Bratislava, 1971. (далее: CDS) Т. 1. 281.

¹³ *Ibidem* 180, 281.

¹⁴ О неудовлетворении результатами работы Иоанна со стороны Арпадов и Иннокентия III указывал, в частности М. ЧУБАТИЙ (Див.: Чубатий М. Західна Україна і Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії В: *Записки НТШ*. Львів, 1917. Т. 123–124. 20–21).

¹⁵ См. например: *Esztergomi érsekek 1001 – 2003*. [Венгерские архиепископы Эстергома 1001–2003 гг.] Ed M. VEKÉ. Budapest, 2003. 99–100.

¹⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 731.

¹⁷ Известнейший венгерский источниковед и историк Я. Корачоны в своей книге «Списки фальсификатов, недатированных и ошибочно датированных актов до 1400 г.» оба исследуемых нами документа не считал сфальсифицированными (См.: J. KARÁCSONYI: *A hamis, hibáskeltő és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig*. [Список грамот недостоверных, недатированных или без датировок до 1400 г.] Budapest, 1902. 143 l.).

¹⁸ См. например: B. WŁODARSKI. *Polska i Rus*. Warszawa 1966. (далее: Włodarski 1966) 59–60.

Кормильчича в Венгрию стилистически орнаментировал рассказом об аресте, объясняется, как мы убеждены, несколькими причинами. Во-первых, автором данного фрагмента летописи был выходец из Волыни – представитель политики династии Романовичей, как правило, негативно настроенных к соперникам из Галичины, особенно – провенгерской галичской боярской прослойки (возможно – боярин Вячеслав Толстый, приближенный к князю Даниилу в 1213–1214 гг.). Отсюда – сознательно сфабрикованный текст об одном из наибольших врагов детей покойного Романа Мстиславовича. Во-вторых не исключено, что цитата о смерти Володислава в заточении, в форме позднейшей вставки, появилась после составления первого летописного списка при дворе князя Владимира Васильковича (70–80-е гг. XIII в.), то есть на момент, когда о последних годах Кормильчича ничего не помнили, считая его погибшим на чужбине.

Последняя версия подтверждается аналогичными несоответствиями летописных сообщений о судьбах венценосных правителей Руси, в частности – суздальского князя Андрея Ярославовича (+1264 г.), который, согласно Новгородской первой летописи младшего извода, в 1251 г. «бѣжа князь ... за море въ Свиискую землю, и убиша и».¹⁹ Но в Лаврентьевской летописи четко указано, что только в 1264 г. «преставис# А[н]дрѣи Сидальскыи».²⁰ Подобные случаи, как видим, были довольно типичными для восточнославянских нарративов, завися от источников поступления информации авторам, писателям, редакторам и т.д.

В последних комментированных изданиях так называемой Галицко-Волынской летописи и его источниковедческих исследований анализ фрагмента, касающегося судьбы Володислава после 1214 г. Отсутствует.²¹

Информация, приведенная в дипломе короля Эндре II, датированная 1218 г. и адресованная Иоанну архиепископу Эстергома (Iohanni, dei gracia Strigoniensi archiepiscopo), убеждает в том, что Володислав владел виноградниками Пагран уже некоторое время

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ) Т. 3. Москва 2000. 304.

²⁰ Лаврентьевская летопись. ПСРЛ Т. 1. Москва 2001. 524.

²¹ См. например: *Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар.* Изд. М. Ф. КОТЛЯР, Київ, 2002.. 183; M. FONALKA: *A Halics-Vollhíniai Évkönyv művelődéstörténeti vonatkozásai.* [Культурно-исторические аспекты Галицко-Волынской Летописи.] Debrecen 2001.; M. FONT: „Gesta Danielis regis”. In: „Magyaroknak eleiről”. *Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendő Makk Ferenc tiszteletére.* Szerk. Piti Ferenc, Szeged, 2000. 149–163.

(точно сколько, к сожалению, неизвестно): «... Strigoniensi archiepiscopo, vineas Pagran perpetuo contulimus possidendas, quas eciam prius Ladislao Ruteno donaveramus». ²² К сожалению, отсутствие конкретного сообщения о времени появления королевского вассала (sic!) в комитата Нитра не дает возможности выяснить, чем занимался и где пребывал Кормильчич между осенью 1214 и 1217/1218 годами. Точка зрения I. Гарайды, М. Милоша, Ф. Уличного и Д. Харди о том, что указанный фигурант получил villam Pagran до 1214 г. ²³ не подтверждена документально. Репарка Г.Стрипского касательно датировки первого упоминания de Ladislao Rutheno в 1213 г. (согласно ссылке на издание документов эстергомских архиепископов под редакцией Фердинанда Кнауза)²⁴ ошибочна. Популистской выглядит точка зрения А. Бонкало о контроле Володиславом указанных территорий между 1215–1220 гг.²⁵ Р. Марсина, не приводя никаких аргументов, указывал на получение королевским вассалом владений Пагран до 1218 г..²⁶

Интересный подход отображен в работе М. Фонт, считающей (со ссылкой на документ от 1218 г.) возможным получение Володиславом Кормильчичем земли за постоянную поддержку венгров в Галичине, однако в то же время не датирующей конкретный момент получения таковой собственности. При этом историк уверена, что глагол «заточи» могло означать не арест и тюремное заключение, а изгнание, ссылку.²⁷

Таким образом, как датировка получения виноградников и земли в Пагран, так и дальнейшая судьба требуют тщательного анализа и пересмотра.

На основании выше предложенных версий, мы все же склонны считать, что исследуемому нами персонажу vineas Pagran были пожалованы еще до конца августа 1217 г.,²⁸ но не раньше мая 1209 г.²⁹ Об

²² FEJÉR CD T. 3. V. 1. 257.

²³ И. ГАРАЙДА 1943. 144; ULIČNÝ 1992. 26; Ё. ХАРДИ *Наследници Кијева између краљевске круне и татарског јарма: студија о државно-правном положају Галиче и Галичко-Волинске кнежевине до 1264. године*. Нови Сад, 2002.. 132.

²⁴ СТРИПСКИЋ 1924. 21.

²⁵ *The Rusyns*. Transl. E. BONKALO, NY, 1990. 11.

²⁶ CDS T. 1. 179.

²⁷ FONT 2005. 203, 205.

²⁸ 23 августа 1217 г., по данным Фомы Сплитского, король во главе 10-тысячного войска и численного сопровождения из простолюдинов прибыл в Сплит с целью отправиться на Ближний Восток для участия в очередном Крестовом походе (см.: *Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита*. Перевод, комментарий О. А. АКИМОВОЙ, 1997. 257).

этом, в частности, косвенно свидетельствует последовательность размещения опубликованных Г.Феером венгерских дипломов от конца 1217–начала 1218 гг. Известно, что на протяжении августа 1217–января 1218 гг. Эндре II принимал участие в V Крестовом походе, таким образом, находясь с войсками в Сирии и Палестине. После его возвращения в начале 1218 г. ad Hungariam королевская канцелярия издала ряд актов, среди которых исследуемый нами диплом Г.Феер разместил под №2 (нумерация наша – М. В.).³⁰ Следующий же документ №3 (булла папы Гонория III, (Honorius 1216–1227), адресованная веспремскому епископу) датирована детальнее: «Datum Laterani, quinto nonas Martii, pontificatus nostri anno secundo», то есть 2 марта 1218 г..³¹ Таким образом, упоминание о передаче Ladislao Rutheno vineas Pagran, на наш взгляд, может касаться периода до августа 1217 г., однако установить это точно сейчас не выдается реальным в связи с недостатком соответствующих документов.

Однако, на основании выше приведенных аргументов, с уверенностью можно сказать, что летописная цитата о «заточеньи», а тем более о смерти Володислава «в томь заточень» является выдумкой.

Судя из факта, что в Венгрии с конца XII – в первой трети XIII вв. иноземцы получали земельные пожалования достаточно часто,³² очевидно галичский боярин был интересен Арпадам, своей предыдущей деятельностью на протяжении 1205–1214 гг. заслужив соответствующее отношение к себе со стороны правящего монарха, возможно владея полученными землями уже несколько лет.

²⁹ Согласно папской буллы от 15 мая 1209 р. predium Pagran принадлежало монастырю св. Бенедикта (см. CDS T. 1. 118).

³⁰ FEJÉR CD T. 3. V. 1. 257–258.

³¹ Ibid. 259.

³² В 1222 и 1231 гг. «Золотые буллы» Эндре II практику получения иноземцами земли запретили. В частности, дополнение №11 от 1231 р. гласило: «Иноземной знати, прибывающей в страну, конечно, если они не хотят стать ее жителями, не предоставляются должности, потому что они выносят из страны богатство», дополнение №19 констатировало «а) особам иноземного происхождения нельзя даровать владения; б) если же [владения] подарили, или отдали, следует разрешить жителям страны, чтобы они [его] выкупили, или вернули обратно», (см.: *The Laws of the medieval kingdom of Hungary*: Ed. J. M. BAK – Gy. BÓNIS – J. R. SWEENEY. T. I–II, Bakersfield, 1999. T. I. (1000 – 1301) 38). Украиноязычный перевод – согласно автора данной работы (див.: М. М. Волошук: *Військово-політичні стосунки Угорського королівства з Галицьким та Галицько-Волинським князівством (кінець XII – XIII ст.)*. Дисертація на соискание кандидата історичних наук за спеціальністю 07. 00. 02 – всесвітня історія. Чернівці, 2005. 229).

Социальный, имущественный статус Володислава в рамках Венгрии и характер отношений с Эндре в 1217/18–1232 гг. до сих пор не был предметом изучения даже на уровне отдельной научной статьи, поскольку доминирующей в историографии была мысль о смерти галицкого боярина в заточении. В то же время актовъый материал правящей династии достаточно четко дает ответы на поставленные вопросы.

Территориальные владения, коими на протяжении указанного периода управлял представитель восточнославянской знати, в контексте отображения их имущественной принадлежности в XI–XIII вв., изучения локальной топонимики, места и роли в системе экономических связей Арпадов дают возможность, некоторым образом, позиционировать персону Володислава в иерархической системе королевства. Средневековое *predium* Pagan/Pogran, расположенное в современной Словакии (теперь с. Погранице, локализовано в северно-восточном направлении на расстоянии ок. 4,5 км. от г. Нитра [см. Карту №1. – М. В.] и идентифицировано Р.Марсиной³³) является предметом особого внимания с связи с периодическим появлением на страницах королевских дипломов, булл римских пап и т. д.

Разноплановый за характером актовъый материал, опубликованный за период с конца XVIII до XX вв. С. Катоней, Г. Феером, Ф. Кнаузом, Г.

³³ CDS T. 1. 179.

Вензелем, А. Поттхазтом, I. Сентпетери, Р. Марсиной и т.д.³⁴ шестикратно упоминает село Пагран. Первое известие о существовании данного населенного пункта датируется 1075 р., констатируя его принадлежность «ad ... sancti Benedicti monasterium hereditates», основанного королем Гейзой I (Geza, 1074–1077 гг.). Согласно лаконичного описания, в рамках поселения проживало 25 семейств сервов. Здесь существовало 16 виноградников,³⁵ окраины включали леса, луга, и шесть участков обрабатываемой земли, принадлежавшей аббату монастыря³⁶. Диплом, изданный королем Калманом I Книжником 1 августа 1113 г. свидетельствует, что «Villa Pogran est terminus puteus Cik[er et locus nomine Scumedi», таким образом, локализируя поселение в топонимическом смысле.³⁷

В нескольких случаях (в том числе в 1218 и 1232 гг.) на страницах актов село Пагран ассоциируется исключительно с наличием виноградников, а, соответственно, изготовлением вина, которое в средневековой Венгрии было источником серьезной прибыли в казну. Сообщение о важности выращивания vineas массово встречается в венгерских источниках.³⁸ Тот факт, что состоянием на 1232 г. «In villa, que vocatur Pagran ... numero vinearum vigintj quinque fuerant»,³⁹ свидетельствует о достаточно высоком проценте изготовления винной продукции в рамках одного населенного пункта. К примеру, Веспремское архиепископство в 1082 г. в качестве пожалования получило от короля Ласло I (Ladislau, 1077–1096 гг.) достаточное количество виноградников (более 120 единиц), хотя отдельно взятое село, где выращивалось растение редко насчитывало более 12-15 единиц.⁴⁰

³⁴ Рихард Марсина в своем издании дипломов и эпистол средневековой Словакии (читай – северной Венгрии. – М.В.) привел исчерпывающий список ранее изданных сборников документов, на страницах которых встречается predium Pagran (див.: CDS T. 1. 53–54, 64–65, 118, 180, 281; T. 2. 255–256).

³⁵ От конца XI в. до 1232 г. количество семейств сервов практически не изменилось (25 единиц в 1075 г. и 21 – в 1232 р., соответственно). Число виноградников возросло от 16 до 25 единиц (см.: CDS T. 1. 55, 281).

³⁶ CDS T. 1. 53–58 (про с. Пагран. 55).

³⁷ Ibid 67.

³⁸ Только лишь в издании Г.Феера встречается более 750 упоминаний о выращивании виноградников (см.: FEJÉR CD T. 1–10)

³⁹ CDS T. 1. 281.

⁴⁰ FEJÉR CD T. 1. V. 1. 448–458.

Аналогичная тенденция имела место и в XII–XIII вв., о чем свидетельствует соответствующий дипломатический материал.⁴¹ Таким образом, можно констатировать, что *predium Pagran* в динамике выращивания виноградников было довольно успешным в королевстве. Однако, также понятно, что сельские угодья между 1217/18–1232 гг., скорее всего, не принадлежали одному собственнику.

Состоянием на 1218 г. Володислав Кормильчич в своем распоряжении уже имел *vineas Pagran*, часть которых Эндре тогда же передал в пользование «*in Christo patri nostro Iohanni, dei gracia Strigoniensi archiepiscopo*». Из выше приведенной цитаты, к сожалению, неизвестно, состоялось ли данное пожалование в убыток *Ladislao Ruteno*, однако точно ясно, что до 1231/32 г. последний контролировал изготовление вина из *numero vinearum viginti quinque*.⁴² Подобное количество было значительным, с оглядкой на приведенные выше количественные показатели наличия виноградников у других представителей светской и церковной знати Венгрии. Изображение виноградной лозы на современном гербе с. Погранице отображает тенденцию развития местного виноделия.

Итак, некоторая материальная зажиточность прежнего галицкого боярина состоянием на 1217/18–1231/32 гг., на наш взгляд, не подлежит сомнению, хотя установить ежегодный доход с продажи вина, за отсутствием источников, нереально, как и невозможно выяснить, владел ли *Ladislao Ruthenus* какими-то другими земельными угодьями в рамках королевства.

Вассально-сюзеренные связи Володислава с Эндре II, скрепленные до конца 1217 г. поземельными отношениями, предвидели конкретные изменения в социальном статусе представителя восточнославянской знати уже в качестве подданного Арпадов. Данная проблема, как мы считаем, может быть частично решена при детальном источниковедческом анализе диплома от 1232 г., на страницах которого пересчитаны семьи «*omnes serui predictj Ladislai*». В указанном акте фигурируют «*prefatos populos ... quorum nomina sunt Johannes, Zeba, Menguet, Moch, Zumul, Halalus, Weta, Juan, Chama, Penta et duo fratres eius, Wucud, Moncha, Duda, Fab, Kecha, Dika, Zentus et Bada cum filio*».⁴³ Мы считаем, что в документе идет речь об 20-21 семействе, что в обще-

⁴¹ FEJÉR CD T. 1. 69, 89, 151, 186, 327; T. 3. V. 1. 140, 303, 326–327, 449; T. 3. V. 2. 208–211, 222, 464; T. 4. V. 1. 195, 307 T. 4. V. 2. 116, 149, 161, 171, 367.

⁴² CDS T. 1. 180, 282.

⁴³ Ibid. 282.

демографическом смысле очевидно становило около 100-120 персон.⁴⁴ Особенности досмотра за виноградом и изготовление вина предвидели использование труда не только сервов, но и виниторийев. Диплом от 1251 г. упоминает об «*vinitorem Mancha nominatum, de villa Pagran pomine*»,⁴⁵ однако не известно, проживала ли указанная персонa в селе до 1232 г. Об этом можно только догадываться на основании общих тенденций смены места жительства крестьянами средневековых сел. Таковых случаев было немного.

Категория лично зависимых людей, известных в Венгрии и других католических странах Европы под понятием «*servus/seruus*» на страницах королевского дипломатического материала встречается довольно часто, неоднократно будучи предметом исследования венгерских ученых.⁴⁶ Однако, до сих пор никто не изучил тенденции численности особей данной прослойки к отдельно взятому собственнику (в рамках одного населенного пункта), или же структуры (монастыря, или церкви) на протяжении XII–XIII вв. В результате проведенных подсчетов, мы пришли к мнению, что количество сервов, в средне-демографическом изложении выше приведенного образца, была незначительной. Несколько приведенных ниже примеров свидетельствует именно о такой тенденции.

В частности, диплом от 1137 г., была написана от имени *Magdalena, eiusdem Martini Coniux*, констатировал передачу монастыря св. Петра «*pro anime meae, dominique mei Martini remedio*» различной собственности, а именно, «*duo serui ... sine vxoribus, tres vero debitores*».⁴⁷ Комес Фулькумар «*pro remedio animarum suarum*» в 1168 г. переписал церкви *Beati Mauricii de Bel* «*vnum seruum nomine Seged*».⁴⁸ Вместе с 22-мя свободными крестьянами *in uilla Pbew*, среди собственности дьерского каноника Опуса под 1210 г. также упоминаются 5 сервов.⁴⁹ Акт короля Эндре II от 1217 г. констатировал, что «*terre de Gyrok incipit*

⁴⁴ Интересно, что состоянием на 31 декабря 2004 г. с. Погранице насчитывало 1069 жителей (см.: www.pohranice.sk). В контексте анализа динамики изменения демографической ситуации на селе выше приведенное количество жителей средневекового поселения нам кажется целиком реальным.

⁴⁵ CDS T. 2. 256.

⁴⁶ См. например: A. ZSOLDOS *Az Árpádok és alattvalóik*. [Арпады и их подданные] 198–200, 209–212.

⁴⁷ FEJÉR CD T. 2. 93.

⁴⁸ *Árpádkori új okmánytár. – Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. T. I–XII, Pest, Budapest, 1860–1874. (далее: WENZEL CDA) V. 1. (1001 – 1235). №37.

⁴⁹ *Ibid.* №60.

de villa Sceureg, qui sunt serui regis» (без перечня имен).⁵⁰ Диплом этого же монарха от 1221 г., подтверждая предыдущее жалование terras ab Abbatia montis Pannoniae, in Ölbö, Szölös, Éch Gamas, среди остальной собственности пересчитывал: «seruum nomine Lazou cum vxore, et quatuor filiabus ... item duos seruos, videlicet Micou, Veneir ... item seruum nomine Ceplet, cum filiis ... seruis ... Vesec et filio eius».⁵¹ Акт от 1225 г. всадника (рыцаря) Ивана (Ego Iwan miles domini Regis et domini Archiepiscopi Colocensis) вспоминает среди его собственности 3-х сервов.⁵² Документ аббата Лотарда из монастыря S. Iacobi de Lében от 1229 г. подтверждает переход серва Buz in libertatem.⁵³ В том же году Ladislaus, iudicis curiae издал диплом, касающийся персоны серва Берджамина – человека Варадинской капитулы.⁵⁴ Акт комеса Шопроня Чака от 1237 г., адресованный monasterio de monte S. Mariae, предвидел передачу монастырю unum seruum nomine Crasthey.⁵⁵

Капитула г. Загреб в 1252 г. один из актов адресовала omnibus praesens scriptum inspecturis, в коим шла речь о серве «nomine Ianus, cum duobus filiis et una filia sua», который был собственностью Thome, filio Iohannis de provincia Zotmar.⁵⁶ Веспремская капитула в 1270 и 1277 гг. издала два диплома, адресованные omnibus, praesentes litteras inspecturis, где упоминались сервы покойного комеса Готарда, в тому числе те, которым он даровал свободу: «Muzgud et filium eius Nicolaum, ...Pentek nomine, cum quibusdam filiis Aegydiu et Cseke, ... Mateum et Mauritium, Fratrem eiusdem ...»⁵⁷ и т. д. В том же году Moys Palatinus со своим самым близким окружением «ob remedium animarum nostrarum ... monasterio B. V. de Abraham» решили передать движимое и недвижимое имущество, среди которого числились «seruos et ancillas, quorum nomina sunt haec [в целом 42 особи, учитывая женщин и детей. – М. В.]».⁵⁸ Тот же палатин в 1272 г. Monasterio Ord. Cisterciensium передал «seruitores et Ancillas, quorum nomina sunt haec [в целом 33 особи, учитывая женщин и детей. – М. В.]».⁵⁹ Подтверждение

⁵⁰ FEJÉR CD T. 3. V. 1. 202.

⁵¹ FEJÉR CD T. 3. V. 2. 478–479; T. 5. V. 1. 298–299; WENZEL CDA V. 1.(1001 – 1235). №96.

⁵² WENZEL CDA V. 1.(1001 – 1235). №126.

⁵³ FEJÉR CD T. 3. V. 2. 486.

⁵⁴ FEJÉR CD T. 7. V. 1. 220.

⁵⁵ FEJÉR CD T. 4. V. 1. 99

⁵⁶ FEJÉR CD T. 4. V. 2. 169.

⁵⁷ FEJÉR CD T. 5. V. 1. 74; FEJÉR CD T. 5. V. 2. 417–418.

⁵⁸ Ibid 86.

⁵⁹ Ibid 262.

пожалований за 1270 и 1272 гг. гарантировалось дипломом короля Иштвана V (Stephanus, 1270–1272 гг.).⁶⁰

Исключение в выше приведенном отчете составляет, например, список сервов-преступников (62 имени) de villa Vduard, что принадлежали церкви св. Бенедикта supra Grana refractarii, зафиксированный дипломом Эндре II от 1228 г.⁶¹

Таким образом, на основании выше приведенных данных можно предположить, что количество сервов касательно отдельно взятого представителя светской или церковной иерархии королевства не была четко регламентирована, сохраняя тенденцию к текучке. Отличительные по должностям персоны владели разным числом зависимого населения, часто передавая его в собственность монастырей и церквей, а также даруя свободу. Однако актовый материал Арпадов отображает исключительно зафиксированные историей казусы, в целом отражая только общие тенденции внутренне-иерархических изменений, не до конца будучи репрезентативным.

В целом, учет omnes serui predicti Ladislai de villa Pagran, которые в 1232 г. изменили собственника, отображает, как мы считаем, важность подобного регистра как для короля так и, очевидно, для эстергомского архиепископа Роберта под протекторат которого переходили крестьянские семьи. Принадлежность 20-21-й семьи сервов (то есть – около 100-120 персон) Володиславу на протяжении 15 лет свидетельствует о довольно высоком общественном статусе (на уровне владения только указанным населенным пунктом). Нам, однако, также неизвестно, имел ли в Венгрии бывший боярин кроме с. Пагран какие-то иные predia.

Выше приведенная статистика numero seruorum и наличие экономически прибыльных виноградников в контексте сравнения статуса Ladislai Rutheni с другими подданными Арпадов, на наш взгляд, в иерархической лестнице королевства разрешает расположить Володислава рядом с королевскими баронами, низшими представителями курии. Без сомнения, бывший представитель восточнославянской знати после 1214 г. не был для Эндре II персоной non grata, однако уровень влияния на внешнеполитические и династические связи монарха с князьями Волыни, Галичины и Черниговской земли, за отсутствием документов, неизвестен.

⁶⁰ FEJÉR CD T. 5. V. 2. 111.

⁶¹ FEJÉR CD T. 3. V. 2. 143–144.

Таким образом, в системе взаимоотношений галичской знати с венгерским королем начала XIII в. личность Володислава Кормильчича (Ladislao Rutheno) является знаковой. Появившись в политической жизни около 1198/99 г. и принимая в ней активное участие до 1214 г., боярин и его родственники (из источников известны только братья) приложили немало усилий для формирования в Галичской земле значительной группы приверженцев Арпадов, чего не просматривалось до конца XII в. Одновременно представитель местной знати оставался на традиционных вражеских позициях к волынским Романовичам и их последователям. Тем не менее, актовый и нарративный материал достаточно спокойно отображает отдельные факты из биографии боярина. ореол одиозности исследуемой персоны, создан не совсем адекватными оценками его деятельности именно историками XIX – начала XXI вв., на наш взгляд, является надуманным, документально необоснованным, субъективно враждебным.

Обстоятельства противостояния с княжескими династиями Руси, «вокняжение» и особенно, галичское правление Володислава Кормильчича, спровоцировавшие глубокую и одновременно часто ничем не аргументированную критику ученых, в литературе до сих пор отображены в искаженном виде. Мы считаем, что среди большинства ученых имеет место наверное сознательное непонимание сути процессов, сопровождавших эволюцию русско-венгерских отношений указанного периода, на общеевропейском фоне, допускаются серьезные оплошности в хронологии и т.п. Как следствие – игнорирование и не введение в научный обиход давно известных актов королевской канцелярии, папских булл или нарративов в очередной демонстрирует негативы правления «боярской олигархии», «бунтовщиков», «изменников» и т.д., таким образом приводя к безальтернативному пониманию исследуемых процессов.

В начале XIII в. среди галичской знати сформировалось представление о необязательности пребывания на местном престоле кого-нибудь из числа других властителей восточнославянского мира. Персона венгерского монарха-протектора на вакантную должность боярами рассматривался совершенно реально, была подготовлена годами тесных двухсторонних контактов, периодическим пребыванием своих родственников, детей в Венгрии, а также некоторыми генеалогическими правами Эндре II, в частности. Не исключено, что и

сам Володислав на протяжении конца 80–90-х гг. XII в. находился при дворе Арпадов.

Данные тенденции были типичными для приграничных наиболее контактных территорий не только в XIII, но и в XIV–XVII вв.

Особое внимание Кормильчича к Эндре, динамика контактов, зафиксирована документально, создала серьезный прецедент устранения Романовичей от власти в столичном центре в первые же годы после смерти Романа Мстиславовича, даже несмотря на договоренности в Сяноке (август 1205 г.).

ZOLTÁN VÁRADY

A short overview of stone-inscriptions using the humanistic capitalis typeface*

Abstract: This essay is looking over the use of Humanist capitalis letter types in the first Renaissance period in the Hungarian Kingdom. In the case of stone inscriptions, the Humanist capitalis letter remained the most characteristic type from 1467 till the historical epoch-marking year of 1541. Its provincial variations appeared in the country at the beginning of the 16th century and became widely accepted till the 20th century. The excessive use of ligatures and enclaves became more marked after 1500 and they were fashionable till 1541. The type called early Humanist capitalis can be observed on a seal of King Matthias from 1472. Its general usage can be dated to the first decades of the 16th century.

Key words: The medieval epigraphy, stone-inscriptions, Humanist capitalis letter types, the first Renaissance period in the Hungarian Kingdom (around 1470–1541).

Medieval epigraphy, unlike in other European countries, is a fairly under-researched complementary science in Hungary. The tendentious gathering of relics with Latin inscriptions started only as part of corpus collection and exhibition catalogue publishing.

One of the most notable among medieaval epigraphic relics are stone inscriptions, the collection of which are connected to art history, since databases on each territory and time period, surveys, monographies or the above mentioned corpuses and exhibition catalogues are also the output of art historians. Surveys conducted on the font type of stone inscriptions may prove to be useful in the epigraphic evaluation of other objects as well.

The author of this survey is concerned with Transdanubian relics, basing his candidate's dissertation on the chronologic usage of each typeface.

* I am grateful to Máté Márkus for the English translation.

Humanistic or renaissance capitalis lettering is also a distinct type, and the determination of its temporal usage became more accurate with the incorporation of findings on inscriptions used on stone relics, seals and coins from other parts of Hungary.

The appearance of the humanistic capitalis typeface is connected to the tabernacle-console of Albert Vetési from 1467.¹ The same style can be observed on two other relics, where the punctual construction dates are also known: a carving with the Beatrix coat of arms from Esztergom (1482)² and other ones from Nógrád, Vác and Ecsed illustrating Báthori crests (1483–1485).³ According to art historians, numerous stone relics are from the 1480s

¹ P. GERECZE, *A műemlékek helyrajzi jegyzéke és irodalma*. [Topographic data and literature of Hungarian monuments] Magyarország Műemlékei [Monuments of Hungary] II, ed. Gy. FORSTER, Budapest, 1906. (Hereafter: GERECZE 1906) pp. 1017–1018; R. BÉKEFI, *A Balaton környékének egyházai és várjai a középkorban*, [Churches and castles of the Balaton Region during Medieval times] Budapest, 1907. (hereafter: BÉKEFI 1907), p. 50, 52; J. BALOGH, 'A késő-gótikus és a renaissance-kor művészete', [Art in the Late Gothic and Renaissance era] in: *Magyar Művelődéstörténet*, [History of Hungarian civilization] II, ed. S. DOMANOVSKY, Budapest, 1939. (hereafter: BALOGH 1939) (pp. 509–584.) pp. 564–566;

p. 567; J. GUTHEIL, 'Mátyás korának veszprémi emlékei', [The monuments of the Matthias-era in Veszprém] *Dunántúli Szemle* VII (1940), (pp. 119–134.) (hereafter: GUTHEIL 1940) p. 124, 127; L. GEREVICH, 'Johannes Fiorentius und die pannonische Renaissance', *Acta Historiae Artium Academiae Scientiarum Hungaricae* 6 (1959), (pp. 309–338.) (hereafter: GEREVICH 1959) p. 319; S. TÓTH, 'A veszprémi székesegyház középkori kőfaragványai', [Stone carvings in the cathedral of Veszprém] in: *A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei* 1 (1963), (pp. 115–142.) (hereafter: TÓTH 1963) p. 140; *Mathias Corvinus und die Renaissance in Ungarn 1458–1541. Schallaburg. Wien, 1982. Ausstellungskatalog*, (hereafter: SCHALLABURG) p. 561; *Mátyás király és a magyar reneszánsz 1458–1541*, [King Mathias and the Hungarian Renaissance] (Magyar Nemzeti Galéria kiállítása 1983. febr. 24 – jún. 26.) ed. Gy. TÖRÖK, Budapest, 1983. (hereafter: MK–KAT) p. 71; T. KOPPÁNY, 'A Közép-Dunántúl reneszánsz építészet', [Renaissance architecture in Middle Transdanubia] *Ars Hungarica* XII (1984), (pp. 183–232.) (hereafter: KOPPÁNY 1984) pp. 184–186; Á. MIKÓ, *A reneszánsz Magyarországon. Stílusok-korszakok*. [The Renaissance in Hungary. Styles-eras.] Budapest, 2009. p. 14. (hereafter: MIKÓ 2009.)

² J. N. MÁTHES, *Veteris arcis Strigoniensis monumentorum ibidem erutorum, aliarumque antiquitatum lythographicis tabulis ornata descriptio*, Strigoni, 1827. (hereafter: MÁTHES 1827) p. 65; J. BALOGH, *A magyarországi művészet története I. Kora renaissance*, [Hungarian history of art I. Early Renaissance] Budapest, 1961. (hereafter: BALOGH 1961) p. 286; SCHALLABURG (see note 1) p. 617; Á. MIKÓ, 'Ippolitó d'Este esztergomi érsek udvara és a reneszánsz kőfaragás Magyarországon', [The court of the archbishop of Esztergom, Ippolito d'Este, and stone carvings in Renaissance Hungary] *Ars Hungarica* XVI (1988:2), (pp. 133–142.) (hereafter: MIKÓ 1988) p. 133.

³ I. GENTHON et al., 'Nógrád megye műemlékei', [Monuments of Nógrád County] *Magyarország műemléki topográfiaja*, [The topography of Hungarian monuments] III. (ed. D. Dercsényi) Budapest, 1954. p. 308; J. BALOGH, *A művészet Mátyás király udvarában*, [Art in the court of King Matthias] I–II, Budapest, 1966. (hereafter: BALOGH 1966), I, p. 299, II, p. 230; F. TÓTH, *Renaissancebaukunst in Ungarn*, Budapest, 1981. (hereafter: F. TÓTH 1981) p. 217; *Lapidarium*

and 1490s, for example the gravestone of castellan Simon Verebélyi in Eger (1493),⁴ a humanist tomb-fragment from Buda (1494)⁵ and the tomb of an unknown maid of honour in Esztergom (1495).⁶ 1496 can be seen on the Monelli gravestone.⁷ Also the gravestone of Bálint Bakócz, provost of Titel

Hungaricum (Magyarország építészeti töredékeinek gyűjteménye) 1. Budapest, 1988. (hereafter: LAHU) p. 310; Á. MIKÓ, 'Stílus és felirat. Kőbevésett, klasszikus és korai humanista kapitálissal írott feliratok a Mátyás- és Jagello-kori Magyarországon' [Style and inscription. Stone-carved inscriptions written with classic and early humanist capitalis in Hungary in the period of King Mathias and the Jagello-dynasty] *Művészettörténeti Értesítő* LIV (2005) (pp. 205–244.) p. 212–213. (hereafter: MIKÓ 2005); *Hunyadi Mátyás, a király. Hagyomány és megújulás a királyi udvarban 1458–1490.* [Matthias Hunyadi, the King. Tradition and renewal at the royal court 1458–1490] Kiállítási Katalógus, Budapesti Történeti Múzeum (eds: P. FARBAKY, E. SPEKNER, K. SZENDE, A. VÉGH) Budapest, 2008. p. 274–275. (6.2. A. ULRICH) (hereafter: HUNYADI-KAT. 2008)

⁴ Á. NAGY, 'Négy renaissance kori síremlék a középkori egeri Szent János székesegyházból' [Four Renaissance sepulchral monuments from the Medieval Szent János-cathedral at Eger] in: *Az Egeri Múzeum Évkönyve VIII–IX* (1972), (pp.105–129.) pp. 105–107, 112–117; MIKÓ 2005. (see note 3) pp. 220–223.

⁵ H. HORVÁTH, *A Fővárosi Múzeum Kőemléktárának leíró leírása*, [The catalogue of the lapidarium at the Museum of the Capital] Budapest, 1932. (Hereafter: HORVÁTH 1932) p. 29; D. RADOCSAY, 'Les principaux monuments funéraires médiévaux conservés à Budapest', in: *Mélanges offerts à Szabolcs de Vajay*, ed. P. BRIÈRE, Braga, 1971. (pp. 461–486) (hereafter: RADOCSAY 1971) p. 483.

⁶ I. HORVÁTH – M. H. KELEMEN – I. TORMA, *Komárom megye régészeti topográfiája 1. Esztergom és a dorogi járás*, [Archaeological topography of Komárom County, Esztergom and district of Dorog] Magyarország régészeti topográfiája [Archaeological topography of Hungary] 5. Budapest, 1979. (hereafter: HORVÁTH – KELEMEN – TORMA 1979) p. 149; SCHALLABURG (see note 1) pp. 678–679; MK–KAT, (see note 1) p. 78; Á. MIKÓ, 'Két világ határán (Janus Pannonius, Garázda Péter és Megyericssei János síremléke)', [At the border of two worlds: The tomb of Janus Pannonius, Péter Garázda and János Megyericssei] *Ars Hungarica* XI (1983), (pp. 49–75.) (hereafter: MIKÓ 1983) p. 50; J. BALOGH, *Kolozsvári kőfaragó műhelyek XVI. század*, [Stone carving workshops in Kolozsvár in the 16th century] Budapest, 1985. (hereafter: BALOGH 1985) p. 15; Á. MIKÓ, 'Jagello-kori reneszánsz sírköveinkről', [Tombstones during the reign of the Jagello dynasty] *Ars Hungarica* XIV (1986), (pp. 97–113.) (hereafter: MIKÓ 1986) p. 99; LAHU, (see note 3) p. 121.

⁷ J. SZENDREI, 'Monelli Bernát síremléke 1496-ból', [The tomb of Bernát Monelli (1496)] *Turul* 61 (1927), (pp. 71–76, 97.) (hereafter: SZENDREI 1927) pp. 73–76; H. HORVÁTH, *Budapest művészeti emlékei*, [Art history monuments of Budapest] Budapest, 1938. (hereafter: HORVÁTH 1938) p. 26–75; E. VERNEI-KRONBERGER, *Magyar középkori síremlékek*, [Medieval sepulchral monuments of Hungary] Budapest, 1939. (hereafter: VERNEI-KRONBERGER 1939) p. 44; L. GEREVICH, 'Gótikus házak Budán', [Houses of Gothic style in Buda] *Budapest Régiségei* XV (1950), (pp. 123–238.) (hereafter: GEREVICH 1950) pp. 206–208; GEREVICH 1959 (see note 1); BALOGH 1966, (see note 3) I, p. 298; RADOCSAY 1971, (see note 4) p. 483; SCHALLABURG (see note 1) pp. 679–680; MK–KAT, (see note 1) p. 78; HUNYADI-KAT 2008. (see note 3) pp. 264–265. (5. 12. Á. MIKÓ)

is traced from that time.⁸ The inscribed table of provost Domonkos Kálmáncsehi in Székesfehérvár is from the end of 15th century.⁹

1499 can be read on András Gosztonyi's gravestone in Esztergom,¹⁰ Zsigmond Vémeri's tombstone is from 1500,¹¹ while the foot-stone of the Bakócz-chapel in Esztergom indicates that constructions began in 1506.¹² Both the inscription composed of gilded bronze letters on the closing ledge of the chapel,¹³ and Péter Garázda's tomb are from 1507.¹⁴ The tabernacles of the

⁸ PANNONIA REGIA .Művészet a Dunántúlon 1000–1541. [Pannonia Regia. Art in the Transdanubian region 1000–1541] eds. Á. MIKÓ – I. TAKÁCS Budapest, 1994. pp. 353–354. (VII. 25, Á. MIKÓ, Á. RITÓÓK SZALAY); MIKÓ 2005. (see note 3) p. 220.

⁹ Mátyás király öröksége. Késő reneszánsz művészet Magyarországon. (16–17. század), [The legacy of

King Mathias. Late Renaissance art in Hungary (16th–17th centuries)] eds. Á. MIKÓ, M. VERŐ Budapest, 2008. p. 201. (VII–10. Á. Mikó) (hereafter: MÁTYÁS-KAT. 2008)

¹⁰ MÁTHES 1827. (see note 2) p. 22; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 42; HORVÁTH 1938. (see note 6) p. 101; J. BALOGH, *Az esztergomi Bakócz-kápolna*, [The Bakócz chapel of Esztergom] Budapest, 1955. (hereafter: BALOGH 1955) p. 36, 40; I. GENTHON, *Magyarország művészeti emlékei 1. Dunántúl*, [Art monuments of Hungary I. Transdanubia] Budapest, 1959. (hereafter: GENTHON 1959) p. 92; GEREVICH 1959. (see note 1) p. 313; K. H. GYÜRKY, 'Die St. Georg-Kapelle in der Burg Veszprém', in: *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* XV (1963), (pp. 341–408.) (hereafter: H. GYÜRKY 1963) p. 384; BALOGH 1966. (see note 3) I. p. 132, 299; J. BALOGH, 'Későreneszánsz kőfaragványok I.', [Late Renaissance stone carvings I.] *Ars Hungarica* 2 (1974), (pp. 27–58.) (hereafter: BALOGH 1974) p. 42; J. BALOGH, *Die Anfänge der Renaissance in Ungarn, Mathias Corvinus und die Kunst*, Graz, 1975. (hereafter: BALOGH 1975) p. 192; HORVÁTH – KELEMEN – TORMA 1979. (see note 5) p. 93; MIKÓ 1986 p. 99. (see note 5)

¹¹ A. KUBINYI – J. ALTMANN, 'Nepoznati zagrebački biskup: Sigismund Vémeri (1500)', in: *Posebni otisak bogoslavsko smotra* XLV (1975), (pp. 127–138.) (hereafter: KUBINYI – ALTMANN 1975) pp. 136–137; P. NAGYBÁKAY, 'Beriszló Péter veszprémi püspök címeres köve', [The crested stone of Péter Beriszló, bishop of Veszprém] in: *Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei* 13 (1978), (pp. 113–132.) (hereafter: NAGYBÁKAY 1978) pp. 125–126; MIKÓ 1983, (see note 5) p. 51; MIKÓ 2005. (see note 3) pp. 220–221.

¹² MÁTHES 1827. (see note 2) p. 95; BALOGH 1955. (see note 7) p. 71; HORVÁTH – KELEMEN – TORMA 1979, (see note 5) p. 105; SCHALLABURG, (see note 1) p. 669–670; MK-KAT, (see note 1) p. 77; S. TÓTH, *Az esztergomi Bakócz-kápolna történelmi helye* [The historical site of the Bakócz chapel of Esztergom] In: *Ars Hungarica* XVIII. (1990) (pp. 207–208.) p. 207. (hereafter: TÓTH 1990.); E. MAROSI, *Az esztergomi Bakócz-kápolna*, [The Bakócz chapel of Esztergom] *Műemlékvédelem* LIII:6, (2008) (pp. 360–367) pp. 360–361. (hereafter: MAROSI 2008)

¹³ BALOGH 1955, (see note 7) p. 65; L. ZOLNAY – D. DERCSÉNYI, *Esztergom*, [Esztergom] Budapest, 1956. (hereafter: ZOLNAY – DERCSÉNYI 1956) p. 28; GENTHON 1959, (see note 7) p. 91; F. TÓTH 1981. (see note 3) pp. 218–219; TÓTH 1990. p. 207; P. LŐVEL, "'Virtus, es, marmor, scripta". Vörös márvány és bronzbetű.' ["Virtus, es, marmor, scripta". Red marble and bronze letters] in: *Marandóság és változás-Művészettörténeti konferencia*, eds: Sz. BODNÁR, A. JÁVOR, P. LŐVEL, G. PATAKI, Gy. SÜMEGLI, A. SZILÁGYI, Ráckeve, 2000. (pp. 53–71) p. 67; MAROSI 2008. p. 360.

¹⁴ VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 41; BALOGH 1955. p. 36, 40; GEREVICH 1959, (see note 1) p. 313, 328; BALOGH 1966. I. p. 299; BALOGH 1974. (see note 7) 42; BALOGH 1975. (see note 7)

parish church in Pest was also made in 1507,¹⁵ while the gravestone of the tailormaster Albert (only the A and E letters are of early Humanist capitalis type) is from 1508.¹⁶ The gravestone of bishop Lukács Szegedi indicates the date of year 1510.¹⁷ The following, exactly dated relics are from a later period, as Briccius Egervári's epitaph reads 1515,¹⁸ similarly to the tombstones of István Beéri and Veronika Egervári from Zalaszentgrót,¹⁹ while the Szentléleki gravestone from Csatka has 1516 on it.²⁰ The tabernacle from Pomáz was made in 1519,²¹ the groundsill of the ornamental fountain in Városlőd is from 1521,²² while a door-case lintel in Devecser indicates 1526.²³ Art history dates

p. 192; HORVÁTH – KELEMEN – TORMA 1979. (see note 5) p. 93, 97; SCHALLABURG, (see note 1) p. 614; MIKÓ 1983. (see note 5) p. 49; MIKÓ 1986. (see note 5) pp. 99–100.

¹⁵ HORVÁTH 1932. (see note 1) p. 34; F. TÓTH 1981. (see note 3) p. 219; SCHALLABURG, (see note 1) p. 606; MK–KAT (see note 1) p. 73; M. PATTANTYÚS, 'Nagyrévy András és a pesti belvárosi plébániatemplom reneszánsz tabernákulumai' [András Nagyrévy and the Renaissance tabernacles in the inner city parish church of Pest] *Művészettörténeti Értesítő* XLVII (1998) (pp. 219–228) p. 219; MIKÓ 2005. (see note 3) pp. 205–206.

¹⁶ I. HORVÁTH, 'IV. Béla király sírja nyomában', [Searching the tomb of Béla IV] in: *Dunakanyar tájékoztató* 1980:1, (pp. 88–89.) (hereafter: HORVÁTH 1980) pp. 88–89; SCHALLABURG, (see note 1) p. 681; MK–KAT, p. 78; B. GOMBOSI – P. LÓVEL, 'Egy Johannes Aquila műhelyében készült donátor-ábrázolás azonosítása a mártonhelyi Szent Márton-plébániatemplomban', [Identifying the picture of a donator in the St. Martin parish church of Mártonhely painted in the workshop of Johannes Aquila] *Művészettörténeti Értesítő* 56 (2007), (pp. 201–218.) (hereafter: GOMBOSI – LÓVEL 2007) pp. 205–206.

¹⁷ MIKÓ 2005. (see note 3) p. 221; Mikó 2009. (see note 1) pp. 107–108.

¹⁸ *Vás Vármegye Monográfiája*, [The monograph of Vas County] *Magyarország vármegyéi és városai* [Counties and cities of Hungary] III. eds. J. SZIKLAY – S. BOROVSKY, Budapest, 1898. (hereafter: MVV) pp. 31–32; L. ÉBER, 'Egerváry Bereck síremléke', [The sepulchral monument of Egervári Bereck] *Archaeológiai Értesítő* XXXV (1915), (pp. 288–292.) (hereafter: ÉBER 1915) pp. 290–291; BALOGH 1939. p. 571 (see note 1); VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 51; GENTHON 1959. (see note 7) p. 77; SCHALLABURG, (see note 1) p. 691–692; MK–KAT, (see note 1) p. 79; MIKÓ 1986. p. 100.

¹⁹ *Rómer-jegyzőkönyvek*, [The archeological reports of Flóris Rómer] XII (1863), (hereafter: RÓMER 1863), p. 40; GERECZE 1906. (see note 1) p. 1040; I. GENTHON, *Magyarország műemlékei*, [Monuments of Hungary] Budapest, 1951. (hereafter: GENTHON 1951) p. 520; GENTHON 1959. (see note 7) p. 437; SCHALLABURG, (see note 1) p. 99; GOMBOSI – LÓVEL 2007. (see the note 16) p. 209.

²⁰ B. DORNYAY, *Bakony*, [Bakony] Budapest, 1927. (hereafter: DORNYAY 1927) pp. 85–86; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 44; J. BALOGH, *Az erdélyi renaissance I.*, [The Transylvanian renaissance] Kolozsvár, 1943. (hereafter: BALOGH 1943) p. 212; GENTHON 1959. (see note 7) p. 56., GEREVICH 1959. (see note 1) pp. 312–313; SCHALLABURG, (see note 1) pp. 686–687; MK–KAT, (see note 1) p. 78; KOPPÁNY 1984. (see note 1) p. 198.

²¹ GENTHON 1959. (see note 7) p. 272; SCHALLABURG, (see note 1) p. 655; MK–KAT, (see note 1) p. 68; BALOGH 1985. (see note 5) p. 45, 175, 361.

²² I. ÉRI – M. H. KELEMEN – P. NÉMETH – I. TORMA, *Veszprém megye régészeti topográfiája 2. A veszprémi járás*. [Archaeological topography of Veszprém County, district of Veszprém]

the arched door frame with a Bakith crest from Márévár to 1527–1533.²⁴ Inscriptions on a curb in Pécs are from 1540,²⁵ and the wall carvings of the captains of Visegrád, held captive in the Csonkatorony of Buda castle, are from 1541.²⁶

The excessive use of ligatures and enclaves became more frequent after the 1500s, similar techniques can be seen on Lady Perneszi's gravestone at Porva.²⁷ The same style was used on ban Myslenovith's tombstone in Nagyvázsöny (1512),²⁸ on the Semjén brother's grave in Nagykapornak (around 1520),²⁹ and in the inscriptions on the Perényi-bastion at Siklós (1540).³⁰

Magyarország régészeti topográfiája [Archaeological topography of Hungary] 2. Budapest, 1969. (hereafter: ÉRI – KELEMEN – NÉMETH – TORMA 1969) p. 207; KOPPÁNY 1984. (see note 1) p. 190, 201; LAHU, (see note 3) p. 412.

²³ KOPPÁNY 1984. (see note 1) pp. 207–208; T. KOPPÁNY, *Devecser, kastély*, [Devecser, manor-house] In: *Lapidarium Hungaricum 7. Veszprém megye I. A sümegi vár és a devecseri kastély reneszánsz kőfaragványai*, [Renaissance stone carvings from the castle of Sümeg and from the manor-house of Devecser] ed. P. LÓVEL, Budapest, 2009. (pp.89–182) pp. 99–100, 167, 172..

²⁴ M. G. SÁNDOR, 'A baranyai művészet a reneszánsz stílusáramlatában', [Renaissance influenced art in Baranya County] *Janus Pannonius Múzeum Értesítője* 25 (1981) (pp. 11–142.) (hereafter: G. SÁNDOR 1981) pp. 118–125; SCHALLABURG, (see note 1) pp. 571–572; MK–KAT, (see note 1) p. 72; M. G. SÁNDOR, *Reneszánsz Baranyában*, [The Renaissance in Baranya County] Budapest, 1984. (hereafter: G. SÁNDOR 1984) pp. 37–38, 76, 148–149; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 226, 227.

²⁵ O. SZÖNYI, *A pécsi püspöki múzeum kőtára*, [The lapidarium of the episcopal museum in Pécs] Pécs, 1906. (hereafter: SZÖNYI 1906) p. 247.

²⁶ A. KUBINYI, 'Rabok feliratai a budai Csonkatoronyban', [Inscriptions of the prisoners held in Buda Castle] *Budapest Régiségei* XVIII (1958), (pp. 519–525.) pp. 519–520, 523; D. DERCSÉNYI – M. HÉJJ – Gy. RÓZSA, *Visegrád*, Budapest, 1958. (hereafter: DERCSÉNYI – HÉJJ – RÓZSA 1958) p. 459; BALOGH 1966. (see note 3) I. p. 154; A. KUBINYI, *Budapest története a későbbi középkorban Buda elestéig (1541-ig)*, [The history of Budapest during Late Medieval times and until its fall in 1541] (Budapest története [The history of Budapest] vol. II, eds. GEREVICH, L. – KOSÁRY, D.) Budapest, 1975. (pp. 9–240.) p. 228; A. KUBINYI, 'Epigráfia', [Epigraphy] in: *A történelem segédtudományai*, ed. I. KÁLLAY, Budapest, 1986. (hereafter: KUBINYI 1986) p. 46.

²⁷ BÉKEFI 1907. (see note 1) pp. 236–237; DORNYAY 1927. (see note 16) pp. 219–220; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) pp. 41–42, 44; BALOGH 1955. (see note 7) 36; GENTHON 1959. (see note 7) p. 273; M. DAX – I. ÉRI – S. MITHAY – S. PALÁGYI – I. TORMA, *Veszprém megye régészeti topográfiája 4. A pápai és zirci járás*, [Archaeological topography of Veszprém County. 4. Districts of Pápa and Zirc] Magyarország régészeti topográfiája [Archaeological topography of Hungary] 4. Budapest, 1972. p. 218; NAGYBÁKAY 1978. (see note 8) pp. 124–125; MIKÓ 1983. (see note 5) p. 51; KOPPÁNY 1984. (see note 1) p. 192; MIKÓ 1986. (see note 5) p. 99.

²⁸ VERNEI-KRONBERGER 1939. (see note 6) p. 46; ÉRI – KELEMEN – NÉMETH – TORMA 1969. (see note 18) p. 137.

²⁹ T. BOGYAY, 'A kapornaki egykori bencés apátság XII. sz-i bazilikája', [The 12th-century basilica of the former Benedictine abbey at Kapornak] *Történetírás* II (1928), (pp. 153–161.) pp. 153–161; L. NAGYFALUSI, *A kapornaki apátság története*, [The history of Kapornak abbey] I–II, Kalocsa, 1941–

The provincial type of the humanistic capitalis typeface was also adopted in rural areas in the early 15th century. The inscriptions found on a gate crest by Zsigmond Ernuszt of Csáktornya in Pécs (1498),³¹ and the construction date of the church in Decs (1516) indicate this tendency.³²

The typeface known as early humanistic capitalis, which is considered a variant of the humanistic capitalis style, was also used in Hungary. An embossed form of the early capitalis can be seen on the grave cover of János Vitéz (1472),³³ while the lateral frame is decorated with embossed gothic minuscule letters. An ornamental well with the Hunyadi-crest in Visegrád, which is considered to be from 1483 by art historians, also has high letters.³⁴

1942. pp. 103, 118–119; GENTHON 1959. (see note 7) p. 216; NAGYBÁKAY 1978. (see note 3) p. 125; SCHALLABURG, (see note 1) p. 686; MK-KAT, (see note 1) p. 78; MIKÓ 1983. p. 51; KOPPÁNY 1984. (see note 1) p. 216; MIKÓ 1986. p. 101; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 221, 222..

³⁰ G. SÁNDOR 1984. (see note 20) p. 62.

³¹ SZÓNYI 1906. (see note 21) pp. 247–249; BALOGH 1939. (see note 1) pp. 564–566; D. DERCSÉNYI, *A pécsi kőtár*, [The lapidarium of Pécs] Budapest, 1962. pp. 18–19; G. SÁNDOR 1981. (see note 20) 112; SCHALLABURG, (see note 1) p. 569; MK-KAT, (see note 1) p. 71; G. SÁNDOR 1984. (see note 20) 17, 71; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 213, 226.

³² J. I. KOVÁTS, *Magyar református templomok*, [Calvinist churches in Hungary] Budapest, 1942. p. 77, 99, 156, 416; GENTHON 1959. (see note 7) p. 66; A. CSERNA – J. KACZIAN, *Egyed Antal összeírása és korrajz Tolna vármegyéről*, [A description of Tolna County by Antal Egyed] Szekszárd, 1986. p. 67, 69; Z. VÁRADY, 'Tolna megye középkori kőfeliratainak epigráfiai elemzése', [An epigraphic survey of Medieval stone inscriptions in Tolna County] *Wosinsky Mór Múzeum Értesítője XXI* (1999), (pp. 175–195.) (hereafter: VÁRADY 1999) p. 180, picture 5.

³³ MÁTHES 1827. (see note 2) p. 101, 102; A. IPOLYI, 'Magyarország középkori szobrászati emlékei', [Medieval sculptures in Hungary] in: *Ipolyi Arnold kisebb munkái I.*, ed. M. RÓTH, Budapest, 1873. (pp. 63–218.) p. 194; P. GERECZE, 'Szobrászati emlékek Magyarországon', [Sculptural monuments in Hungary] in: *Magyarország közigazgatási és közművelődési állapota ezeréves fennállásakor és az 1896. évi ezredéves orsz. kiállítás eredménye*, ed. S. MATLEKOVITS, Budapest, 1898. (pp. 411–496.) (hereafter: GERECZE 1898) p. 481; Bihar Vármegye és Nagyvárad [Bihar County and Nagyvárad] MVV (see note 18) VI. Budapest, 1901, p. 479; Esztergom Vármegye Monográfiája [The monograph of Esztergom County] MVV XIV. Budapest, 1908. p. 320; BALOGH 1939. (see note 1) p. 465; VERNEI-KRONBERGER 1939. (see note 6) p. 37; BALOGH 1955. (see note 7) p. 17; HORVÁTH – KELEMEN – TORMA 1979. (see note 5) p. 106; SCHALLABURG, (see note 1) pp. 139–140; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 211.

³⁴ DERCSÉNYI – HÉJJ – RÓZSA 1958. (see note 22) p. 578; D. DERCSÉNYI – M. HÉJJ, *Pest megye műemlékei* [Monuments of Pest County] 1–2. Magyarország műemléki topográfiája [The topography of Hungarian monuments] V. ed. D. DERCSÉNYI, Budapest, 1958. pp. 440–445; GENTHON 1959. (see note 7) p. 427; E. SZAKÁL, 'Mátyás király oroszlános díszkútjának rekonstrukciója', [The reconstruction of the Matthias Fountain ornamented with a lion] *Művészettörténeti Értesítő* 8 (1959), (pp. 232–250.) pp. 232–250; BALOGH 1966. (see note 3) I. pp. 245–247, II. 312–319; BALOGH 1975. (see note 7) p. 112; SCHALLABURG, (see note 1) p. 383, MK-KAT, (see note 1) p. 67; BALOGH 1985. (see note 5) pp. 217–218; E. MAROSI, 'A késő gótika első szakasza (1436–1470 körül)', [The first period of the late Gothic style (around 1436–1470)] in: *Magyarországi művészet 1300–1470 körül*, [Hungarian art around 1300–1470] I–II, ed. E. MAROSI,

The same early humanistic capitalis style was used on the embossment of King Mátyás in Bautzen (1486).³⁵

The inscriptions found on the fragments of a window frame and the architrave at Simontornya castle are from the 1508–1509 construction period.³⁶ Here, the early humanistic capitalis is used simultaneously with gothic minuscule type frame inscriptions, and with a table using humanistic capitalis letters. This serves as a good example for the concurring use of different typefaces, with which the constructor perhaps wished to indicate his own literacy or open-mindedness towards European trends. András Báthori's Madonna (1526) is also characteristic for the use of letters taken from an early humanistic capitalis alphabet.³⁷

The humanistic, or renaissance capitalistic typeface was first used in Italy, both in its early and classical forms.³⁸ The style was not present in Germany until the end of the 15th century, and its spread was restricted, since the early capitalistic and gothic minuscule forms were used more widely. The earliest use of humanistic capitalis lettering is connected to the towns of Mainz, München and Heidelberg, between 1484 and 1508.³⁹ In Hungary, however, the Italian humanistic capitalis typeface appeared at a relatively early age, as it was used on King Mátyás's golden seal (1464), where only the G letter is of early humanistic style,⁴⁰ and on the mentioned Albert Vetési's half-pillar

Budapest, 1987. (pp. 657–683, 745–749) p. 676; LAHU, (see note 3) p. 332; G. BUZÁS, 'The Royal Palace at Visegrád', *The Hungarian Quarterly* 35 (1994: Summer), (pp. 98–109.) p. 108.

³⁵ GERECE 1898. 474. (see note 29); BALOGH 1966. (see note 3) I. pp. 251–252, II. figure 303–304; SCHALLABURG, (see note 1) p. 205–206;

³⁶ M. HORLER, 'Módszertani adalékok a magyar későközépkori építészet kutatásában', [A methodological supplement to the research of Late Medieval architecture in Hungary] *Építés-Építészettudomány XI* (1979), (pp. 35–48.) (hereafter: HORLER 1979) p. 43; LAHU, (see note 3) pp. 372–373; LAHU (see note 3) pp. 372–373; VÁRADY 1999. (see note 28) p. 177, 179, picture 2.

³⁷ J. BALOGH, 'La Madone d'André Báthory' *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux Arts* 1 (1947) (pp. 8–14, 28–30.) pp. 8–14; SCHALLABURG, (see note 1) pp. 584–586; MK-KAT, (see note 1) p. 72, 125; Á. MIKÓ, Báthori András Madonnája [András Báthori's Madonna] *Művészettörténeti Értesítő XLVII* (1998), (pp. 167–175.) pp. 168–171; MÁTYÁS-KAT 2008. (see note 9) p. 53. (I–1, Á. MIKÓ)

³⁸ R. M. KLOOS, *Einführung in die Epigraphik des Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1980. (hereafter: KLOOS 1980) p. 153, 158.

³⁹ KLOOS 1980. (see note 38) p. 159.

⁴⁰ *Budapesti Történeti Múzeum Kumorovitz pecsétmásolati gyűjteménye* (hereafter: BTM K. gy.) [The Historical Museum of Budapest. Kumorovitz's collection of seal copies] 66.2036; *Magyar Országos Levéltár Pecsétmásolati gyűjteménye* (hereafter: MOL Pm.gy.) [The National Archives of Hungary. A collection of seal copies.] 105; *Soproni Városi Levéltár* [The Town Archives of Sopron] *Ladula K. fasc. 1*; SCHALLABURG, (see note 1) 214, Abb. 1. a, b.

(1467). The same lettering was used on his Czech ruler's (1486)⁴¹ and secret Austrian prince's signet (1487).⁴² From this time, the humanistic capitalis type is predominant on seals, as it can be seen on the insignia of Queen Beatrix,⁴³ the dual signet of Ulászló II (1496),⁴⁴ the secret (1519) and judge's (1523) seals of Lajos II.⁴⁵ The latter two represent a few early humanistic capitalis letters, just like the seals of János Szapolyai (1531) and Queen Isabel.⁴⁶ The humanistic capitalis typeface was also used on coins, and it appeared on the guldiner of Ulászló II (1506), the silver mounting of Lajos II and János Szapolyai's golden forint.⁴⁷ From this time on, the humanistic capitalis was widely used on coins as well.

Relics representing the overuse of ligatures and enclaves, or inscriptions containing letters with provincial tractatios indicate distinct categories among the humanistic capitalis typeface. These subgroups became more popular in the Transdanubian and Transylvanian region around the beginning of the 16th century. Ligatures and enclaves are excessively used on the arched door frame of Lénárd Barlabássy (1508) in Héderfája,⁴⁸ on the gravestone of Zsigmond Thurzó (1512) in Nagyvárad,⁴⁹ or on the labeling of

⁴¹ BTM K.gy. (see note 36) 66.2046; Magyar Országos Levéltár Mohács előtti gyűjtemény Diplomatikai levéltár [The National Archives of Hungary. A collection of deeds before 1526 Mohács. Archives of diplomatics.] (hereafter: MOL D1) 19109; B. L. KUMOROVITZ, 'Mátyás király pecsétjei', [The seals of King Matthias] *Turul* XLVI (1932), (pp. 5–19.) (hereafter: KUMOROVITZ 1932) p. 11, figure 9.

⁴² BTM K.gy. 66.2050; MOL Pm.gy. (see note 36) 107; KUMOROVITZ 1932. (see note 37) p. 11, figure 10.

⁴³ L. SZINVAI, 'Beatrix és Izabella királynék pecsétjei', [The seals of Queen Beatrix and Queen Isabel] *Turul* I (1883), (pp. 67–69.) (hereafter: SZINVAI 1883) p. 68.

⁴⁴ BTM K.gy. (see note 36) 66.2056/1–2; MOL Pm.gy. (see note 36) 111, 112.

⁴⁵ BTM K.gy. (see note 36) 66.2060; MOL Pm.gy. (see note 36) 116; F. DÖRY, 'Magyarország címerének kialakulása', [The coat of arms of Hungary and its history] *Turul* XXXV (1917), (pp. 17–33.) (hereafter: DÖRY 1917) p. 26, picture 117; BTM K.gy. (see note 36) 66.2066; MOL D1 (see note 37) 23735.

⁴⁶ DÖRY 1917. (see note 41) 26, picture 117. nr.2; BTM K.gy. (see note 36) 66.2061; MOL Pm.gy. (see note 36) 117; SZINVAI 1883. (see note 39) p. 68.

⁴⁷ *László király emlékezete*, [The memory of King László] ed. T. KATONA, Budapest, 1977. picture 50; J. GEDAI, *Magyar uralkodók pénzeiken*, [Hungarian rulers on their coins] Budapest, 1991. (hereafter: GEDAI 1991) p. 100, 102.

⁴⁸ BALOGH 1943. (see note 16) pp. 254–255, fig.106.

⁴⁹ F. RÓMER, 'Előleges jelentés a nagyváradai várban 1883-ban történt ásatásról', [Excavations at Nagyvárad castle in 1883: A preliminary report] *Archaeológiai Értesítő* (Új Folyam) III (1883), (pp. XVI–XXIV.) pp. XXIII–XXIV; V. BUNYITAY, *A váradi püspökség története alapításától a jelen korig*, [The history of the Catholic Episcopate of Nagyvárad from its establishment until recent times] III. Nagyvárad, 1884. (hereafter: BUNYITAY 1884) pp. 112–113; V. BUNYITAY, 'A menyőői keresztút és a reneszánsz Szilágy megyében', [The baptismal font of Menyő and the renaissance in Szilágy

Pictor Bernardus's house in Kolozsvár from 1514,⁵⁰ and in the sedile of a reformed church in Szilágycseh (1522).⁵¹

A provincial variant is represented on the plaque of a construction in Mezőtelegd,⁵² the fragments of a door ledge in Zentelke (1507),⁵³ the gravestone of János Veres in Farnos (1510),⁵⁴ the vestry door at Nagykapus (1519)⁵⁵ and the southern church entry in Keszü (1521).⁵⁶

The type known as early humanistic capitalis has to be examined separately. The early form, which beared gothic reminiscences, was used as a transitory writing technique until the mid-15th century. When forming maiuscular letters, patterns from the 12th–13th century were followed.⁵⁷ Byzantine influences were also identified from 1419, but it was more characteristic of German territories. The early humanistic capitalis was also used as a transitory lettering type between the gothic maiuscul and humanistic capitalis typeface over the Alps, and the panel paintings of the Flemish van Eyck-brothers made the method popular as well.⁵⁸ It was also implemented in Italy, where it can be seen on relics created after 1427 in Siena, Florence and on pontifical and papal tombs in Rome. The style was also used in the 1430s on wall paintings and stone inscriptions in Basel and Ulm. The different forms of the early humanistic capitalis typeface probably became widely known and popular after the publishing of Sigmund Gotzkircher's alphabet (1435–1436), particularly in Swabian and Bavarian

County] *Századok* 20 (1886), (pp. 886–895.) p. 894; G. CSERGHEŐ – J. CSOMA, 'Alte Grabdenkmäler aus Ungarn', *Beitrag zur Kunst- und Kulturgeschichte* (1890), pp. 69–74; VERNEI-KRONBERGER 1939. (see note 6); BALOGH 1943. (see note 16) pp. 280–281, picture 71; P. LÓVEL, 'Sírkövek, sírkőtöredékek', [Gravestones, gravestone-fragments] in: *Váradi töredékek*, ed. T. KERNY, Budapest, 1989. (pp. 169–174.) (hereafter: LÓVEI 1989) p. 171.

⁵⁰ GERECE 1906, (see note 1) p. 436; BALOGH 1943. (see note 16) 257.

⁵¹ BALOGH 1943. (see note 16) p. 86, picture 117.

⁵² BUNYITAY 1884. (see note 45) p. 431; GERECE 1906. (see note 1) p. 223; BALOGH 1943. (see note 16) pp. 270–271; T. EMÓDI, 'A Telegdi család és a reneszánsz művészet néhány emléke a 16. századi Bihar és Bereg vármegyében', [The Telegdi family and some Renaissance art works in 16th century Bihar and Bereg counties] *Művészettörténeli Értesítő* XLVII (1998), (pp.177–198) pp.178–179; MIKÓ 2005. (see note3) p. 228.

⁵³ BALOGH 1943. (see note 16) p. 292.

⁵⁴ BUNYITAY 1884. (see note 45) p. 407, XXIII. t; GERECE 1906, (see note 1) p. 427; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 43; BALOGH 1943. (see note 16) p. 226, picture 76.

⁵⁵ BALOGH 1939. (see note 1) p. 579; BALOGH 1943. (see note 16) p. 272.

⁵⁶ BALOGH 1943. (see note 16) p. 256, pictures 113, 116; F. TÓTH 1981. (see note 3) p. 221, figure nr. 103.

⁵⁷ KLOOS 1980. (see note 34) p. 153; KUBINYI 1986. (see note 22) p. 55.

⁵⁸ KLOOS 1980. (see note 34) p. 154; LÓVEI 1989. (see note 45) p. 171.

painting. The last usage of the typeface can be dated to the 1520s.⁵⁹ In Hungary the early humanistic capitalis was first used on the smaller, secret Hungarian-Czech ruler's seal of King Mátyás in 1472,⁶⁰ the same year when archbishop János Vitéz deceased, and the same lettering is seen on his grave cover. The style became popular throughout the whole country in the first decades of the 16th century, and while its pure form resembles direct Italian influence, its early type was more likely adopted from territories beyond the Alps. The influence of the van Eyck brothers can be seen on the panel paintings in Besztercebánya and Kisszeben.⁶¹ The lettering found on the pontifical gravestones at Basel and Ulm reappeared on Hungarian ones as well.⁶² A priest's gravestone from Segesvár (1500), and the tombstone of provost Miklós Alattyáni from Nagyvárad (around 1500) follows the tradition seen on János Vitéz's grave. The same applies to the gravestones of István Roychai from Sárospatak (1513), parson János from Berethalom (1520), and István Kalmus from Segesvár (1528).⁶³ Not only the further stone fragments from Buda, but other parochial or secular building-inscriptions, and secular epitaphs indicate that this lettering type became widely used in the first half of the 16th century. The following relics also represent the same typeface: the door of the parish in Kolozsvár (1477),⁶⁴ the gravestone of Gergely Bethlen in Bethlen,⁶⁵ István Vajda's tombstone in Szilágycseh (1500),⁶⁶ the wall inscriptions on László Kisvárdai's house in Kisvárd (1501),⁶⁷ the embossing of St. Michael's church in Kolozsvár (1505),⁶⁸ the lettering of

⁵⁹ KLOOS 1980. (see note 34) p. 154, 155, 156, 171, Taf. VIII. 1.

⁶⁰ BTM K.gy. (see note 36) 66.2041; MOL D1 (see note 37) 17337; KUMOROVITZ 1932. p. 12, figure 12.

⁶¹ D. RADOCSAY, *A középkori Magyarország táblaképei*, [Panel paintings in Medieval Hungary]. Budapest, 1955. Tables CLXXIV, CLXXVI, CXCIII; LÓVEI 1989. (see note 45) p. 171, 174 (note 19.)

⁶² KLOOS 1980. (see note 34) p. 154–155; LÓVEI 1989. (see note 45) p. 174. (note 20.)

⁶³ VERNEI-KRONBERGER 1939. (see note 6) p. 51, table 30; LÓVEI 1989. (see note 45) p. 171; V. GERVERS-MOLNÁR, 'Sárospataki síremlékek', [The sepulchral monuments of Sárospatak] *Művészettörténeti Füzetek* 14 (1983), (pp. 120.) picture 50; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 52, table 29; Balogh 1943. (see note 16) 282–282.

⁶⁴ J. BALOGH, 'Mátyás király ikonográfiája', [The iconography of King Mathias] in: *Mátyás király emlékkönyve* I. ed. I. LUKINICH, 1940. (pp. 435–548.) p. 510; BALOGH 1943. (see note 16) pp. 256–257, picture 50.

⁶⁵ GERECSZE 1906, (see note 1) p. 861; BALOGH 1943. (see note 16) p. 219, picture 57.

⁶⁶ BALOGH 1943. (see note 16) p. 286, picture 117.

⁶⁷ Magyar Nemzeti Galéria [The National Gallery of Hungary] fotó ltsz. (photo nr.): 9678, neg. sz. (negative nr.) 6834; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 228.

⁶⁸ BALOGH 1943. (see note 16) 257.

Bártfa's town hall dated to 1505–1509,⁶⁹ the gravestones of János Tárczai of Tótselymes in Szakolca (1510)⁷⁰ and Tamás Szamosfalvi Gyerő in Kolozsvár (around 1510),⁷¹ the moulded church gate with a lunette at Kisszeben (1513).⁷² That the typeface became fashionable is well indicated by various epigraphic relics, like Queen Maria's inscriptions in Diósgyőr castle from around 1522,⁷³ the emblazoned gate lintel of Miklós Tomori in Kövesd (1535),⁷⁴ the gravestone of Lady Helena and George in Kolozsvár from the 1530s,⁷⁵ and the door lintel of a house at Szén street 6 (1539), also in Kolozsvár.⁷⁶ The same style is seen on the door frame inscription of the parish church library in Lőcse⁷⁷ and the lettering on the temple door in Baktalórántháza.⁷⁸

Apart from the former mentioned seal of Mátyás, panel paintings and other stone relics, the coin mounting of Ulászló II, scaling 3 ducats, also uses early humanistic capitalis letters.⁷⁹

⁶⁹ V. MYSKOVSKY, *Bártfa középkori műemlékei*, [The Medieval monuments of Bártfa] I–II. Monumenta Archaeologiae Hungarica I–II. Budapest, 1879–1880; F. TÓTH 1981. p. 219, picture 67; Á. MIKÓ, *A bártfai városháza. Adalékok a Jagelló-kori reneszánsz történetéhez Felső-Magyarországon*. [The town-hall at Bártfa. Contributions to the history of the Renaissance in Upper Hungary during the rule of the Jagello dynasty.] *Művészettörténeti Értesítő* LIII (2004), (pp. 19–52) (hereafter: MIKÓ 2004) pp. 20, 28–30. MÁTYÁS–KAT 2008. (see note 9) pp. 203–204. (VII–16. Á. MIKÓ)

⁷⁰ P. LÖVEL, 'Tótselymesi Tharczai János székely ispán (+1510) sírköve', [The gravestone of Tharczai János of Tótselymes, count of the Szeklers (+1510)] in: *Mediaevalia Transsilvanica* VII–VIII (2003–2004:1–2) [2006], (pp. 139–141.) pp. 139–140.

⁷¹ J. SÁNDOR, *A kolozsvári Farkas utcai református templom régi sírkövei*. [Old tombstones at the Reformed church in Farkas Street, Kolozsvár] (Dolgozatok az Erdélyi Múzeum Érem- és Régiségtarából) Kolozsvár, 1913. pp. 9–11; VERNEI-KRONBERGER 1939, (see note 6) p. 43; BALOGH 1943. (see note 16) p. 263, picture 65.

⁷² V. MYSKOVSKY, 'Raguzai Vince mester Sáros megyei művei', [The works of Master Vincent of Ragusa in Sáros County] *Archaeológiai Értesítő* VII (1887), (pp. 213–221.) p. 216, 219; F. TÓTH 1981. (see note 3) p. 220, figure nr 87; MIKÓ 2004. (see note 69) p. 30; MÁTYÁS–KAT 2008. (see note 9) p. 204. (VII–18. Á. MIKÓ)

⁷³ MNG (see note 63) fotó ltsz. (photo nr.) 9424, 9425, neg. sz. (negative nr.) 7542, 7543. A. VÉGH, *Felíratos fríz a diósgyőri várból*. [An inscribed frieze from the castle of Diósgyőr] In: Habsburg Mária, Mohács özvegye. A királyné és udvara 1521–1531. [Maria Habsburg, the widow of Mohács. The Queen and her court 1521–1531.] eds: O. RÉTHELYI, B. F. ROMHÁNYI, E. SPEKNER, A. VÉGH, Budapest, 2005. 213–214. (V. 30); MIKÓ 2005. (see note 3) p. 217.

⁷⁴ BALOGH 1943. (see note 16) p. 264, picture 155; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 229.

⁷⁵ BALOGH 1943. (see note 16) pp. 263–264.

⁷⁶ BALOGH 1943. (see note 16) pp. 263–264.

⁷⁷ MNG (see note 63) fotó ltsz. (photo nr.) 9709, neg. sz. (negative nr.) 7627; MIKÓ 2004. (see note 69) p. 20.

⁷⁸ MNG fotó ltsz. (photo nr.) 9345, neg. sz. (negative nr.) 6681; MIKÓ 2005. (see note 3) p. 228.

⁷⁹ K. B. SEY – I. GEDAI, *Münzen und Medaillen*. Budapest, 1973. pp. 43–44, picture 44; GEDAI 1991. p. 98.

Summarizing the data collected on humanistic capitalis lettering, it can be stated that it appeared in Hungary under Italian influence, right after the coronation of Mátyás, so in 1464, and after 1467 in the case of stone relics. The early humanistic capitalis type originating from territories beyond the Alps also became widely known in 1472. As it is represented by several relics, it was still popular in Hungary during the 1520s, although it lost its popularity in Europe by this time.⁸⁰ Meanwhile, the typeface characteristic of the excessive usage of ligatures, enclaves and provincial, rustic letters also became used around the turn of the 15th–16th century, mainly in the countryside. The latter lost popularity in the 1520s, while the other types were used till 1539–1540, almost until 1541, which marks a new historical era.⁸¹ From this time on, parallel with renaissance culture gaining popularity in the Uplands and Transsylvania, the general usage of the humanistic capitalis typeface can be perceived, which is still in use in Hungary.

⁸⁰ KLOOS 1980. (see note 34) p. 156.

⁸¹ A. KUBINYI, *Epigráfia*, [Epigraphy.] in: *A történelem segédtudományai*, ed. I. BERTÉNYI, Budapest, 2001. (pp.126–139) pp.136–137; Z. VÁRADY, *Humanista capitalis feliratok a Dunántúlon*. [Humanist capitalis inscriptions in the Transdanubian region] IPF Kiskönyvtár (A PTE Illyés Gyula Főiskolai Kar Társadalomtudományi Monográfiásorozata) 9. ed. Zs. PÉTERFI) Szekszárd, 2002. pp. 5–36.

ТИМЕА БОТОР

**Примечания к письменному наследству московского
великого князя Ивана Даниловича Калиты
(начало XIV века)***

Abstract: In the first third of the fourteenth century a new type of document appeared in Muscovite Rus': the testamentary will. Examining the documents, we can follow the development of ownership relations, the operation of the grand princely court, and the division of movable and immovable property, tax revenues, personal property, jewellery, and valuable clothing items. The testamentary wills provide information concerning the history of 'Kalitovič' family, giving us insights into the events preceding the birth of the Russian state and the development of its institutions.

Key words: Srednevekovaja Rus', Medieval History of Rus' in the 14–15th Centuries, the Testamentary wills of the Grand Princes of Moscow, Ivan Kalita

Все письменные документы, связанные с историей Московского Княжества в XIV веке, до сегодняшнего времени хранящейся в фонде № 135, (отдел 1, рубрика 1) отделения древнейших актов Российского государственного архива (РГАДА).¹ В XIV веке на территории Руси

* Данная статья является сокращенным, исправленным и отчасти переработанным вариантом написанной мной в 1997 г. дипломной работы. В 2007 г. я провела в Москве исследование в рамках соглашения, заключенного между Институтами исторических наук Венгерской и Российской Академий наук, при поддержке Исследовательской группы по исторической русистике ЭЛТЕ-ВАН и Общегосударственного Научно-Исследовательского Фонда (ОТКА TS 049775). В ходе исследовательских работ мне представилась возможность прочитать в оригинале оба варианта духовной грамоты Ивана Даниловича Калиты. Здесь я хотела бы поблагодарить профессора Маргариту

появился новый тип грамоты – духовная грамота. В коллекцию фонда входят подлинные грамоты письменного наследия московских великих князей (духовная грамота, душевная грамота) и подлинники договоров, которые русские князья заключали между собой (договорная грамота).²

Духовные грамоты – это первичные исторические источники, которые раскрывают систему отношений в семье московского князя, в них зафиксированы изменения, произошедшие в порядке наследия. При изучении грамот можно проследить за изменениями во властных отношениях, описанием и распределением движимого и недвижимого имущества и видов тогдашних налогов. Эти источники являются важными культуроведческими дополнительными материалами, ведь частью наследия являлось и дарение личных предметов, ювелирных изделий, дорогой одежды. При внимательном изучении грамот можно однозначно определить, что московская правящая династия постепенно выходила на первый план по сравнению с остальными княжескими семьями, родственниками.

Перечень духовных грамот начинается грамотой князя Ивана Даниловича Калиты³ и заканчивается письменным завещанием русского царя Ивана IV. В XIV–XV вв. семь московских князей оставили в общем числе двенадцать завещаний. Грамоты Семена Гордого,

Евгеньевну Бычкову за ее помощь и поддержку в работе. В настоящей статье я постараюсь передать суть прежней моей работы и дополнить ее новыми историографическими результатами последних десяти лет.

¹ Российский Государственный Архив древних актов фонд 135. отд. 1. рубр. 1. № 1–7, 9, 13–14, 21–22.

² Тексты и тщательный анализ внешнеполитических договоров XIV в. московских князей с Тверским княжеством, Новгородом, Литовским государством и Рязанским княжеством: В.А. Кучкин.: *Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры.* Древлехранилище, Москва, 2003. По мнению Кучкина договоры оказываются достоверными историческими источниками.

³ Венгерский перевод и внимательный анализ духовных грамот Ивана Калиты: Тимеа БОТОР.: *Iván Daniylovics Kalita nagyfejedelem végrendelete.* [Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты] В: *Történelmi Értékelés* 4–6 (1996–1998), 5–43. (далее: БОТОР 1996–1998) Английский перевод, издание источников и анализ духовных грамот московских великих князей от Ивана Калиты до Ивана Грозного: R. C. HOWES: *The Testaments of the Grand Princes of Moscow.* Cornell University Press, Ithaca, 1967. (далее: HOWES 1967) Издание источников: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Л. В. ЧЕРЕПНИН, (подг.): *Издательство Академии Наук СССР, Москва – Ленинград, 1950.* (далее: ДДГ 1950) 7–11; В. А. Кучкин: *Издание завещаний московских князей XIV века.* [1336 г.] *Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты.* В: *Древняя Русь. Вопросы Мединистики* 31 (2008:1), 95–108; В. А. Кучкин: *Издание завещаний московских князей XIV века.* [1339 г.] *Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты.* В: *Древняя Русь. Вопросы Мединистики* 32 (2008:2), 129–132.

Василия II, Ивана III дошли до нас в одном варианте, грамоты Ивана Калиты, Ивана II о порядке наследия в двух редакциях, Дмитрий Донской изложил свою последнюю волю в двух, а Василий I в трех вариантах, составленных в разное время.⁴

Прежде чем мы подробно рассмотрим духовные грамоты и изменения в праве наследия, остановимся на истории северо-восточной Руси. На рубеже XIII–XIV веков в северо-восточном регионе сформировалось четырнадцать княжеств. Самые главные из них были суздальское, ростовское, московское и тверское княжества. Центром региона стал Владимир-на-Клязьме, во главе княжеской иерархии стоял великий князь владимирский, что предоставляло ему разные привилегии. Присуждение титула «великий князь» зависело исключительно от татарского хана, который отдавал предпочтение князю, выразившему большую покорность и заплатившему за ярлык грамоту на княжение великого князя более ценными подарками, деньгами. Удельные князья постоянно воевали за обладание великокняжеским ярлыком, с 1242 г. они совершали паломничество в Сарай на Волге. Путь, который часто был многотрудным, обеспечивал им приобретение необходимой для княжения грамоты с утверждением и печатью хана. Для обозначения грамот татарских ханов князья на Руси заимствовали слово «ярлык», но наряду с ним использовали и выражение «грамота царева».⁵ Татарский хан стал главным владыкой как завоеватель и владелец русской земли, он раздавал князьям земли в качестве вотчины. Возникла тенденция, по которой в зависимости от более хорошего или плохого качества полученных земель, положение князей по отношению друг к другу становилось неравноправным.⁶

В начале XIV века судьба владимирского престола была решена в борьбе между казавшимися в то время более сильными и владеющими великокняжеским ярлыком тверскими и динамично

⁴ Об датировании духовных грамот подробно: Л. В. Черепнин: *Русские феодальные архивы XIV–XV вв.* Т. 1. Издательство Академии Наук СССР, Москва – Ленинград, 1948. (далее: Черепнин 1948); А. А. Зимин: *О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв.*; А. А. Новосельский, (отв. ред.), *Проблемы источниковедения.* Вып. 6. Москва, 1958. 275–324; *Восток* 1996–1998. 6–12.

⁵ Русские называли «царем» татарского хана. István VÁSÁRY: *Az Arany Horda.* [Золотая Орда] Kossuth, Budapest, 1986. 296–297. (далее: VÁSÁRY 1986)

⁶ N. I. KOSZTOMAROV: *Az egyeduralkodó kezdetei a régi Oroszországban.* [Начало единодержавия в Древней Руси] B: T. KRAUSZ – Gy. SZVÁK – L. BÉLÁDI, L. (red.), *Az orosz történelem egyetemessége és különlegessége.* Zrínyi, Budapest, 1982. 69–72. (далее: KOSZTOMAROV 1982.)

расширяющимися московскими княжествами. Москва постепенно стала соперницей Твери и по территории, и демографически. В 1327 г. в Твери разразилось восстание из-за жестокости татарских баскаков, и это способствовало появлению Ивана Даниловича Калиты (с 1325 г. – московский князь) на подмостках русской истории.⁷ Калита попросил помощи и получил ее у Орды, разгромил Тверь, великий князь Александр бежал сначала в Псков, потом в Литву. Иван Калита продолжил политику предшественников, начатую в начале XIV века, и это привело к укреплению Москвы и возрастанию ее исторической роли.⁸

Великокняжеский ярлык был получен Иваном Калитой в 1328 г. от хана Узбека за верноподданнический поступок, совершенный на год раньше. Естественно, этому способствовали как покорное отношение Ивана к хану, так и ценные подарки. Укрепление одного из удельных княжеств шло вразрез с интересами татарского хана, поэтому он использовал княжеские усобицы и применял на Руси давно испытанный способ «разделяй и властвуй». Татарский хан Узбек разделил великое княжество владимирское в 1328 году между Иваном Калитой и суздальским Александром Васильевичем.⁹ Иван получил новгородский престол и Кострому, а Александр получил Владимир, Нижний Новгород и Городец. Два с половиной года, до смерти Александра в 1331/1331 году, они разделяли титул великого князя. После смерти Александра Иван Калита поехал к татарскому хану и

⁷ Новейшие биографии о жизни Ивана Калиты: К. А. АВЕРЬЯНОВ: *Московское княжество Ивана Калиты*. Энциклопедия российских деревень, Москва, 1994; Н. С. БОРИСОВ: *Иван Калита*. Молодая Гвардия, Москва, 2005.

⁸ С. В. БАХРУШИН: *История Москвы. Т.1*. Издательство Академии Наук СССР, Москва, 1952. 42–48. (далее: БАХРУШИН 1952); Mihail HELLER: *Az orosz birodalom története 1*. [История российской империи] Osiris, Budapest, 1996. 61–76. (далее: HELLER 1996); Márta FONT: [A Rusz régiói. A széttagozás századai]. [Регионы Руси. Веки раздробленности] B: Márta FONT – Gyula SZVÁK – Emil NIEDERHAUSER – Tamás KRAUSZ: *Oroszország története*. [История России] Maecenas, Budapest, 1997. 65–123, 111–112. (далее: FONT 1997); Н. С. БОРИСОВ: *Политика московских князей (конец XIII–первая половина XIV в.)* Издательство Московского университета, Москва, 1999. 224–233. (далее: БОРИСОВ 1999)

⁹ А. Е. ПРЕСНЯКОВ: *Образование великорусского государства: очерки по истории VII–XV вв.* Типография Я. Башмиков, Петроград, 1918. 139; В. А. КУЧКИН: *Формирование государственной территории северо-восточной Руси X–XIV вв.* Наука, Москва, 1984. 140. (далее: КУЧКИН 1984); Robert CRUMMEY: *The Formation of Muscovy 1304–1613*. Longman, London – New York, 1987. 178.

получил ярлык на великое княжение «всей Руси» и причитающиеся к нему территории, наследие Александра.¹⁰

Этот факт доказывается тем, что Иван непосредственно после своего возвращения начал требовать у новгородцев выплату дани закамским серебром («Закамское серебро»), для себя и для татарского хана.¹¹ После он имел также право на сбор татарской дани, что в финансовом плане способствовало его обогащению; не зря современники нарекли его Калитой (денежный мешок).¹² Покоренные народы должны были платить хану дань, которую называли общим названием «выход». Точное взимание и сбор выхода производилось т.н. баскаками, а с самого начала XIV века даругами, с помощью татарских воинов. «Баскак» турецкое слово, которое означало «наместник». Баскаки были должностными лицами, ответственными за сбор дани, наложенной на территорию или княжество. Свое задание они выполняли с помощью вооруженной свиты.¹³ Слово «даруга» имеет монгольское происхождение, его значение было – «сборщик дани». Даруги поначалу были подчиненными баскаков, а с XIV века они стали чиновниками с

¹⁰ Кучкин 1984. 141; Howes 1967. 15.

¹¹ Факт запроса Ивана Калитой у Новгорода «закамского серебра» не находил у историков реального объяснения. Кучкин 1984. 141. «Закамское серебро» был видом старого налога, который Новгород заплатил великому князю из пошлины за владения по территории реки Печора. Когда Иван Калига вернулся из Орды в 1332-ом году, Новгород отказал плату налога, поэтому великий князь занял города Торжок и Бежецкий Верх. Sándor SZILI: *Az középkori orosz történelem forrásai*. [Источники русской истории средних веков] Pannonica, Budapest, 2005. 104. (далее: SZILI 2005) «Того же лета прииде из Орды великий князь Иванъ Даниловичъ и возверже гневъ на Новгород, прося у нихъ серебра Заскамское, и в томъ взя Торжекъ и Бежецкыи верхъ.» *Русские летописи. Московский летописный свод конца XV века. Т. VIII. Узорожье, Рязань, 2000. 233.* (далее: РЛ 2000)

¹² По мнению венгерской исследовательницы Магдолна Агоштон современная историографическая традиция опирается на позднюю легенду, которая связывает прозвище «Калига» основателя московской великокняжеской династии Ивана Даниловича с некими личными качествами этого великого князя. В частности, с привычкой носить с собой кошель для раздачи милостыни нищим. Магдолна АГОШТОН: *Великокаяжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики*. Древлехранилище, Москва, 2005. 170.

¹³ И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ: *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ. Т. 1*. Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург, 1893. 43. (далее: СРЕЗНЕВСКИЙ 1893); М. ФАСМЕР: *Этимологический словарь русского языка. Т.1*. Прогресс, Москва, 1986. 131. (далее: ФАСМЕР 1986а); SZILI 2005. 104. Детально: I. VÁSÁRY: *The origin of the institution of basqaqs*. В: *Acta Orientalia Hungarica* 32 (1978), 201–206. Новое печатание: *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries*. Variorum Collected Studies Series, Aldershot, Ashgate, 2007. 201-206.

самостоятельными полномочиями.¹⁴ Эти должностные лица управляли и переписью населения. Право сбора дани татарский хан сдавал в аренду мусульманам (бесерменам), однако из-за их жестокости часто вспыхивали восстания. С XIV века право на сбор дани получали исключительно русские князья, таким образом был обеспечен регулярный и своевременный сбор дани.

Рассматривая причины возвышения Москвы, мы должны первым делом упомянуть преимущества, которые связаны с географическим положением Москвы. У Москвы и прилегающих к ней территорий были благоприятные природные условия: город располагался около важных речных и торговых путей. Москва имела еще одно важное преимущество – безопасность, ведь ее окружали соседние русские (рязанское, нижегородское, ростовское, ярославское и смоленское) княжества, таким образом защищая ее от татарских нападений в начале XIV века. По этой причине численность населения постепенно увеличивалась, началось движение населения в сторону Москвы и на север с целью аграрной колонизации.¹⁵

Возвышению Московского княжества в большой мере способствовала обдуманная, последовательная политика его князей, их сотрудничество с татарским ханом, что в течение сорока лет обеспечило на Руси мирную жизнь. Калита старался создать условия, при которых татары меньше разоряли русские земли, особенно московскую. Это политика Ивана имела громадное значение для дальнейшего объединения русских земель вокруг Москвы. Летописи сообщали о том, что наступила „тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и починуша христианине от велика истомы и многыа тягости, от насилия Татарскаго, и бисть оттоде тишина велика по всеи земли».¹⁶ Начиная с Ивана Калиты Орда гарантировала московским князьям почти непрерывную

¹⁴ СПРЕЗНЕВСКИЙ 1893. 630. 706; ФАСМЕР 1986а. 485–486; SZILI 2005. 105. Детально: I. VÁSÁRY: *The Golden Horde term daruga and its survival in Russia*. В: *Acta Orientalia Hungarica* 30 (1976), 187–197. Новое печатание: *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries*. Variorum Collected Studies Series, Aldershot, Ashgate, 2007. 187–197.

¹⁵ БАХРУШИН 1952. 32–36; HELLER 1996. 79–80; FONT 1997. 161–162; С. ПУШКАРЕВ: *Обзор русской истории*. Серия «Мир культуры история и философии». Лань, Санкт-Петербург, 1999. 124–126.

¹⁶ *Симеоновская летопись. Полное собрание русских летописей*. Т. 18. Типография М. А. Александрова, Издание императорской археографической комиссии, Санкт-Петербург, 1913. (репринт Brücken Verlag, Düsseldorf, 1971.) 90. По Московскому летописному своду конца XV в.: «Седе на великомъ княженъи великий князь Иоан Данилович, и бисть тишина велика христианоомъ по всеи Руской земли на мьнога лета.» РЛ 2000. 230.

поддержку. Другим фактором являлась православная церковь, в интересах которой было покровительство Москвы и поддержка князей, стремящихся к миру, которые отплачивали им это богатыми подарками. Неподатная (1267 г.), свободная церковь была за мирные отношения с татарами, потому что это гарантировало мирную жизнь населению и стабилизировало положение православной церкви. Митрополичья кафедра уже в 1299 г. была перенесена во Владимир, а в 1308 г. в Москву, благодаря ходатайству митрополита Петра. Митрополит умер в Москве в 1326 г. как «патрон Москвы и всея Руси» и чудотворец. Митрополит Феогност (1328–1353 гг.), который был родом из Греции, принял окончательно сторону Москвы и город стал центром церковной жизни Московской Руси.¹⁷

Укреплению Москвы также способствовала другая важная причина – разгром системы традиционного права наследования. Начиная с Ивана Калиты, московские князья передавали большую часть наследия всегда старшему сыну. Естественно, новая система приводила к упорному сопротивлению и кровавым конфликтам, и в результате старший наследник становился сильнее остальных.¹⁸ По мнению Дженет Мартин в период между 1303 г. и 1415 г. наследование по боковой и по прямой линии совпадало, их нельзя было различить.¹⁹ Эндре Шашхалми в своей последней работе был согласен с утверждением английского историка. По мнению Шашхалми в течение XIV века, между 1303–1389 гг., власть переходила от отцов к сыновьям, но не из-за какого-нибудь нового правового принципа, а в результате случайного последствия рождений и смертей.²⁰ При изучении письменного наследия можно установить, что Иван Калита был первым московским князем, который урегулировал порядок наследования собственным завещанием и оставил без внимания старый закон и обычай.²¹

В начале XIV века территория Москвы, отчина уже до княжества Ивана Калиты значительно увеличилась: она стала приблизительно втрое больше, и включала в себя Москву с принадлежащими к ней

¹⁷ БАХРУШИН 1952. 43–44; Н. С. БОРИСОВ: *Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв.* Издательство Московского Университета, Москва, 1988. 51–60.

¹⁸ HELLER 1996. 81.

¹⁹ Janet MARTIN: *Medieval Russia 980–1584*. Cambridge University Press, Cambridge, 1995. 239.

²⁰ Endre SASHALMI (ред.): „Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000–1800. *Intellektuális-történeti konstrukciók vagy valós történeti régiók?* [«Восточная Европа» и «Балкан», 1000–1800. Интеллектуально-исторические конструкции или настоящие исторические регионы?] Pécs, 2007. 186–187.

²¹ В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ: *Сочинения в девяти томах. Т. II.* Мысль, Москва, 1988. 28–32.

территориями, города, расположенные на запад от Оки Коломну, Можайск, Рузу, Звенигород, Серпухов, и Переяславль (Залесский).²²

В своем завещании Иван Калита разделил между тремя сыновьями отцовское владение (отчину или вотчину)²³, выделив из сыновей старшего, Семена, которому он завещал на несколько волостей и селов и деревень больше.²⁴ Волость это небольшая административно-территориальная единица на Руси в XIII–XVI вв.²⁵ Волости организовались из земельных обществ на казенных, боярских, монастырских

²² Упоминание о Переяславле нет в духовных грамотах Ивана Калиты. В исторической литературе существуют различные оценки летописных свидетельств о пребывании в 1302, 1303 и 1305 гг. в Переяславле московских князей. Кучкин 1984. 132–136. По мнению Преснякова «переход Переяславля во власть московского князя отнюдь не «примысел» московский, а приобретение им стола переяславского княжения». Возникает вопрос почему Переяславль и Владимирские земли не принадлежали к вотчине, хотя Калита уже с 1328 годом стал великим князем владимирским. Самый логичный ответ на этот вопрос является то, что с одной стороны Переяславское княжество вошло в начале 14-ого века в состав земель княжеского дома, а с другой стороны – юридически – Переяславль рассматривался как часть великого княжения, и обладание им формально было связано с великим княжеским столом. Кучкин 1984. 134; Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ: *Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд*. Москва – Ленинград, 1966. 7.

²³ Термин отчина/вотчина фигурирует в духовных грамотах московских великих князей XIV–XV вв. Значение отчины: отцовское, родовое владение (употребляется часто в соединении словом дедина), имущество, наследственное обладание. СРЕЗНЕВСКИЙ 1902. 831–832. Вотчина: владение, перешедшее от отца, от предков, наследственное, *patrimonium*. СРЕЗНЕВСКИЙ 1893. 307–308. Отчиной в первоначальном значении называли вообще всякое имущество, движимое и недвижимое, доставшееся по наследству от отца. С течением времени когда сложился комплекс прав, определявших права вотчинника, слово вотчина стало употребляться для определения этого комплекса прав. С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ: *Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*. Т. 1. Издательство Академии Наук СССР. Москва – Ленинград, 1947. 17–18. Вотчина стало обозначать наследственная собственность, (*patrimonium*). Márta FONT: *Megjegyzések a széttagolódás kérdéséhez nyelvi aspektusból*. [Замечания к вопросу раздробленности по языковому аспекту] В: Márta FONT – Endre SASHALMI: *Állam, hatalom, ideológia*. [Государство, власть, идеология] Pannonica, Budapest, 2007. 110. (далее: FONT 2007)

²⁴ ДДГ №1. 1950. 7, 9.

²⁵ Первичное значение слова волость: «область, страна, земля находящаяся под одной верховной власти.» СРЕЗНЕВСКИЙ 1893. 293–294; В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ: *История России. Специальные курсы. Терминология русской истории*. Астрель, Москва, 2003. 124. (далее: КЛЮЧЕВСКИЙ 2003); В. ДАЛЬ: *Толковый словарь живого русского языка. Т.1*. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва, 1955. 234–235; ФАСМЕР 1986а. 344. К XIV в. положение изменилось: волость всегда меньше земли. К. К. КОЛЕСОВ: *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинградский государственный университет, Ленинград, 1986. 260–265; ЧЕРНОВ С. З.: *Домен московских князей в городских станах 1271–1505 годы. Т. II. В: Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты в 3 т.* (В. Л. Янин, В. Д. НАЗАРОВ (отв. ред.), Наука, Москва, 2005. 637. По мнению Марта Фонт до середины XIII-ого века термин волость не обозначает земельное владение, а выражает территорию с которой князь собирал дань. FONT 2007 113.

землях. Во главе их стояли волостели, представители князя, которые занимались административно-правовыми делами: сбором дани и кормов. Волостели оплачивались опосредовано из центральной казны, в качестве оплаты они получали часть собранной ими дани. Жители сел²⁶ подобно жителям слобод были неподатными. Уже в XIV веке московские князья приобретали в особенности владения, которые стали их боярской собственностью. Села или слободы отличались от волостей, которые обязаны были платить дань. Группу владений типа сел и слобод начали позже называть казенными владениями или коронными землями. Накопление, сбор таких групп владений в большой мере способствовало обогащению московских князей. Начиная с XV века князья обязывали потихоньку и жителей сел выполнять разные услуги, то есть, села отличались с этого времени от податных волостей только названием и в некоторых функциях управления, но в ежедневных бытовых условиях не было отличия.²⁷ Слобода была свободным поселком или группой поселков, которые были свободны от общих налогов и услуг. Ими мог распоряжаться великий князь или другой князь тот, который организовал данное поселение вокруг городов, церквей, или на принадлежащих им землях.²⁸ В духовных грамотах московских великих и удельных князей, начиная с душевной Ивана Калиты, слободы упоминаются среди волостей, сел, деревень и других владений князей. Слободы были не отдельными поселками, а группами селений: сел, деревень и починок.²⁹

При распределении наследия, движимого и недвижимого имущества Иван Калита завещал каждому из сыновей треть Москвы. Семен, старший брат, получил кроме этого города Можайск и Коломну со всеми принадлежащими им территориями в общем счете двадцать семь городов, волостей и сел. Коломна стояла на границе Рязани с Москвой как форпост, ее земли переходили всегда к старшему члену московского княжеского дома. Великий князь оставил на среднего сына, Ивана, кроме городов Звенигорода и Рузы, еще двадцать три волости и прочие села, слободы. Третьему сыну, Андрею, Калита завещал города Серпухов, Перемышль и замок Щитов. Андрей получил, кроме трети Москвы, общим числом двадцать три волости и села. Вторая жена великого князя, Ульяна и ее дети, городов не получили, но они унаследовали двадцать девять волостей и слобод и доходы от осмичея. Из приведенных данных видно, что первый сын,

²⁶ Термином село обозначались и центральное поселение княжеского владения, весь комплекс, его составляющий. В. Б. КОБРИН: *Власть и собственность в средневековой России*. Мысль, Москва, 1995. 27.

²⁷ КОСТОМАРОВ 1982. 68.

²⁸ S. G. PUSHKAREV: *Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917*. Yale University Press, New Hawen – London, 1970. 127. (далее: PUSHKAREV 1970); КЛЮЧЕВСКИЙ 2003. 239–242.

²⁹ С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ: *Исследование по истории слобод в Северо-восточной Руси. (статьи и фрагменты)*. В: Труды по истории источниковедению и истории России периода феодализма. Наука, Москва, 1978. 7–9.

Семен получил больше земель, чем его младшие братья, и получил лучшие из них.³⁰ Эти земли, территории были приобретены, фактически, отцом Ивана Калиты, Даниилом, и самым старшим его братом, Юрием, то есть, отцовское наследие в полной мере перешло к Ивану.³¹

Во втором варианте завещания перечислены личные приобретения («купли»)³² Калиты за пределами московской территории.³³ В завещании Дмитрия Донского, внука Ивана Калиты, Галич, Углич, Белоозеро указаны как приобретения деда, но эти города не упоминаются ни в письменном наследии Ивана Даниловича, ни в письменных наследиях Семена и Ивана, его сыновей.³⁴ Можно считать фактом, что во второй половине XIV века Галич и Белоозеро еще имели своих князей. По мнению Соловьева, если эти территории были приобретены Иваном, то их князья остались там как собственники, но в подчинении московскому князю.³⁵ По мнению Карамзина данные

³⁰ ДДГ №1 1950. 7–8, 9–10.

³¹ Howes 1967. 11–12.

³² Историки давно спорят о том, как понимать слово «купля». Детально: Кучкин 1984. 247–256. Историография этого вопроса: К. А. АВЕРЬЯНОВ: *Купли Ивана Калиты*. Энциклопедия российских деревень, Москва, 2001. 3–21. (далее: АВЕРЬЯНОВ 2001) Скорее всего, Иван Данилович купил в Орде ярлыки, дававшие ему право на управление этими областями. Борисов 1999. 232.

³³ Самым главным, текстуальным различием является то, что первая грамота короче, и в этом нет перечисления сел, приобретенных Калитой вне территории Москвы, во Владимирском, Ростовском, Юрьевском и Новгородском княжествах. Эти „примыслы“, всего 15 сел фигурируют только во втором варианте. Калита дал ещё своей княгине монастырь Святого Александра и одному служащему человеку, Борису Воркову Иван Данилович завещал село в ростовском княжестве. Монастырь Святого Александра получил три деревни на реке Кержача. Эти личные приобретения „собрание русских земель“ Калиты менее значительные, чем „примыслы“ его отца Даниила и старшего брата Юрия. ДДГ №1 1950. 10; БОТОР 1996–1998. 13, 40.

³⁴ Тщательный анализ самого термина «купля» показал, что XIV в. он имел ещё одно значение: «приданое». Термин «приданое» в духовных грамотах начинает фиксироваться лишь XV в., а сами московские владения в Галиче, Белоозере, Угличе представляли не то иное, как земли, полученные московскими князьями в качестве приданого в результате их браков с княжнами из соответствующих княжеских родов. И хотя их фактическим хозяином под конец жизни являлся Иван Калита, формально они принадлежали представительницам женской части Московского княжества дома, и московский князь не мог указать их в своем завещании. АВЕРЬЯНОВ 2001. 208–209; Vladimir WODOFF: *Nouvelles remarques sur les „kupli“ d'Ivana Kalita*. В: *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen*. Hrsg. v. Uwe HALBACH, Steiner, Stuttgart, 1986. 100–105; FONT 1997. 105.

³⁵ С. М. СОЛОВЬЕВ: *История России древнейших времен. Т. III*. Издательство социально-экономической литературы. Москва, 1960. 342.

территории могли быть куплены только потомками Ивана Калиты, но они были присоединены не к землям московского, а к землям владимирского великого княжества.³⁶ Черепнин постарался дать объяснение своеобразным предположением. По его мнению, можно предположить, что существовал и третий вариант завещания Калиты, который со временем потерялся и в котором были перечислены Галич, Углич, Белоозеро, как приобретения Калиты.³⁷ Хотя Калита продолжил политику своих предков относительно покупки земель, но, по правде говоря, его личные «примыслы» не так многочисленны и значительны, как «купили» его отца Даниила и старшего брата Юрия.³⁸

Кроме земель, Иван Калита распределил между сыновьями и доходы, поступающие от разных налогов и таможенных сборов (тамга и мыто), за исключением осмничего – торгового налога, который он передал жене. Осмничее было мытным сбором, пошлиной, которой облагались торговые товары – она составляла одну восьмую часть товара.³⁹ С XIII века тамга означала мытный сбор с оборота товаров, который торговцы и ремесленники платили великому князю или тому высокородному лицу, которому великий князь завещал данный тип налога.⁴⁰ «Мыто» поначалу означало общую торговую пошлину, но в XIV веке данное понятие называлось тамгой.⁴¹ Поэтому «мыто» начало означать торговую пошлину, которая должна была оплачиваться при переходе через мост, переправлении через реку, входе через ворота города (проездная торговая пошлина).⁴²

Другое значение завещаний состоит в том, что благодаря им можно заглянуть в бытовые и хозяйственные отношения того времени. Иван Калита оставил в наследство сыновьям и другим членам семьи ценные вещи из княжеской казны (одежду, ювелирные изделия и другие

³⁶ Н. М. КАРАМЗИН: *История государства Российского от древнейших времен*. Т. 4. Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург, 1842. 151–152.

³⁷ ЧЕРЕПНИН 1948. 17–19.

³⁸ ЧЕРЕПНИН 1948. 13.

³⁹ PUSHKAREV 1970. 77.

⁴⁰ И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ: *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т.3. Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург, 1912. 924; *Советская Историческая Энциклопедия*. Т. XIV. Е. М. ЖУКОВ (гл. ред.), Советская Энциклопедия, Москва, 1973. 95; М. ФАСМЕР: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Прогресс, Москва, 1987. 18. (далее: ФАСМЕР 1987)

⁴¹ *Советская Историческая Энциклопедия*. Т. IX. Е. М. ЖУКОВ (гл. ред.), Советская Энциклопедия, Москва, 1966. 838; ФАСМЕР 1987. 26.

⁴² PUSHKAREV 1970. 64.

ценные предметы пользования), и даже княжеское стадо, табун.⁴³ Москва XIV века была центром русских ремесленников. Процветали металлообработка и отливка благородного металла, известным стало главным образом изготовление серебряных предметов.⁴⁴ Дорогие пояса изготавливались по особой технике, их отделяли драгоценными камнями, жемчугами, золотыми пряжками. Эти ценные предметы могли использоваться исключительно для одежды князей и членов их семей.⁴⁵ Серебро доставлялось в первую очередь из района реки Камы. Это доказывается специальным налогом, собиравшимся московскими князьями со времен Ивана Калиты с серебряных предметов «Закамское Сребро».⁴⁶

Кроме золотых и серебряных предметов был роздан и княжеский гардероб. Самая ценная одежда это известная «шапка золотая», которую унаследовал от Ивана Калиты его старший сын Семен.⁴⁷ Перечисление и дарование парадных, великолепных нарядов является особенностью не только завещания Ивана Калиты, такие ценные предметы были включены и в наследие других московских великих князей. После великого князя осталась красивая, праздничная одежда: соболий бугай⁴⁸, «коць (епанча) великий с бармами⁴⁹» (оплечья,

⁴³ ДДГ №1 1950. 7–10.

⁴⁴ Иван Калита завещал тремя сыновьям и семи разные серебрянные и золотые предметы: чаши, ковшины, блюда («блюдо ездиньское») из персидского города Езда, золотоордынские стаканы). ДДГ №1 1950. 7–9.

⁴⁵ Особой специальностью была производство дорогих поясов с украшенными драгоценными жемчугами, камнями и застежками, отличительной принадлежности к одеянию русских князей («пояс золот фряжский» из Италии, покупавшиеся у «фрягов», как тогда называли итальянцев). БАХРУШИН 1952. 34. Иван Калита разделил свою парадную одежду между сыновьями и священниками. ДДГ №1 1950. 8–9.

⁴⁶ БАХРУШИН 1952. 29–32; SZPI 2005. 104.

⁴⁷ Известная шапка в настоящее время в Оруженной палате сохранилась. По характеру сканного орнамента, а особенно по форме центрального на каждой пластине, встречаемого лишь в мусульманском искусстве, шапку надо считать произведением мусульманского Востока. «Шапку золотую» к княжескому венчанию приспособили только в конце XV века (Чин венчания Дмитрия Внука, 1498) и приурочили к Владимиру Мономаху в начале XVI века. Это наследственное сокровище московских великих князей упоминается ещё в завещаниях Ивана Красного, Дмитрия Донского, Василия I, Василия II. *Очерки русской культуры XIII–XV веков*. Т. 1. А. В. АРЦИХОВСКИЙ (гл. ред.), Наука, Москва, 1969. 293. (далее: ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 1969) Легенда о шапке Мономаха (царский венец) входящая в «Сказания о князьях Владимирских» в начале XVI века (1527); М. Е. БЫЧКОВА: «Что значит именно родные?». Богородский печатник, Москва, 2000. 33.

⁴⁸ Бугай: вернее платье на меху. СРЕЗНЕВСКИЙ 1893. 189.

широкий воротник). Иван Калита всем троим сыновьям завещал верхнюю одежду из дорогого собольего меха и других изысканных мехов с богатой отделкой. Эти наряды шились в московских швейных мастерских и по наследству всегда переходили к близким родственникам. Разные дорогие меха поставлялись в московские мастерские с северных территорий, богатых дичью, животными. Стоимость нарядов была так высока, что на деньги, растраченные на наряды одного вельможи на Руси, на немецких землях можно было одеть трех князей.⁵⁰ Татарское влияние было видно по материалу и украшению нарядов (шелк, жемчуги, драгоценные камни), а также по их цвету (желтый, кармазинный, шарлаховый). Материалы, текстиль привозились на Русь в результате тесных торговых связей с польскими и немецкими землями. Использование импортных товаров отражалось и на одежде, но это было заметно в особенности на одежде новгородцев.⁵¹

Княгине и малым детям Иван Калита даровал из личного имущества ювелирные изделия (наголовники, ожерелья и другие предметы из золота), дорогой княжеский кафтан. Великий князь не забыл и про своих священников, поэтому он завещал разные предметы из серебра и несколько ценных нарядов живущим в Москве в непосредственном его окружении и служащим ему священникам.⁵²

Подробный анализ завещания московского и новгородского великого князя Ивана Даниловича Калиты подтвердил предположение, что в порядке наследования московской княжеской семьи с первой трети XIV века произошли изменения. Московская княжеская династия постепенно выступала на первый план по сравнению с другими княжескими семьями, родственниками. Наследование по применяемому раньше обычному праву не совсем совпадало с новым наследованием по завещанию. Особенности порядка наследования московской княжеской семьи со времен Ивана Калиты можно охарактеризовать следующим образом. Первым делом можно установить, что личная воля завещателя великого князя стала определяющим фактором. При распределении наследия каждый член

⁴⁹ Барма: оплечье великокняжеское со священными изображениями. СРЕЗНЕВСКИЙ 1893. 42.

⁵⁰ Hartmut Rüss: Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des Russischen Adels. IX–XVII. Jahrhundert. Böhlau, Köln – Weimar, 1994. 190–193.

⁵¹ Иногда новгородцы ходили в немецком платье. На иконе «Молящиеся новгородцы» (1467 г.) наблюдается западноевропейское влияние. ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 1969. 289–291.

⁵² ДДГ №1 1950. 8. 10; ВОГОР 1996–1998. 17, 20.

семьи получал что-нибудь из наследия: каждый сын с выделением старшего, княгиня и маленькие княжны тоже. Первый сын по праву старшего получал постепенно все больше из отцовских земель по сравнению с остальными наследниками, таким образом, к концу XIV века он имел больше экономическое, чем политическое преимущество над другими князьями. Однако, утверждение завещаний ханской печатью однозначно показывало, что старший сын укрепился и в политическом плане, хан фактически подчинил ему всех князей на Руси.⁵³

Для дальнейших выводов относительно порядка наследования с обозрением XIV–XV веков необходимо детально рассмотреть завещания всех московских великих князей, что будет являться органической частью моей будущей диссертации.

⁵³ К обеим духовным грамотам Ивана Калиты привешены однотипичные серебряные позолоченные великокняжеские печати восьмигранной формы. Печать при второй духовной шнурком, прикрепляющим её грамоте, была соединена с другой, свинцовой (ныне утраченной). На лицевой (avers) стороне была изображена тамга, в виде плетенья, а на оборотной стороне (revers) шестиугольная звезда, сложенная из двух треугольников с четырьмя шариками посередине. Татарское происхождения несомненно: изображение сетки и татарской звезды встречаются на золотоордынских монетах XIV в. Печать имеет круговую надпись начинающуюся на лицевой стороне и заканчивающуюся на оборотной стороне: «Печать великого князя Ивана». ЧЕРЕПНИН 1948. 15; А. Б. ЛАКИЕР: *Русская геральдика*. Историко-литературный архив, Москва, 1990. 73; Н. А. СОБОЛЕВА: *Русские печати*. Наука, Москва, 1991. 147; В. Л. ЯНИН: *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 2. Наука, Москва, 1970. 26; Gustave ALEF: *The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View*. В: *Speculum* 41:1 (1966 january), 1., plate 1, picture 5.

Приложение:

[1336 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты

† Во имя о(т)ца и с(ы)на и с(вято)го д(у)ха, се вель, грѣшныи худыи рабъ б(ож)ии Иван, |
пишу д(у)ш(е)вную грамоту, ида зти Орду, иписемъ не нужеть, цѣлымъ своимъ оумомъ, иъ своимъ |
здоровью. Аже б(ог)ъ что розгадитъ о мѡмъ животѣ, даю радѣ с(ы)н(о)мъ своимъ и вѣзлѣмъ своимъ. |
1. Привязываю | с(ы)н(о)мъ своимъ [о]д(ч)и¹ну² свою Москву. А се и сѣмъ имъ родѣмъ оучивитъ. |
2. Се даю и сѣмъ с(ы)ну своему большому Семену: Монаискъ, Коломѣ³ну со всеми коломенскими |
волостми, Городену, Мѣвину, [П]ысочу, Похраме, Оустъ-Мерьску, Брошеную, Гвоздну, Ивани, |
Дѣржави, Миковецѣ, Лѣвонинѣ, Скулевѣ, Каневѣ, Гвело, [Г]о⁴рѣтову⁵, [Г]о⁶р⁷ю⁸, се[лю] Лысц⁹евскою¹⁰, |
село на Сѣверскѣ и Покрамѣ¹¹сковѣ оубѣдѣ, село Косты¹²твиновское, село Оравинское, село Островское, |
село Копотевское, селце Минульскомъ, село Малад¹³ивскомъ, село Напрудское оу города. |
3. А при своемъ животѣ даю и сѣмъ с(ы)ну своему Семену: д чети золоты, г по¹⁴асы золоты, п |
ча¹⁵ши золоты с жемчуги, бѣлоде золото с жемчугомъ с каменнымъ. [А в тому¹⁶ ещ¹⁷е] даю и сѣмъ иму п |
чума золота больша. А и сѣмъ соудомъ | сѣмъ серебряныхъ даю и сѣмъ иму г бѣлода серебряна. |
4. А се даю с(ы)ну | своему Ивану: Звенигородъ, Кремичу, Рулу, Фоминьскомъ, | Суходолъ, |
Великую свободу, Замоскскую свободу, Оутошь, [Росто]ви¹⁸, Ока¹⁹тѣва свобода, Свирининовскомъ, |
Тростна, [Н]ѣгуча²⁰. | А селѣ: село Рюховское, село Каменичское, село Рузв²¹сков, се [мо]²² |
Бѣлженинскомъ, село Максимовское, село Анд²³рѣвскомъ, | село Вяземскомъ, село Домонтовскомъ, село |
и Замоскской [сво]бодѣ²⁴, село Семц²⁵иновскомъ.

¹ Округлыми (о)го пишется по аналогии с округлением слова великого в строках 82-83 грамоты
² Между буквами з (звонкий) и д (глухой) употреблен фрагмент гортани размером в 6 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
³ Между буквами ж (жесткий) и р (гортанную) употреблен фрагмент гортани размером в 9 мм, где может размещаться 2 буквы. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
⁴ Между буквами у (гортанную) и в (гортанную) употреблен фрагмент гортани размером в 16 мм, где может размещаться 3 буквы. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
⁵ Верхние части букв свиса употреблены, они буквы и соприкосло только правая часть. Между буквами о (сло) и в (младше) употреблен фрагмент гортани размером в 11 мм, где может размещаться 6-7 букв. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
⁶ Буквы по частям разорваны
⁷ Буква и разорвана частично, следующая за ней буква с употреблена. Восстановлено по смыслу
⁸ Между буквами в (отуова) и в (ростова) тексты и не читается на пространстве размером в 17 мм, где может размещаться 3-4 буквы. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
⁹ Между буквами л (прости) и л (а) тексты и не читается на пространстве размером в 34 мм, где может размещаться 7 букв. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты, по аналогии у аналогично по начертанию и в соответствии с употреблением в первой дуговой грамоты Ивана Калиты фонематическими формами
¹⁰ Между буквами с (ружесков) и л (сло) тексты и не читается на пространстве размером в 29 мм, где может размещаться 6 букв. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты
¹¹ Между буквами и (замоскская) и б (свободѣ) тексты и не читается на пространстве размером в 13 мм, где может размещаться 2-3 буквы. Восстановлено на основании второй дуговой грамоты Ивана Калиты

5. А изъ золота далъ всмь с(ы)ну своему | Ивану: д чепи золоты, пошьь болшин с жегрутомъ с
 25 кам[ен]и]юмъ¹², пошьь золотъ с капторгами, пошьь сердовериень, золо[т]юмъ¹³ окованъ, ꙗ овачка золота,
 в чашки кружавы золоты, блюдо серебряно в динивскомъ, ꙗ блюдо мезиши.
6. А се | далъ всмь с(ы)ну спому Андрѣю: Лопашту, Сѣверску, Нарунн[иско]ю¹⁴, Серпоховъ,
 30 Ниву, Темпу, Голчичи, Цѣтговъ, Пере[в]ишаль, Растовець, Тухачевъ. А се села: село Талемъскою,
 село Серпоховское, село Колбасинскомъ, село Нарьскою, сел[о]и¹⁵ Перемишальс[ко]ю, село
 Биталовск[ое]¹⁶, село Труфоновскою, село Шениновско[ю], село Коломиновск[ое]¹⁷, село Ноготинское.
- 35 7. А изъ | золота далъ всмь с(ы)ну своему Андрѣю: д чепи¹⁸ золоты, пошьь золотъ фря[н]скии
 с жегн[у]томъ с каменемъ¹⁹, пошьь золотъ с криномъ | [на черчатъ шеаку, пошьь золотъ]²⁰
 ц(е)с(а)р(е)искии, ꙗ чары золоты, [ꙗ чу[м]а]²¹ золо[т]и мезиши. А изъ блюдо:]²² блюдо серебряно,
 ꙗ в] малаи.
8. А се да[ю] княгини свои с м[е]ншии²³ дѣтми: Сурож[ин]скъ, Муши[он]у²⁴ гору,
 40 [Радонѣвское, Б]ѣли²⁵, Воръ, Черноголов²⁶, [на Вори свободы Соф[ро]новскою, В]ожи²⁷, Дѣново
 раменье, [Давилцово свобод[ка, Машевъ, Сел]и²⁸, Гусандъ, Раменье, | что было за княгиню, [А

¹² Между буквами м и я текст уже и не читается на пространстве размером в 22 км, где может разместиться 4–5 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

¹³ Между второй и третьей буквами о текст уже и не читается на пространстве размером в 6 км, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

¹⁴ Текст почти не ясен. После буквы ш нет места для буквы ъ, которая воспринималась и задалает грамоты XVIII–XX вв. Последняя буква более похожа на м, а не на с, которая также постепенно оцифровывалась в написание грамоты XVIII–XX вв.

¹⁵ Между буквами л (слово) и п (перемышальское) текст уже и не читается на пространстве размером в 10 км, где может разместиться 2 буквы. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

¹⁶ Между буквами н (Нарунн[иско]ю) и второй буквой о (Биталовское) утрачен фрагмент пергамента размером в 76 км, где может разместиться 15–16 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

¹⁷ Между второй буквой о (Шениновскою) и третьей буквой о (Коломиновское) утрачен фрагмент пергамента размером в 86 км, где может разместиться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты. Исходно на разрыве утрачены и приходящие по вышнему малаке свободные места перед словом село, перед этим словом должна была читаться буква и, а перед буквами сѣ должно было быть написано и, а не ѡ, как читается в написание грамоты XVIII–XIX вв.

¹⁸ Между буквой м (жегрутомъ) и буквой к (чепи) утрачен фрагмент пергамента размером в 83 км, где может разместиться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

¹⁹ Между буквой ч (жегрутомъ) и буквой п (пошьь) утрачен фрагмент пергамента размером в 81 км, где может разместиться 16–17 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²⁰ Буквы на черчатъ сильно разбиты, от них сохранились отдельные фрагменты. Далее утрачен фрагмент пергамента размером в 87 км, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²¹ От буквы у до буквы ѡ текст стерт и не читается на пространстве в 21 км, где может разместиться 4 буквы. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²² Между второй буквой о (золота) и буквой б (блюдо) утрачен фрагмент пергамента размером в 87 км, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты кроме букв бл, которые там тоже утрачены. Последние восстановлены по количеству грамоты

²³ Между буквой а (дети) и буквой и (мезиши) утрачен фрагмент пергамента размером в 91 км, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²⁴ Между буквой к и буквой у утрачен фрагмент пергамента размером в 11 км, где может разместиться 2 буквы. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²⁵ Между буквой у (гора) и буквой ѡ (ѡжи) утрачен фрагмент пергамента размером в 76 км, где может разместиться 14–15 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²⁶ Строка 40 оканчивается буквой л. Для следующей буквы ѡ, которая воспринималась во всех написание грамоты XVIII–XX вв., места нет.

²⁷ Между буквой ф (Соф[ро]новскою) и буквой о (вожи) утрачен фрагмент пергамента размером в 64 км, где может разместиться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

²⁸ Между буквой д (свобода) и буквой с (села) утрачен фрагмент пергамента размером в 63 км, где может разместиться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй дужки грамоты Ивана Калиты

- село: село М[инзавловское]²⁹, село Луци[нское], село [о]у³⁰ озера, [село Радонгъв[е]ское]³¹, село
Дѣнгуви[нское], село Тыловско[е], Роговъ, село П[ротась]е[вское]³², с[ело А]ристов[ское]³³, село 45
Лопастеньское³⁴, село Минзавловское на Шоуэ, в селѣ Коло[м]енский³⁵. |
9. А на городьскы волости дню кыягши свои осм[ини]ем³⁶. |
10. А тамого и ныны волости городьскими подѣл[а]тс[а] с[ы]н[о]ве | мои.
11. Тако же и мыты, которые в которомъ оубодѣ, то тому. |
12. А оброкомъ медовомъ городьскимъ Василеви вѣданы подѣл[а]тс[а] с[ы]н[о]ве мои. 50
13. А что межъ бортиновъ и оброчниковъ [купельныхъ, которые в которомъ росписи, то того.
14. А по момъ | грѣхомъ цн имуть искати татарове которыхъ волости, а о[т]говимутьс[а] намъ,
с[ы]н[о]в[о]мъ момъ, и кыягши мои подѣл[ати] | все с[а] опять ты[м]и³⁷ волости на то мѣсто.
15. А численн люд[и] | ать вѣдаютъ с[ы]н[о]ве мои собча, а блод[у]ть вси с[о] одного. 55
16. А что ми [люд[и] куп[ельныхъ вел[и]комъ]³⁸ свертуѣ, а тыми с[а] подѣл[ати] с[ы]н[о]ве мои. |
17. А что золото кыягши мои Оленню, а то всемъ далъ дчери сво[ей]и Фетвыи, д[е] обручи и
ошережи м[а]т[ер]и же. Мовисто н[о]во³⁹, что всемъ сжоваль, а чело и гривну, то есмь далъ при собѣ⁴⁰.
18. А что е[с]мь придобывъ золота, что ми далъ б[о]гъ, и коробочку золотую, а | то есмь далъ 60
кыягши свои с меншими дѣтми.
19. А не по[ф]тъ⁴¹ иза межъ с[ы]ну моему Семену: конухъ чермези жегуе[в]ыи, [шапка]⁴² золотая.
20. А Ивану, с[ы]ну моему: конухъ желата | обирь с жегутомъ, кошь в[е]л[и]к[и]и с бармами.
21. Андрѣю⁴³, с[ы]ну | моему: бутан соболни с напечки с великимъ жегутомъ | с камешемъ, 65
скорлатион портице сажено з бармами.

²⁹ Между буквой ю (иногда) и первой буквой я (инзавловское) утрачен фрагмент пергамента размером в 57 мм, где может размещаться 10–11 букв. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁰ Между словами село и озеро расстояние в 17 мм, где может размещаться 3–4 буквы. Буква у видна, буква о реконструирована на основании четкого ну во второй дужковой дужке Ивана Калиты

³¹ Между буквой а (озера) и буквой с (радонгъв[е]ское) утрачен фрагмент пергамента размером в 63 мм, где может размещаться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³² Между второй буквой о (протасьевское) и буквой р (аристов[ское]) утрачен фрагмент пергамента размером в 65 мм, где может размещаться 12–13 букв. Из-за нечеткой дужки пергамента отсутствуют также буквы в перед буквой в в слове протасьевский. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³³ Между буквой с (село) и буквой р (аристов[ское]) утрачен фрагмент пергамента размером в 22 мм, где может размещаться 4–5 букв. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁴ Слово село кыягшиномъ вытиснено под следомъ более мелкого почерка и более светлым чернилом

³⁵ Между второй буквой о и буквой р в слове коломенский утрачен фрагмент пергамента размером в 5 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁶ В слове осмичемъ между буквами н и о утрачен фрагмент пергамента размером в 16 мм, где может размещаться 3 буквы. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁷ В слове подѣл[ати] а двух случаях отсутствуют буквы ж и-из исторически утрачен пергамента (размеры соответственно в 7 и 6 мм, где может размещаться по 1 букве). Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁸ В слове тыми после буквы м следил на виду на цитирование в 3 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

³⁹ Между буквой п (купельныхъ) и буквой с (свертуѣ) фрагмент пергамента размером в 62 мм, где может размещаться 12–13 букв, частично утрачен и содержит нечитаемый текст. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

⁴⁰ В слове при собѣ между буквами н и в утрачен фрагмент пергамента размером в 4 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

⁴¹ Буква о видна плохо, вместо нее может читаться а буква е. В английском месте второй дужковой дужки Ивана Калиты читается собѣ

⁴² Буква о написана сверху с буквой е

⁴³ Между буквой и (жегуе[в]ыи) и буквой з (жолтаи) утрачен фрагмент пергамента размером в 31 мм, где может размещаться 6–7 букв. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты

⁴⁴ Между буквой е (великии) и буквой в (андрѣю) утрачен фрагмент пергамента размером в 96 мм, где может размещаться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй дужковой дужки Ивана Калиты, но слово бармаме восстанавливается с первой буквой д, как оно написано ниже. Во второй дужковой дужке Ивана Калиты по ошибке написано брими

22. А | что ѡсьмъ нѣвѣтъчѣ нарѣдидѣ ѡ кокуха с аламы с женчуго|ѣмь, а то ѡсьмъ далъ меншииѣмъ дѣтємъ своимъ, Марыи же, Федо|сьн, ѡверельнѣмъ.
- 70 23. А что моѡхъ по|ѡсьмъ сребрѣннѣхъ, а то ро|дѣдѣдѣ по п(и)с(ку)пѣмъ.
24. А что моѡ р(уб)лѡнѣ⁴⁵ оу ѡсьмѣ, а то ро|дѣдѣдѣ | по ц(е)рѣвѣмъ.
25. А чт[о]⁴⁶ сѣ ѡстало изъ моѡхъ судѡбъ изъ сребрѣннѣхъ, | а тѣмъ подѣлѣтѣ с(и)н(о)вѣ моѡ и кнѣпѣ моѡ.
26. А что сѣ ѡстѣеть моѡхъ по|р[т]ѣ⁴⁷, а то ро|дѣдѣдѣ по ѡсьмъ п(и)с(ку)пѣмъ и на Мо|скѣ.
- 75 27. А блѣдо великоѡ сребрѣноѡ ѡ д(о)лѣ, а то ѡсьмъ да[ль]⁴⁸ | с(ѡ)тѣн Б(о)г(о)р(о)дѣн Володимѣрѣскоѡ.
28. А приказывѣю тобѣ, с(и)ну своему | Семену, брѣтѣю твою молодшѣю и кнѣпѣю свою с меншии | дѣтѣи, по б(о)гѣ ты ѡмь будѣшь печѣливѣи.
29. А что ѡсьмъ далъ | с(и)ну своему Семену стадѣ, а другоѡ Ивану, а иныи стады мо|ими подѣлѣтѣ с(и)н(о)вѣ моѡ и кнѣпѣи моѡ.
- 80 А на се послуш: о(т)ѣцѣ моѡ д(у)ш(е)вныи ѡфрѣмѣ, о(т)ѣцѣ моѡ д(у)ш(е)вныи Федоси, о(т)ѣцѣ | моѡ д(у)ш(е)вныи по|тѣ Д(а)в(и)дѣ.
- А грамоту ꙗкоу дѣлѣтъ кнѣзѣ вѣлѣноѡ Костромѣ.
- А кто сю грамоту порушѣтъ, судѣтъ ѡму б(о)гѣ⁴⁹. |

На обороте грамоты на расстоянии 240 мм от верхнего края и 40 мм от левого края (левый край оборота грамоты) светлокоричневыми чернилами почерком начала XV в. сделана запись, где читаются слова и буквы «дневная кнѣ...» и строкой ниже «данилович». На расстоянии 59 мм от нижнего края грамоты и 24 мм от правого края вышена сделанная темнокоричневыми чернилами вертикальная черта, возможно, обозначающая цифру 10. На расстоянии 26 мм от нижнего края грамоты и 27 мм от правого края светлокоричневыми чернилами полууставом XV в. написано «...лилович». В самом низу грамоты на месте отпечатки от печати светлокоричневыми чернилами, по-видимому, почерком начала XV в. написаны большие цифры «Ѡ» (15). Очевидно, в свое время под этим номером первая душевная грамота Ивана Калиты хранилась в московском великокняжеском архиве.

К грамоте на красном шелковом шнуре прикреплена восьмиугольная серебряная поволоочная печать великого князя Ивана Даниловича Калиты. На лицевой стороне печати изображен Христос, а на обратной стороне — Иоанн Предтеча, небесный покровитель Ивана Калиты. Печать имеет круговую надпись, начинающуюся на лицевой стороне и заканчивающуюся на оборотной: «Печать великого князя Ивана».

Грамота написана на листе пергамента неправильной, близкой к прямоугольной, формы размером 255×566×242×577 мм светлокоричневыми железоголовыми чернилами, уставом первой трети XIV в. Текст написан на 83 строках.

Подлинник — РГАДА. Гос. древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 1.

⁴⁵ В данной грамоте московские князья XIV в. слово рубль (в различных числах и падежах) пишется как руб. Содержимое после вычтенной 6 буквы восстановлено в строку на основании написанной рублем в начале документа XIV в. (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Рубр. III. Ел. лр. 7)

⁴⁶ Между буквой т (что) и буквой с (сѣ) утрачен фрагмент пергамента размером в 4 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй душевной грамоты Ивана Калиты

⁴⁷ В слове портъ между буквами р и ѣ утрачен фрагмент пергамента размером в 6 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании второй душевной грамоты Ивана Калиты

⁴⁸ Буквы да следуют к ѡ читаясь по пространству в 8 мм, где может размещаться 1–2 буквы. Во второй душевной грамоте Ивана Калиты ѡмь да... читается два. Восстановлено по содержанию текста второй душевной грамоты Ивана Калиты и аналогичному обороту ѡсьмъ далъ, который читается в первой душевной грамоте Ивана Калиты ниже, в строке 29

⁴⁹ Вследствие того строкой более мелким почерком теми же чернилами

В. А. Кучкин: Издание завещаний московских князей XIV века. [1336 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты. В: *Древняя Русь. Вопросы Мединистики* 31 (2008:1), 105–108.

[1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты

† Во имя о(т)ца и с(ы)на и с(вято)го¹ д(у)ха, се вель, грѣшныи худыи рабъ б(о)жии Иванъ, 1
| пишу д(у)шевную грамоту, и да вѣи Орду, никимъ не нужеть, цѣлымъ своимъ | оумомъ, въ своимъ
адоромъ. Аже б(о)гъ что розгадытъ о моемъ животѣ, даю | радъ с(ы)номъ своимъ и взыати своимъ.

1. Приказаша с(ы)номъ² своимъ³ оц(и)ну⁴ свою | Москву. А се вель имъ роздѣль оучинялъ.

2. Се да въ вель с(ы)ну своему бо(а)ше | му⁵ Семену: Можайскъ со вьси волостыи, Коломну со 5
всими колол[ен]скими⁶ вол(о)стыи, Городеву, Мѣдино, Пѣсочу и Середокоротну, Похра[н]е,
Оустъ-Мерьску, Брошеву, Гвозду, Ивана, Деревни, Мяковецъ, Лѣвичинъ, Скулнѣвъ, Каневъ,
Гжелю, Горѣтону, Горки, село Лысцевское, | село на Сѣверьсцѣ в Похра[н]скомъ оубадѣ, село 10
Косталитиновское, село | Орининское, село Островское, село Колотенское, село Миккульское, |
село Малаховское, село Напрудское оу города.

3. А при своимъ животѣ да в[ъ] с(ы)ну своему Семену: д чепи золоты, г повеси золоты,
г чашаи золот(ы) | с женюги, блюдо золот(о) с женюгомъ с камен(ь)юмъ, в чума зол(о)та болаша.
| А вь суд(о)въ вь сребрѣныхъ да в[ъ] есмь иму г блюда среб(р)ны.

4. А се даю с(ы)ну | своему Ивану: Звенигород, Кремлеву, Рузу, Фоминское, Сузд(о)ль, Великую 15
свободу, Замоскскую свободу, Оупень, Ростовци, Опатьину свободу, Скряжковское, Тростну, Нѣгуу.
А села: село Рюховское, | село Каменское, село Рузское, село Бѣлинское, село Маньинское, сел(о)
| Андрѣевское, село Вязьинское, с[ело] Др[омитовское]⁷, село в Замоскской | свободѣ, село Седнѣвское. 20

5. А вель зол(о)та да в[ъ] с(ы)ну своему Ивану: д чепи | зол(о)ты, повесь зол(о)тъ болаши с
женюгомъ с каменемъ, повесь золотъ | с калторгами, повесь сердоуичи, золотомъ окован, в овкача
зол(о)та, в | чаш[и] к | в⁸ круглая зол(о)ты, блюдо сребрѣно в[ъ]двинское, в блюдо мѣшши.

¹ Отношение (о)го пишется по аналогии с окончанием слова которое в слове 46 движено

² Все буквы слова выделены, выделены красным

³ Все буквы слова выделены, выделены красным

⁴ Буквы от выделены красным

⁵ После буквы во утрачен фрагмент пергамента размером в 16 мм, где может размещаться 3 буквы. Восстановлено на основании первой душой грамоты Ивана Калиты

⁶ После буквы вострачен фрагмент пергамента размером в 7 мм, где может размещаться 1—2 буквы. Восстановлено на основании первой душой грамоты Ивана Калиты

⁷ Между буквами с (село) и н (донитовское) утрачен фрагмент пергамента размером в 26 мм, где может размещаться 5—6 букв. Восстановлено на основании первой душой грамоты Ивана Калиты

⁸ После буквы чаша утрачен фрагмент пергамента размером в 5 мм, где может размещаться 1 буква. Восстановлено на основании первой душой грамоты Ивана Калиты

25. А что сѧ остало и др моихъ су(до)пъ на серебряныхъ, а тьмъ подѣлать (ѧ) с(ы)н(о)ве мои и
княгини | моя.
26. А что сѧ оставеть моихъ портъ, а то раздѣлать по всемъ п(и)с(ку)пкамъ | и на Москѣ.
27. А бавод(о) великое о д колаца, а то даю с(ва)тѣи Б(огороди)ци Вол(о)димирскюи. 65
28. А что есмь дал с(ы)ну своему Семену стаде, а друг(о)е Ивану, а иными | стаде моими
подѣлать с(ы)н(о)ве мои и княгини моя.
29. А проч(в) московскѣхъ сель даю с(ы)ну своему Семену села своя купленыя: село Аванковское
| въ Новгородѣ на Оумалѣ, друг(о)и въ Володимери Борисовское.
30. А что²⁸ есмь купилъ село²⁹ Петровское и Олександровское, Вседобран(ь) и Паламъ|скою на 70
Масѣ, половину есмь купилъ, а пол(о)вину есмь смѣнилъ с митрополитомъ³⁰... а селца на Масѣ, что
есмь купилъ оу Афанѣ|ѣ, то даю с(ы)ну своему Ивану.
31. А что есмь купилъ село Варварьскою | и Пѣловское оу Юрѣва, что есмь смѣнилъ на
Матрѣицон|ское село, то даю с(ы)ну своему Андрѣю.
32. А что село Паламъ|ское, ба|бы вѣше куля, и Новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ 75
с(ва)тѣи, что есмь купилъ на Костромѣ, то даю княгини своей.
33. А что | есмь купилъ село в Ростий Богород(и)нское, а дал есмь Борьску Вор|кову, аже иеть
с(ы)ну моему которому служати, село будет | за нимъ, не имет ли служати дѣтемъ моимъ, село отоймут. | 80
34. А что есмь прикупилъ селце на Керячи оу Проконья у игумена, друг(о)е Леонтиевское,
третье Шараповское, а то | даю с(ва)т(о)му Олександру собѣ и поминанье.
35. А при|зываетъ тобѣ, с(ы)ну своему Семену, брат(ь)ю твою мо|лодушю и кня(и)ню свою с 85
мешшын дѣтямъ, | по б(о)гѣ ты имъ б(у)д(е)шь печалывъ.
А кто | сию³¹ грамоту поручитъ, судить кму б(о)гѣ.
А на се послуши: | о(те)цъ мой д(у)шевныи Еф(рѣ)мъ³², о(те)цъ мой д(у)шевныи Федоси,
о(те)цъ мой³³ д(у)ш(е)шын по | Д(а)в(и)дѣ. | 90

На обороте грамоты с левой стороны, на расстоянии 12 мм от ее верхнего края помещена трехстрочная запись, сделанная почерком XV в.: «Духовные и списки | з духовныхъ и прочия | грамота». На расстоянии 114—116 мм от нижнего края грамоты и в 14 мм от ее правого края идет двустрочная запись, сделанная почерком начала XV в., тем самым, что и первая запись на обороте первой духовной грамоты Ивана Калиты: «Грамота дѣшевная княз великого Ивана Даниловича, ꙗ» («Грамота душевная князя великого Ивана Даниловича, 13»). У самого верхнего края грамоты в 66 мм от ее левого края почерком XVI в. сделана запись: «Иѣо ꙗ щика и ꙗ ꙗ су³⁴» («Иао ꙗ щика на 10 суцдука»).

Кроме того, на обороте грамоты есть следы еще нескольких записей, которые видны плохо или совсем не читаются. У самого нижнего края грамоты четким XIV в. написано слово, которое можно прочитать в зеркальном отражении: «гове...ъ». В 337 мм от нижнего края грамоты и в 4 мм от левого края видны следы трехстрочной записи. На расстоянии 250 мм от верхнего края грамоты и 24 мм от правого края видны следы еще одной записи. В 221 мм от верхнего края грамоты и 24 мм от правого края грамоты заметны остатки еще одной, четвертой по счету, записи, которая не читается. Возможно, она исполнена в зеркальном отражении.

²⁸—²⁹ Слова а что частично сняты и видны плохо.

³⁰ Буква сло сняты и видны очень плохо.

³¹ Далее от этого слова до буквы а на пространстве в 43 мм не видно начертания и его четкой отрисовки почти не читается. На указанном пространстве может располагаться 10—11 букв.

³² Слово это снято и видно очень плохо. Восстановлено на основании первой духовной грамоты Ивана Калиты.

³³ Буква рѣ видны плохо. Восстановлено на основании первой духовной грамоты Ивана Калиты.

³⁴ Буква цѣ моя видны плохо. Восстановлено на основании первой духовной грамоты Ивана Калиты.

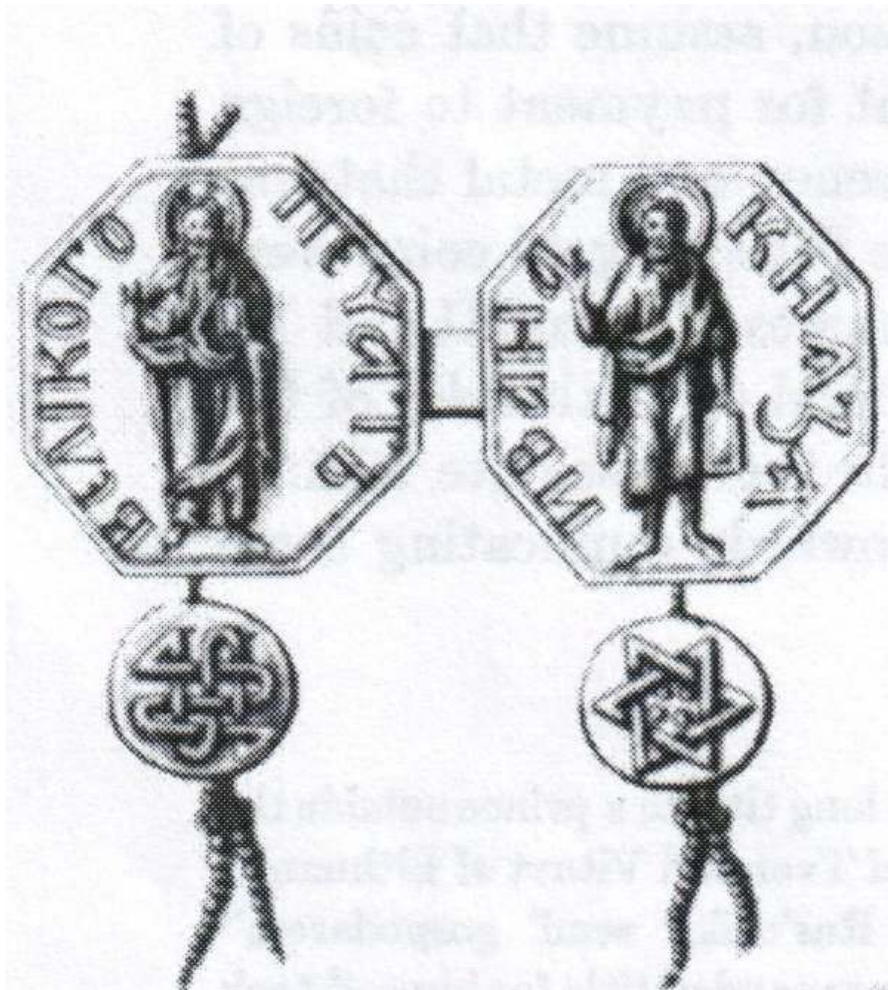
К грамоте на голубом шелковом шнуре была прикреплена серебряная позолоченная печать великого князя *Ивана Даниловича*, а к ней дополнительно прикреплена небольшая свинцовая печать с изображением шестиконечной звезды, как полагают, орденская. В настоящее время обе печати утрачены. Остатки голубого шнура сохранились.

Грамота написана на листе пергамента неправильной, близкой к трапеzeвидной, форме размером 271x630x136x748 мм черными сажеными чернилами, уставом первой трети XIV в. Текст занимает 90 строк. С правой стороны пергаменного листа после 630 мм сделан диагональный срез протяженностью в 130 мм, поэтому последние 16 строк грамоты получились более короткими.

Подлинник — РГАДА. Гос. древлехранилище. Отд. I, Рубр. I, № 2.

В.

А. Кучкин: Издание завещаний московских князей XIV века. [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя *Ивана Даниловича Калиты*. В: *Древняя Русь. Вопросы Мединистики* 32 (2008:2), 129–132.

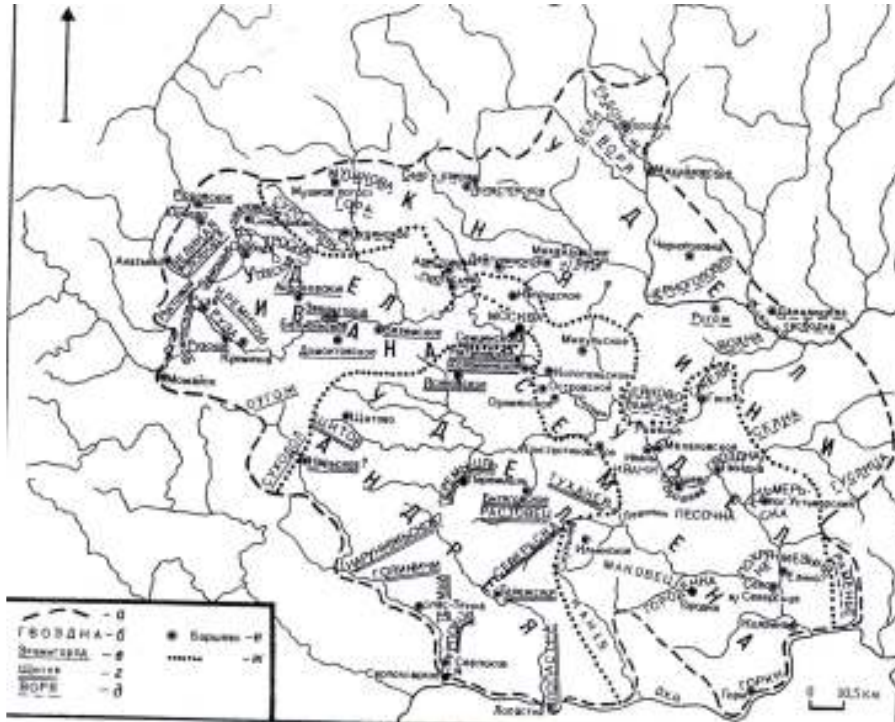

Печати Ивана Даниловича Калиты (1336, 1339) Gustave ALEF: *The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View*. В: *Speculum* 41:1 (1966 january), 1., plate I, picture 5.

Княжества Северо-восточной Руси в 14-ом веке. (R. C. HOWES: *The Testaments of the Grand Princes of Moscow*. New York – Ithaca, 1967. 16.)

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМЕННОМУ НАСЛЕДСТВУ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ДАНИЛОВИЧА
КАЛИТЫ (НАЧАЛО XIV ВЕКА)

Великокняжеское землевладение Московской земли XIV в. (30-е годы) (А. А. Юшко: *Феодальное землевладение Московской земли XIV века*. Москва, 2002. 18.)

BÁLINT RADÓ

The Interrelation of Politics and Confessionalism in a 17th-Century British Polemical Writing

Abstract: The study intends to investigate a political pamphlet written by the famous, nevertheless, in Hungary rather neglected Presbyterian minister and diplomat, Robert Baillie. In this work of his he tries to refute the ecclesiological tenets of the Independents also known as Congregationalists. The latter had a good share in shaping “the New England mind”, i.e. they were very influential in 17th-century Massachusetts, Connecticut and Rhode Island. The author does not refrain from making fun of the “Canterburians”, the “Faction” he blames throughout the polemical writing for all the “problems” arising with the new “sects”. The study is meant to illustrate that theological and political issues were closely intertwined in the 17th century.

Key words: Presbyterianism, Congregationalism, Anabaptism, Arminianism, political theology, political thinking

One can be amazed how many professing Christians simply dismiss the idea that the Church has an institutional right, what is more, sacred mission and duty to pronounce her opinion in political matters. If this is the standpoint of extreme liberals, it is no surprise at all. If, however, as in many cases, these liberals could in fact shake hands with active Christians, regularly practicing their religion, our amazement is justified at the ignorance of these Christian “*Schöngeist*er”. The very existence of the Holy Mother Church in itself is politics at work. In his prayer in the Garden of Gethsemane, at the foot of the Mount of Olives, Jesus Christ did not pray to the Heavenly Father asking him to remove the believers from the world but deliver them from the evil.¹ For many centuries there was a general understanding among “mainstream” Christians, actually from the Church fathers down to the 18th century.

¹ John 17,15.

Christian thinkers, whether St. Augustine or St. Thomas of Aquinas, just to mention two of the greatest ones, notwithstanding the fact that they basically differed on the concept about the natural state of men as well as on the nature of the state, shared the common view and conviction that the political community was necessary. Fair enough, it was especially the Thomist and neo-Thomist strain of thought that underlined the importance of a though independent and naturally evolving entity, the state, as opposed to the supernaturally established Christian Church. Yet Thomism argues that Christians are members of both Church and state (the latter being the *communitas perfectissima* upon earth), hence it is evident that the supernatural mission of the Church overrules the natural mission of the state. Once the latter jeopardizes the transcendental aims of Christians, the Church must act and intervene, even if *in via ordinaria* only *mediante, ad finem spiritualem*. Also, it is an ancient ecumenical Christian maxim that Christians must show a deep interest in the matters of the political community, after all it is the community in which the “neighbours” live and act. It is impossible to imagine that Jesus Christ having been present at the Creation,² became flesh, taught his disciples and the people in general, suffered and even gave his life for humanity on the one hand and, on the other hand, shows a complete ignorance in how mankind lives on earth. It is a Marxist obsession that Christianity only deals with transcendental, therefore, for them obscure and, in fact, unreal matters. Quite on the contrary, Christianity is not identical with stupidity. It would namely be foolish and stupid to hand over everyday political affairs to non-Christians exclusively. True, many ardent opponents of Christianity would welcome the Church of Christ restricting herself to social care for the poor while remaining silent when a crucial political matter of any kind, be it economy, verily affecting especially the poor, are at stake. “And whosoever gives a glass of water [...]”³ “And render unto Caesar [...]”⁴

As the title clearly indicates, this study intends to be an examination of a British polemical writing. Indeed, just to make it highly and extremely interesting, it was published in 1646, right in the very middle of the English Civil War. It bears the rather long title: “A Dissvasive from the Errors of the Time: Where in the Tennets of the principal Sects, especially the Independents, are drawn together in one Map, for the most part, in the words of their Author, and, their maine principles are examined by the Touch-stone of the Holy Scriptures. By Robert Baylie Minister at Glasgow.

² John 1,1-2

³ Matthew 10,42

⁴ Mark 12,17

Printed in London at Serpent 1646." I came across this polemical writing in Edinburgh, in the Early Books and Manuscripts Department of the National Library of Scotland, actually situated some hundred yards away from the Greyfriars Church where the Scottish Covenant was signed in 1638. As I was informed in the library, the cherished, printed text is one of the very few surviving copies of the polemical writing, and, more importantly, the most complete one. Shortly after its writing and printing the Congregationalists must either have confiscated or even annihilated most of the copies of the work, after all, it attacked them very sharply.

The author of the polemical writing was, as we could see, Robert Baillie, who was born in Glasgow in 1599 where he later studied philosophy and divinity. After his Episcopal ordination by the Scottish Archbishop of St. Andrews (a university city named after the major patron saint of Scotland, the apostle and martyr St. Andrew) Baillie became professor of philosophy at Glasgow University at the very early age of 23. As it can be expected, he was present at the General Assembly of the *Kirk* in the capital city of Edinburgh in February and March 1638, in those turbulent months when the centre of the happenings was the well-known Greyfriars church.⁵ Needless to say, just like others, Baillie attended the General Assembly to protest against the service-book which both King Charles and Archbishop William Laud of Canterbury, ignoring the supplications and petitions⁶ wanted to be introduced in Scotland. Later, from 1643 on we find Robert Baillie in London where he was a constant member of the Westminster Assembly convened by the Long Parliament. He was one of the envoys to sail over to the United Provinces in 1649 to plead the heir to the throne to accept the Scottish Covenant and the Crown of Scotland. As it is generally known, in late spring 1660 King Charles II, son of the executed King Charles I returned to Britain, thereby inaugurating the Restoration Period. The diplomat, politician, and, first of all, Presbyterian minister Robert Baillie, himself a good example of the interrelation of political and confessional issues, died as the Principal of his beloved Glasgow University.

Robert Baillie starts his work with a Dedication and a Preface.⁷ The work is dedicated to "the Right Honourable the Earl Lauderdale Lord Metallane"⁸

⁵ The cemetery of the church is the graveyard of the majority of celebrated and famous Scottish persons. It is situated in central Edinburgh.

⁶ Cf. Walter MAKEY, *The Church of the Covenant 1637–1651. Revolution and Social Change in Scotland*. Edinburgh, 1979. p. 28.

⁷ In order to avoid confusion I will refer to the points made by him here in these two parts in Roman numerals.

At the end of the Dedication: “Your Lordships in all Christian duty to be commended R. Baylie⁹. As a Scottish Covenanter, in fact, as one of the very first persons to sign the Presbyterian Scottish National Covenant, Baillie, as he himself altered the way of spelling his name later on (and thus became known under this name) was a great confidant and partisan of a number of pro-Puritan Scottish lords (as opposed to some “surviving” pro-Catholic “Highlander” lords), especially the Marquis of Argyle, Lord Balmerino (Balmerinoch in the Scottish way) and Lord Lauderdale, a leading dynasty of the peerage of Scotland. It is Lord Lauderdale to whom he dedicates his work, following the common and general practice of his age.

Baillie makes the claim that for a rather long period of time he had not had the intention to write polemical works whatsoever. He resorts to the expression that soldiers are just as much vulnerable as the authors of the polemical writings.¹⁰ Yet he gives an apt explanation why he felt compelled to change his mind and his attitude: “It seems that yet for some time the servants of God must earnestly contend for many pretious truths, which erroneous spirits due mightily impugne: for the help and encouragement of others in that warfare, I, though among the weakest of Christs soldiers, doe offer these my endeavours.”¹¹

He renders a clear manifestation of his purpose with this writing of his: it was his aim to find out, where the errors of the Independents and the Brownists come from.¹² Than he continues: “I believe this my method will not be displeasing to any. I know it was acceptable enough to many of the Congregational way when lately I did use it against the Canterburian faction [...]”.¹³ The very expression “Canterburian faction” is a recurring element and notion, the target of his actual hatred in many of Baillie’s works. He regularly finds an excuse for King Charles I but puts all the blame on William Laud, the executed Archbishop of Canterbury with undeniable “Arminian”, “Popish-like” preferences, the most conspicuous of which is the “pushing” of the service-or prayer-book in Scotland. Laud and his circle form the Canterburians, or, in other words, the (Canterburian) faction. One must not overlook the important fact that the words “faction”, “novation”, “innovation”, or “novelty” were veritable “*Schimpfwörter*” in those years. Just

⁸ Robert BAILLIE, *A Disswasive from the Errors of the Time...*, London, 1646. (hereafter: BAILLIE 1646) p. II.

⁹ BAILLIE 1646. p. III.

¹⁰ Ibid, p. I.

¹¹ Ibid, p. II.

¹² Ibid, p. III.

¹³ Ibid, p. III.

on the contrary “renovation”, “reformation” implied the return to the normal way of settling things, indeed to an order divinely and naturally approved of. Even “revolution” meant the return to normality. Well, Laud and his “faction”, in the eyes of Baillie, introduced “novelties” in Church and State alike (instead of a consequent Reformation). Their activity was intolerable for Baillie.

Interestingly enough, in a very peaceful way, certainly not in relation with the Canterburians, Robert Baillie inserts here the sentence that he does not want to offend “our Brethren in Error”.¹⁴ His aim is “to bring many the dissenting Brethren to approve of the Government agreed upon in the Assembly and allowed by both Houses of Parliament [...] This doth suppose that our Brethren shall not be permitted to print, preach, or publish anything against the Government established in Parliament [...]”.¹⁵ Behold the evidence of how much and how closely political, “governmental” issues intertwined with religious affiliations! It becomes even more explicit when he goes on to assert that the General Assembly, i.e. the annual conference of the Church of Scotland, regularly held in Edinburgh, in the Lenten Period even today, and the Parliament do everything they can to lead back “our dissenting Brethren” to the good path. This effort of them, i.e. the two institutions (a Church-institution and a State-institution) seems to be of no avail, therefore it is a rather painful obligation for these institutions, and Baillie to pronounce that their error is schism, and indeed, one of the greatest in Christian ecclesiastical history ever. Very harsh words, definitely fuelled by the uproar and complete upheaval of Britain in those Civil War years.

Before starting to examine the main *corpus* of Baillie’s writing, one cannot help avoiding to make clear what “Independency” and “Brownism”, the two principal “dissents” actually meant at the time. We need to take a good look at their origins, relations, and main tenets. Even more so because Marxism, in many respects, introduced here much confusion just to fit the whole issue into its theory of “the great clash of interests”, sometimes even adopted by the best-known of Whig historians, *mutatis mutandis* of course.

Karl Marx made frequent references to Puritanism in his treatment of the “English bourgeois revolution.” Definitely, “original capital accumulation”, the “deprivation of the peasants from their lands in the course of enclosures are just as much often repeated by him and his followers. Let us restrict us to Puritanism, however, that has yet to be adequately defined. As it is well-known, as the Greek word for the Cathars of southern France in the early 13th

¹⁴ Ibid, p. III.

¹⁵ Ibid, p. III.

century, the Latin word *“purus”* means clean. What we need to emphasize here is that these three words: “Puritan”, “Nonconformist” and “Dissenter” are synonyms, thus were used, as they can be used today, interchangeably. Puritans did not conform to the rules and, especially, the rite of the Church of England, therefore they dissented. These “men of Dissent” had two major subgroups: Presbyterians and Congregationalists, the latter also known as Independents. In fact these two English (and Scottish, though Congregational “Independency” was unable to set a firm foot in Scotland) Puritan groups, both dissatisfied with the Church of England as officially established in 1534, i.e. the Anglican “Establishment”, not to mention the “High Church”, “Papist-like innovations” under Queen Elizabeth and further fortified by Arminian liturgical elements, naturally demanded an outspoken, consequent, “real” Reformation of the Church of England. To be sure, when speaking about England, they all professed to be true members of the Church of England, originally called “the Catholic Church in England”, after all “Catholicism” is generally laid claim to by all Christian denominations, the word referring to the entirety of Christian truths.¹⁶ Some Congregationalists even celebrated royal birthdays in Massachusetts, thereby underlining their adherence to the Church of England and their homeland. Definitely, Robert Baillie, as a Scotsman, claimed to be a true member of the Church of Scotland. A Church that was utterly Presbyterian and not Congregationalist. The Church of Scotland, also known as the “*Kirk*”, whose greatest reforming figures were John Knox and Andrew Melville was Presbyterian, Calvinist Reformed. Knox even met Calvin in Geneva before returning to Scotland via England. One ought not to hesitate in making the assertion that in the course of a uniquely quick period, in the late 1550s and early 1560s, Scotland, this old bastion and stronghold of Catholicism, with the rare exception of some Highland enclaves, went over to the Presbyterian branch of Protestant Reformation. The “speed” of this change in confession was way much slower in England, although there the “gap” and dissimilarity between Anglicanism and the “Romish rite” was much narrower. True, Scotland had her own Reformation Parliament in 1559–1560 which passed its new articles of faith but basically the Scottish Reformation was a popular movement and, unlike in England, not governed from “above”. This must have been one of the principal reasons for the amazing speed of the Reformation in Scotland leading to the formation of the Catholic

¹⁶ Similarly, “Orthodoxy”, not merely in the age of confessional orthodoxies, is a common claim of Byzantine, other Eastern, Latin and all Protestant Churches, as the term “orthodox” signifies “true faith”. It is the content of this “true faith” on which they differ in their interpretations.

Queen's party backed by the French (in which next to Catholicism the century-old, anti-English "Auld Alliance" between France and Scotland was a significant factor and of the Protestant King's party). The Queen was the mother, Mary Stuart, Queen of Scots. The King was the son, the new Presbyterian ruler, crowned as the monarch of the Scots when he was only thirteen months old.

Coming back to the differences of Presbyterianism on the one hand and Congregationalism on the other, what one must bear in mind that it was not even primarily a difference in dogmas, doctrines, in teaching. Far more, it was mainly of ecclesiological character. Presbyterians simply followed the way John Calvin envisaged the fabric, the very structure of the Church. Alongside the regular meetings of the "presbyteries", "the groups of elders", as the ancient Greek word can be translated, there were local, regional, and finally, national synods. These latter then have differed from country to country ever since they came to birth and convened. In the United Provinces, in the Dutch Calvinist "*Kerk*", e. g. separate councils are held in the provinces forming the "*Nederlandse Hervormde Kerk*". It is a unique feature in the history of Hungarian Calvinism, that superintendents very soon received their offices as bishops.

Notwithstanding these and other differences, all the Calvinist Reformed Presbyterians have a "pyramided series" of their Churches which meet on regular occasions. This is a hierarchy of synods represented in Scotland, for instance, by the aforementioned General Assembly on the highest national level.

Congregationalists or Independents, however, have always held that each congregation is fully and completely independent from the others. This is not Calvin's Genevan model, or the pattern reinforced by John Calvin's contemporary and follower in Geneva, Theodore Beza. In Congregationalism, the unity of the doctrines is not safeguarded, even if the representatives, also called elders (sic!) of the independent congregations *may* meet occasionally but without any obligation to accept and follow each others' teachings. The hierarchy of synods is completely missing. It is important to note here that both Puritan groups that crossed the Atlantic in the first half of the 17th century, i.e. the Pilgrim Fathers on board of the Mayflower in 1620, and, ten years later, in 1630 the "Puritans" on board of the Arbella ("Puritan" is the name by which they are referred to, just to distinguish them from the "Pilgrims") belonged to the Congregationalist

branch of Nonconformists.¹⁷ The group which came ashore in 1620 was commanded by Governor William Bradford while the “Puritans” leader a decade later was Governor John Winthrop. Both arrived to New England, actually in what is today Massachusetts. However, there was a crucial difference between these two Puritan- Nonconformist-Dissenter groups. Whereas the latter had the firm belief in their mission-consciousness to find a place in New England from where to show first of all Old England (and “the rest of the world”) how, in their opinion, Jesus Christ conceived of his Church.¹⁸ This “city-upon-a-hillism”, as it is generally called by historians and social scientists alike, this mission-consciousness (so much an integral part of American self-identity even today) was completely alien to William Bradford’s group. They can be classified as the separating Congregationalists, or just “Separatists” because they declined all communion with the Church of England simply denying that it was a true Church at all. In their view and firm conviction, Anglicans, just like all other branches of Christianity were unworthy of the name “Church” as they all “swept in” everyone among their ranks without examining whether the “candidate” was a true believer in Christ or not. Indeed, Protestant Christianity normally share the opinion that wherever the Word of the Lord is preached (*praedicatio Verbi*) and the (two) Sacraments are administered (*administratio Sacramenti*), there a Church is present. To these two preliminary conditions the Separatists added a third one: discipline, and, in fact, in the strictest and literal sense of the word. Therefore, they started to call themselves, and nobody else, “Saints”, the only heirs of Christ’s Kingdom, the only members of the New Israel, of the New Jerusalem. This attitude of the “errand into the wilderness” and building up the New Mount Zion is justifiably rendered by social science as “Puritan tribalism”.

It is advisable here to clarify very shortly who the “Brownists”, to whom Robert Baillie, as we will see in due turn, constantly refers, actually were. They were the separating Congregationalists or (separating Independents) just described. As to their beginning in “Old England” we can say that about 1580, a group was formed under the leadership of Robert Browne at Norwich. Browne was the first to defend publicly the act of separating from

¹⁷ The appearance of Anglicans in the New World evidently goes back to the Elizabethan period whereas that of the Presbyterians and others, e.g. Quakers etc. to the era of the Cromwellian Commonwealth or the Restoration Period.

¹⁸ Cf. John Winthrop’s famous words “And we shall be like a City upon a Hill and all the eyes of the World looking upon us”. These were the words written by Winthrop on board the *Arbella* in 1630 while crossing the Atlantic. The world-famous quotation can be found in Winthrop’s Journal, probably one of the earliest pieces of “American” literature.

the Church of England. In the 1590s Holland became the refuge of many English religious groups. Among these we find the famous Scrooby community led by Pastor John Robinson. They came to the Low Countries in 1607, left Amsterdam for Leyden in 1609 and settled there to be known as the Leyden Congregation. A year before the expiration of the Spanish-Dutch truce, in 1620 they first sailed back to England and left the harbour of Plymouth almost right at once for the New World.

Coming to the investigation of Baillie's work which he himself calls a treatise we have to draw attention to the evidence that throughout his writing he treats (Cf. "treatise") the questions of Church and State almost as matters of one and the same entity. At the very outset of the main body of his text he makes a clear allusion to the Civil War: "While the fire of War continues to scorch every one of these miserable Dominions, it is the duty of all compassionate Countrey-men to contribute the uttermost of their best endeavours for the extinguishing of these unhappy Flames, before the remainder of all our Churches and States be burnt down to ashes."¹⁹ The way he continues, is the best possible and conceivable proof of the interrelation of ecclesiastical and State affairs: "Long may we petition both God and men for peace in vain; long may we article and treat for that end without any successe, unlesse a reall Reformation remove from the right of God the personall abominations, the State-transgressors and the Church-impieties of our Land".²⁰ The demand, need and call for a "reall Reformation", i.e. without any Catholic remnants and the two spheres of State and Church are present in the same sentence. In view of what we have discussed above it cannot be surprising whatsoever. Yet the transcendental community, the Church (let us make sure, for Protestantism it has always been more emphatically "merely" transcendental than for Catholicism, which regards the Holy Mother Church as an earthly institution as well, cf. the Catholic reasoning of the establishing of the Church by Christ built upon St. Peter) does come first: "[...] the deformity of the Body Politicall, is not so unpleasant to the eye of God as the Church."²¹ Then the well-known blow against "Canterbury" follows, indeed, by making the "faction" responsible for the sects with which Robert Baillie intends to deal: "Who so will observe either the spring or the progresse of our present Woes in all the three Kingdoms, will finde that the open Oppression and secret Undermining of the Common-wealth, by the craft and tyranny of the malignant Faction, did

¹⁹ BAILLIE 1646. p. 1.

²⁰ Ibid, p. 2.

²¹ Ibid, p. 2.

highly provoke the wrath of God, and was a great occasion of all this Discord which hath broke out among men [...].²² In spite of the petitions to London, as referred to lately, i.e. the petitioning of the monarch, “Canterbury” introduced “idolatry”, superstitions and other spirituall burthens.”²³ As if we heard the arguments and “recommendations” of Hungarian Calvinist Reformed preachers seeking a remedy for and a liberation from under the Ottoman Turks, Baillie argues in a strikingly similar way: the State(s) [Great Britain, as the name was coined by King James (VI) and I and turned into a reality under Oliver Cromwell] can be put to order only after the settlement of Church affairs.²⁴ An apt Old Testament reference is made here by Baillie, allusions to “God’s Elect” being a common theme for Puritans anyhow: “So long as the Temple lies desolate, it is not possible to rear up the wals of the City.”²⁵ Hereafter the blame for the emerging “sects” is put on the Episcopal-Arminian-“Popish” *inventions* of Canterbury in sentence after sentence. Just to mention a few of these: “Interests of private persons and particular factions, laid over with the colour of pretended State-reasons [...].”²⁶ “[...] None of the named Sects are births of one day; but all of them were bred and born under the wings of no other Dame the Episcopacy: the tyranny and superstition of this Step-mother was the seed and spawn of Brownism, the great root of the most sects; all which were many years ago brought forth how ever kept within the doores so long as any Church-Discipline was on foot.”²⁷ “Episcopall Courts were never fitted for the reclaiming of minds [...].”²⁸ This is a clear reference to the hated High Commission of the Established Church. Baillie compares this to the true Reformed practice “But the Reformed Presbitery doeth proceed in a spirituall method evidently fitted for the gaining of hearts; they go on with the offending party with all respect and at so much leasure as can be wished, appointing first the fittest Pastors and Elders [...].”²⁹ If they fail in their effort to reform the wicked, “the Consistory of the Congregation” deals with the issue. In Protestant vein, Baillie does not forget to underline that, contrary to “Papists”, the Presbyterians always argue on the basis of the Holy Writ.³⁰ They, again in

²² Ibid, p. 2.

²³ Ibid, p. 2.

²⁴ Ibid, p. 3.

²⁵ Ibid, p. 3.

²⁶ Ibid, p. 3.

²⁷ Ibid, p. 7.

²⁸ Ibid, p. 7.

²⁹ Ibid, p. 7.

³⁰ Ibid, p. 7.

contrast with Catholics, “hardly ever excommunicate anyone” and never render the culprits over to the worldly authorities,³¹ a conspicuous allusion to the Catholic Inquisition. One could, however, let us add, find contrary examples especially from Protestants in Northern Europe in Early Modern Times. Therefore Baillie, as he made it clear in the Introduction to his work, does not want to offend those “who went astray”,³² and puts all the blame for the flourishing of the sects on the bishops.³³

Here Baillie congratulates the Reformed Churches to have “settled all their problems” [of dissent] “in Scotland, Switzerland, Germany, and France.”³⁴ Next to England, Holland is the only exception. No wonder, he goes on, as in the United Provinces only one General Assembly was held over the past forty years. He most probably thinks of the Synod of Dort(recht) of the years 1618–1619. For England he demands “the Liberty of Consistories of Congregations, the Liberty of Presbyteries for Counties, the Liberty of Synods for larger Shires and the Liberty for National Assemblies for the whole Land.”³⁵ This is the evident adherence to Presbyterianism as opposed to Congregationalism as we have discussed it in detail. No wonder again, he mentions Scotland, his native country as a great example for English Puritans: “[...] as Scotland hath long possessed these by the unanimous consent of King and Parliament without the least prejudice to the civill State but to the evident and confessed benefit thereof.”³⁶

In Chapter I Robert Baillie discusses “the Original and Progresse of the Brownists”. He calls the Protestant Reformation the greatest gift of God.³⁷ A Reformation “of Religion from Antichristian pollution and tyranny”³⁸ The Pope is “the Prince of Darkness, Satan and Antichrist”.³⁹ What follows on the pages to come is an enumeration of the victories of God over Satan in Protestant countries.⁴⁰ However, unfortunately “Luther and his followers [...] became utterly impatient of all contradiction that Calvin and his Brethren should go beyond them to cry down a corporall presence of Christ in the

³¹ Ibid, p. 7.

³² Ibid, p. 7.

³³ Ibid p. 6.

³⁴ Ibid, p. 8.

³⁵ Ibid, p. 8.

³⁶ Ibid, p. 8.

³⁷ Ibid, p. 9.

³⁸ Ibid, p. 9.

³⁹ Ibid, p. 9.

⁴⁰ Ibid, pp. 9–11.

bread of the Sacrament, to remove images from Churches [...].⁴¹ Truly, Lutheranism has adhered to the Catholic doctrine of real (corporal and not merely spiritual) presence, the dogma of *realpraesentia*, even if replacing transubstantiation with consubstantiation. Fair enough, not unlike Anglicans, they retained many of the Catholic “images” in church interiors.

Baillie than accuses the Anabaptists of the other extremity of “intemperate zeal”.⁴² Let us remember, for Luther himself Anabaptists were “*Schwärmer*”, i.e. zealots. “Both those bitter roots were quickly transplanted from Germany to England”.⁴³ On the one hand Baillie makes the assertion that Thomas Cranmer⁴⁴ and others rather followed Luther than Calvin, Bucer, or Martyr”.⁴⁵ On the other hand, “the Lineants of Anabaptism are clear and distinct in the face of Brownism”.⁴⁶ This remark made here by Robert Baillie is highly contestable. Nevertheless, he claims the following: “the ordinary running over of Separatists to the Anabaptists, demonstrates clearly enough who were their fathers of all, and who are their best bellowed Brethren this day”.⁴⁷ On pages 13–20 Baillie enumerates the Brownist leaders: “The first Separatist I read of was one Bolton [...]” of whom he mentions that he hanged himself.⁴⁸ Than he makes mention of the name-giver of the group, Robert Browne as “Brown, the second leader of the way, recanted Schism, and to his death was a very scandalous person”.⁴⁹ There is no need to reiterate all the names of the Brownist Separatist leaders whom he mentions one after the other, certainly recalling their voyage to the Netherlands and dismissing them all as wicked and erroneous persons.

In Chapter II on “the Doctrine of the Brownists” he correctly remarks that concerning “the Constitution of the Church [...] the Church of England, they say it ought not to be called a Church”.⁵⁰ Consequently, “[...] all Communion with her even in the Word and Prayer, is to be forsaken”.⁵¹ To make matters worse, “Concerning other Reformed Churches [...] they pronounce their Worship to be idolatrous, their Government tyrannous and Antichristian [...]

⁴¹ Ibid, p. 11.

⁴² Ibid, p. 11.

⁴³ Ibid, p. 11.

⁴⁴ The first Protestant Archbishop of Canterbury executed under Queen Mary (Tudor).

⁴⁵ BAILLIE 1646. p. 11.

⁴⁶ Ibid p. 12.

⁴⁷ Ibid, p. 13.

⁴⁸ Ibid, p. 13.

⁴⁹ Ibid, p. 14.

⁵⁰ Ibid, p. 20.

⁵¹ Ibid, p. 21.

that the Reformed Presbyteries and Synods are no better then the English Episcopacy [...]”⁵² *Horribile dictu*, they even dare to criticize Calvin.⁵³ True indeed, they did criticized him and disagreed with him for his acceptance of all the former Catholics to the new Reformed Church in Geneva.

Regarding other aspects of Brownism, Robert Baillie mentions among others that each member of their congregations is allowed to preach loudly,⁵⁴ that sometimes they partake in the two Sacraments without a minister,⁵⁵ It occurred that somebody baptized himself, they are forbidden to utter the names of the week, these having pagan origins,⁵⁶ they even dismiss the word “Sacrament” calling it idolatrous.⁵⁷ Interestingly, however, the Lord’s Supper is administered every Sunday yet without preparation sermons.⁵⁸ One must note here that originally Calvin did recommend the daily but at least weekly administration of the Lord’s Supper⁵⁹ and the preparation sermons lasting normally a week before the Sunday when the Lord’s Supper is administered, have become a crucial part in Scottish Presbyterianism.

Baillie mentions it as a shock that the Brownists sit to the Lord’s Table with their hats on,⁶⁰ make no use of any catechisms, disregard the Apostolic Creed and deny the descendance of Christ to Hell.⁶¹ What is most important, however, from the point of view of our investigation, is the following: “[...] their great Tenet about the Magistracy is this; That no Prince nor State on the earth hath any Legislative power; That neither King nor Parliament can make any Law in anything that concerns either Church or State. That God alone is the Law-giver, that the greatest Magistrate hath no other power, but to execute the Laws of God set downe in Scripture, that the judiciall Law of Moses binds at his day all the Nations of the world [...]”⁶² These tenets of the Brownists as Baillie calls them need no comment in view of what we have written earlier in this article. It is furthermore interesting that Baillie remarks

⁵² Ibid, p. 21.

⁵³ Ibid, p. 21.

⁵⁴ Ibid, p. 25.

⁵⁵ Ibid, p. 26.

⁵⁶ Ibid, p. 28.

⁵⁷ Ibid, p. 29.

⁵⁸ Ibid, p. 30.

⁵⁹ The fact that this did not set root in Calvinist Reformed Churches is a clear evidence of Ulrich Zwingli’s influence on “Calvinism”. The Reformer of Zurich, as it is well-known, opted for the teaching of memorialism based on Jesus’s Words: “Do this in memory of me”. Zwingli’s dispute with Martin Luther in Marburg is also a generally known event in ecclesiastical history.

⁶⁰ BAILLIE 1646. p. 30.

⁶¹ Ibid, p. 30.

⁶² Ibid, p. 31.

that the Separatists name all “worldly” science idolatrous, would close all schools,⁶³ and prohibit the reading of any other book for preachers but that of the Bible.⁶⁴ From the end of page 32 to page 52 the reader can find “Testimonies” of the Brownists which all are meant to support Baillie’s stand and none of which can be discussed here as it would by far overstep the frameworks of this article.

Page 53 is the beginning of Chapter III bearing the title “The Original and Progresse of the Independents and of their Carriage in New-England”. It is remarkable that the discussion of the separating Independents, i.e. the Brownists preceded that of the non-separating ones. The reasons for this must be that Robert Baillie did not share the view of modern Church historians as regards the relations and origins of Independency and “Separatism”.

Also, it is conspicuous that Baillie asks the pardon of Congregationalists (consequently called by him Independents) for calling them a sect.⁶⁵ The main problem for Baillie is that Independents are present “in the Houses of Parliament in London, in the Army, and in the City and Countrey-Committies”.⁶⁶ This does not take us by surprise in the Cromwellian era. Yet it is surprising and, much more significantly, incorrect in view of modern historiography, that Baillie writes the following sentence about Independents (Congregationalists): “Concerning their Originall; The Separatist were their Fathers”.⁶⁷ Earlier in this article we tried to refute this assertion. What is striking is that Baillie right at once connects Independents to America by saying that a part of Independents “did carry” [the teachings of the Separatists] “over to Plymouth in New-England”.⁶⁸ All this is true of the Bradford-group, the aforementioned Pilgrim Fathers of 1620 but Baillie here clearly misses the line of descent. Interesting is his claim that “Here” [in America] “it was when that new way begin first to be dangerous to the rest of the World”.⁶⁹ The expression “rest of the world” is very much recalling the American mission-consciousness treated by us above.

Concerning the New World Baillie mentions a number of names (e. g. Cotton, Hutchinson, Hooker, Davenport), some of whom I discussed in my

⁶³ Ibid, p. 32.

⁶⁴ Ibid, p. 32.

⁶⁵ Ibid, p. 53.

⁶⁶ Ibid, p. 53.

⁶⁷ Ibid, p. 53.

⁶⁸ Ibid, p. 54.

⁶⁹ Ibid, p. 55.

article back in 1996.⁷⁰ What interests us more here is the way Baillie criticizes New England Congregationalists. He makes the claim that they call the overwhelming majority of Christians pagans,⁷¹ they refuse to administer the Sacraments to many members of their own (sic!) congregations, saying that they are not “regenerates”.⁷² Baillie says that he hoped that the Puritans in America would open the way to conversion for the “poor Indians” but “the principles and practice of the Independents doeth crosse this blessed hope”.⁷³ They only preach to their own congregations,⁷⁴ and “Of all that ever crossed the American Seas they are noted as most neglectful of the work of conversion.”⁷⁵ Furthermore, “they did avow openly the personall inhabitation of the Spirit in all the godly, his immediate revelations without the Word; and these as infallible as Scripture it selfe.”⁷⁶ On the basis of what we do know of New England non-separating Congregationalism, especially in Boston, the “New Jerusalem”, these are correct remarks.⁷⁷ Baillie says that the Independents hold that the human body of Christ is not in Heaven but in the Church.⁷⁸ The “*corpus mysticum*” evidently comes here to our mind.

Baillie regards it as a dangerous self-assurance that they look on themselves as the only “Saints” on earth while referring to everybody else as Papist, idolatrous and the avowed enemy of the Gospel.⁷⁹ Instead of making the futile and superfluous attempt to go over to the “Testimonies” that are meant to buttress Baillie’s claims on pages 65–75, let us make a brief clarification of what Boston Independents did hold about “regeneration”. Perhaps the greatest scholar of New England Puritanism, Perry Miller does not attribute “orthodox Congregationalism” to New Plymouth, i.e. to the Separatists but to Boston.⁸⁰ Indeed, it is strange that while all Puritans shared the view of the distinction of the visible and invisible Church of Christ and the Brownists denied that the Church of England as a visible Church could

⁷⁰ Bálint RADÓ, ‘Az új-angliai kongregacionalisták vitái az ó-angliai egyházértelmezések tükrében’, [The Disputes of New England Congregationalists in the Light of Old England Concepts of Ecclesiology] In: *In Memoriam Barta Gábor. Tanulmányok Barta Gábor emlékére*. Ed. I. LENGVÁRI, Pécs, 1996. 309–322. (hereafter: RADÓ 1996)

⁷¹ BAILLIE 1646. p. 59.

⁷² *Ibid*, p. 60.

⁷³ *Ibid*, p. 60.

⁷⁴ *Ibid*, p. 60.

⁷⁵ *Ibid*, p. 60.

⁷⁶ *Ibid*, p. 61.

⁷⁷ RADÓ 1996. p. 318.

⁷⁸ BAILLIE 1646. p. 61.

⁷⁹ *Ibid*, p. 62.

⁸⁰ Perry MILLER, *The New England Mind*. Boston, 1963. pp. 379–380.

ever approximate the real, the invisible one, and it was them who first demanded that only “saints” possessing *fides salvificans* can be Church-members, finally, the precondition of the “saving faith” was demanded by non-separating Puritans of Massachusetts whom Robert Baillie calls Independents. In this procedure the Antinomian controversy played a key role, in New England linked to the name of Anne Hutchinson, finally, in 1637 banned from Massachusetts. Hutchinson had adhered to John Cotton, the minister of the “First Church” of Boston. Cotton’s idea was that in the course of conversion, regeneration, humans are just as passive as at their birth, at generation. He was attacked by the theologian of Connecticut, Thomas Hooker.⁸¹

Antinomianism could only be overcome by making the assertion that the *certitudo salutis* is possible, even if candidates for Church membership might sometimes be unsure of their own, personal salvation. New England divinity maintained that there was a certain “Church Covenant”, hence the names “Covenant or federal theology”. This meant that provided that the persons of the “Covenant of Grace” in Christ can mutually demonstrate their “saving faiths”, they are “Saints” and can form a congregation. They are a Church, the Church, as matters stand. It is then these Church-members’ exclusive right to decide whom they receive after having searched for the candidates’ *fides salvificans*. In 1679, John Cotton Jr. described this rather unique, particular and strange procedure.⁸²

Calvin and the Presbyterians had not found anything in the Holy Scriptures to justify a procedure like this. Their standpoint has been a brilliant counterpart of the ideas of those who called themselves “Saints”. Calvin and his followers abhorred elitism which restricted Baptism and the Lord’s Supper, and even Church-membership. The sectarian character of many New England groups became obvious. We can share Robert Baillie’s firm estimation that telling a sect from a Church is much more than a subjective feeling. Abstract measures do exist.

On page 75 Chapter IV starts under the title “The Carriage of the Independents in Holland, at Rotterdam, and Arnhem”. Here Baillie writes about their first leader in Rotterdam, Peters, of whom he remarks that that Cotton sent him letters from New England and then Peters himself sailed to America being replaced by Ward and Bridge from Norwich.⁸³ Baillie mentions that these Independents could not attract a single, definitely

⁸¹ “The Soules Preparation for Christ” (1632) and “The Unbeleevers Preparing for Christ (1638)

⁸² Colonial Society of Massachusetts, Publications, XXII. 1920. 145.

⁸³ BAILLIE 1646. p.75.

Presbyterian, Dutchman.⁸⁴ He also makes the not unimportant remark that these Independents dismiss both the Parliament and the National Synod.⁸⁵ Here, again, State and Church authorities are set next to one another.

What is more, Baillie accuses them of the claim that God can be acknowledged without the Scriptures and Christ.⁸⁶ He calls it sheer Popery and a nonsense.⁸⁷ In fact, let us add, Catholicism does hold that the existence, greatness and the love of God can be acknowledged from nature, from the Creation. Yet Baillie, and many other Protestants, went off the target by saying that this is what made no sense at all. Catholicism has always referred to the *inscripta nobis, imprinta nobis* Law of Nature which is the Light of Jesus Christ "at the bottom of everyone's heart". As a matter of fact, it is the "inherent Bible".⁸⁸ Also, Baillie mentions that the English Independents in Holland sometimes use "the Extreme unction", of which he abhorres.⁸⁹ Actually both Latin and Eastern Christianity find a Biblical passage for what is nowadays called the "Sacrament of the Sick".⁹⁰

Again, "Testimonies" follow, from page 82 to page 101. After these the numbering of the chapters is false, as Chapter IV is followed by Chapter VI. This has the title "An Enumeration of the common Tenets of the Independents". It is remarkable how Baillie argues here. As the Brownists dismiss the Church of England, the Independents refuse all communion with other Reformed Churches.⁹¹ This claim of Baillie is simply untrue. First, Brownists disacknowledged all other Churches but their own whereas the Independents did accept the Church of England as a true Church. What is logical in Baillie's reasoning is that he asks the question why the Independents left Anglicanism.⁹² Our answer is very simple and just as logical: because of the Catholic elements in the liturgy of the Established Church. Robert Baillie treats the Covenant idea of New England Independents⁹³ we have just discussed and we will still have to treat in brief.

Thereafter he goes on to the examination of the liturgical practices of the Independents. He disagrees with Cotton's view that the congregation is

⁸⁴ Ibid, p. 75.

⁸⁵ Ibid, p. 78.

⁸⁶ Ibid, p. 80.

⁸⁷ Ibid, p. 80.

⁸⁸ Cf. Romans 2,14-15

⁸⁹ BAILLIE 1646. p.81.

⁹⁰ James 5,14

⁹¹ BAILLIE 1646. pp.103-104.

⁹² Ibid, p. 104.

⁹³ Ibid, pp 105-111.

above the group of elders.⁹⁴ Baillie enumerates the points of Independent practice he is virtually horrified by. In London, for instance, private men often celebrate the Sacraments.⁹⁵ Is worthy of note here that he resorts to the Catholic turn of speech “celebration”. Also, he mentions, Independents, as we have seen, hold Church councils but without any jurisdictional consequence.⁹⁶ Everyone is allowed to form an opinion about the “Churches of the World”.⁹⁷ Marriage is conducted in the presence of worldly magistrates.⁹⁸ Actually, this is a practice of today’s Southern Baptist and Methodist Churches in the “Bible Belt” of the United States, let us add here. Just like Brownists, the Independents do not pronounce the names of the days and months and insist on the prohibition of holding Church gatherings in church buildings which had been Catholic before.⁹⁹ They never ever use the Bible in their sermons, just to emphasize spontaneity.¹⁰⁰ The sermons are followed by prophesying after which the members of the congregation can ask the Preachers and the “Prophets” doctrinal questions.¹⁰¹

What Baillie, however, has no objection to is that unlike Brownists the Independents do have set prayers in their services and during the worship they recite the Lord’s Prayer.¹⁰² He finds it especially great that the Independents regularly pray for the King and the Church.¹⁰³ Whereas Brownists take the Lord’s Supper in the morning, they do so in the evening.¹⁰⁴ However, Baillie mentions it with complete disagreement that Independents are willing to take the Lord’s Supper with Brownists and Anabaptists while decline any kind of intercommunion with all other Reformed Churches.¹⁰⁵ After the service any member of an Independent

⁹⁴ Ibid, p. 110.

⁹⁵ Ibid, p. 111.

⁹⁶ Ibid, p. 112.

⁹⁷ Ibid, p. 114.

⁹⁸ Ibid, p. 115.

⁹⁹ Ibid, p. 116.

¹⁰⁰ Ibid, p. 118.

¹⁰¹ Ibid, p. 118.

¹⁰² Ibid, p. 119.

¹⁰³ Ibid, p. 118.

¹⁰⁴ Cf. the changes in the Catholic Church: the partaking of the Holy Eucharist in the morning worship is justified by the Resurrection of Christ whereas the administration of the same Most Blessed Sacrament in the evening recalls the Last Supper. After the Second Vatican Council all restrictions in this matter have been abolished.

¹⁰⁵ BAILLIE 1646. p. 120.

congregation can utter his or her view, which for Baillie is identical with “destroying of the State both Civil and Ecclesiastick”.¹⁰⁶

Once again we encounter the interrelation of the Church and State. Robert Baillie is practically shocked by the Independents’ idea that the secular magistrates have no word in the ecclesiastic matters.¹⁰⁷ Moreover, neither the “Prince nor the State” can pass secular laws, let alone Church ones.¹⁰⁸ For them, just like for orthodox Jews today, we can add, the only secular law is the Mosaic one.¹⁰⁹ Therefore, Robert Baillie’s conclusion is that “Independency [is] much more dangerous then Brownisme.”¹¹⁰

After the “Testimonies”, mainly taken from John Cotton’s writings between page 130 and 154, Chapter VII is inaugurated as “It is unjust scrupulosity to require satisfaction of the grace of every Church-Member”. In this question, Baillie states, and indeed, as we have seen in details, they, i.e. the Independents (Congregationalists) by far surpass the Brownists.¹¹¹ It is just natural and evident that Baillie writes the following about the Independent tenets: “[...] their Tenet about the qualification of members, is the great cause of their separating from all the Reformed Churches.”¹¹² This separation from Calvinism is appalling for Baillie, as we have seen. He, being a strict Calvinist (Presbyterian) kind of admired the great Genevan Reformer. Quite on the contrary to John Calvin’s teaching Independents hold that “all Magistrates are Corrupt”, just like other Reformed Churches.¹¹³ They (i.e. the Independents) find it absurd to allow “anybody” in the Reformed congregations.¹¹⁴ Baillie gives an accurate answer to this: neither Moses nor the Prophets dismissed their own people.¹¹⁵ Robert Baillie’s, quite convincing, argument in this matter is that no visible congregation can ever be perfect and, therefore, perfectly “clean”.¹¹⁶ Congregationalists demand the immediate dissolution of all Reformed Churches, including that of the Donatists,¹¹⁷ and it is their firm stand that all communion with, in their own

¹⁰⁶ Ibid, p. 123.

¹⁰⁷ Ibid, pp 126–127.

¹⁰⁸ Ibid, p. 128.

¹⁰⁹ Ibid, p. 128.

¹¹⁰ Ibid, pp 129–130.

¹¹¹ Ibid, p. 154.

¹¹² Ibid, p. 155.

¹¹³ Ibid, p. 155. It is widely known how important the magistrates were for Calvin.

¹¹⁴ Ibid, p. 156.

¹¹⁵ Ibid, p. 157.

¹¹⁶ Ibid, p. 159.

¹¹⁷ 4th-century Christian sect named after their chief ideologist, Donat, bishop of Carthage. They believed in the possibility of immaculate holiness and perfection in this world. Ibid, p. 162.

words, “communities falsely called Churches” must be refused.¹¹⁸ Baillie also makes the claim that the few whom they do baptize are adults, they simply do not practice infant baptism.¹¹⁹ It is well known how vehemently Calvin fought for infant baptism arguing with Christ’s Word: “Let the children come to me”.¹²⁰ This must be the main reason for Baillie almost to equate Independents and Anabaptists.¹²¹ On pages 165–167 the author ridicules the Independent’s belief that they are “God’s only Elect”, the only true believers and “Saints”.¹²² They hold, so Baillie, that “God receives none to be members of the visible Church, but those who shall be saved: but the Stewards of Gods house may receive none but whom God doeth receives: *Ergo*, the Stewards of Gods house may receive none to be members of a visible Church but those who shall be saved.”¹²³ The Presbyterian minister gives an astonishingly good answer to this Independent practice: even the traitor, Judas Iscariot was elected by Jesus.¹²⁴ It is difficult to imagine how his polemicists could have retorted. Still Baillie continues, in the Independent practice only those “appearing” in the “wedding robe”¹²⁵ can be accepted as Church-members¹²⁶ Sinners can be no members of the Church of Christ – to which Baillie gives the obvious reply that Christ himself regularly ate with them.¹²⁷

Robert Baillie does not forget the Old Testament times, either by claiming that “Legall uncleanness did never hinder any from Church membership under the Old Testament, albeit for a time it might impede their fellowship in some services.”¹²⁸ Perhaps in order to connect the Old and New Testaments, he refers to the “linking figure” between the two, John the Baptist while refuting the Independent idea that Jesus’ immediate forerunner refused to

¹¹⁸ Ibid, p. 163.

¹¹⁹ Ibid, p. 164.

¹²⁰ Mark 10,14

¹²¹ BAILLIE 1646. p. 164.

¹²² Ibid, pp. 165–167.

¹²³ Ibid, p. 168.

¹²⁴ Ibid, p. 169.

¹²⁵ Evidently a reference to Matthew 22,1–14, a Biblical passage often misunderstood even today after all, the people in the streets could have no idea in advance that they would be “forced”, i.e. cordially invited to the wedding feast, thus they clearly did not wear a wedding robe. These were offered by the janitors in the Middle East tradition as a kind of a uniform, so that nobody could boast. This is what Jesus refers to when he says hard words (“[...] and the gnashing of teeth”) about a person who refused to put on the robe. This is a good example, actually, how dangerous and the misleading it can be if the Biblical text is torn off from its Church context in which it was written.

¹²⁶ BAILLIE 1646. p. 170.

¹²⁷ Ibid, p. 171.

¹²⁸ Ibid, p. 172.

baptize the Pharisees.¹²⁹ Yes, he said harsh words about them but “all” he demanded of them was the repentance of their sins.¹³⁰

At this point we need to stop for a while. Robert Baillie a distinguished minister of the Church of Scotland i.e. the *Kirk* was a Covenanter himself. After all, this is what they signed in downtown Edinburgh early in 1638. This Covenant can justly be regarded as their self – identity as Presbyterian Scots. Church and State were though separate yet in the Covenant they sort of intrinsically intertwined.

The Covenant preached by New England Congregationalists was completely different from this. They distinguished the Old Testament Covenant of Works, the New Testament Covenant of Grace, and, finally, as a third level, their own Church Covenant. Presbyterian leaders started to direct voluminous pamphlets against New England Congregationalists charging them with schism. Presbyterians certainly clung to the ideal of a comprehensive Calvinistic Church. The original Calvinist idea evidently underlined the significance of the community of the elders and the synods as the guarantee of doctrinal unity. The heart of New England Church theory was the Church Covenant. Regenerate people, their theory ran, acquired a liberty to observe God’s will and when a company of them congregated, they could satisfy each other that they are people of faith. Each society was an autonomous unit and no synods or assemblies had any power to dictate a “holy congregation”. The members, from whom the Church originates, perpetuate it by receiving into the fellowship those whom they judged to be within the Covenant of Grace. Presbyterians, on the other hand, preached the theological Covenant. A Church, they said, must include the whole nation, everyone living under one civil government.

Chapter VII in Baillie’s work is “Concerning the right of Prophesying”. This was another issue of crucial importance in the debates between Presbyterians and Congregationalists. Baillie writes that according to Calvin’s Genevan principle and practice it is only two of the four Church orders conceived of by the great Genevan Reformer, i.e. the ministers and the doctors, who are entitled to preach.¹³¹ Contrarily, in Independency, all the Church-members have the right to do so¹³² claiming that Christ combined preaching with sermonizing.¹³³ To this Robert Baillie gives the answer that

¹²⁹ Ibid, p. 173.

¹³⁰ Ibid, p. 173.

¹³¹ Ibid, p. 174.

¹³² Ibid, p. 174.

¹³³ Ibid, p. 175.

the latter right was only given to the apostles and their successors by Jesus Christ.¹³⁴ By referring to 1 Timothy 5,17¹³⁵ as well as Titus 1,5¹³⁶ on pages 178–180 Baillie refutes that the prophesyings causing, let us add here, so many calamities and even further dissents in Massachusetts, are allowed for every Church-member. Quite on the contrary, “The Apostle [only] speaks of the Preaching of men in Office.”¹³⁷

This chapter is not followed by any “Testimonies” but immediately (with an obvious misnumbering) Chapter IX comes under the title “Whether the power of Ecclesiastick Jurisdiction belongs to the people or to the Presbytery”. One must not regard the fact that perhaps Roman Catholicism (“Popery” for Baillie) is the only branch of Christianity where the jurisdictional question has unanimously been solved. One cannot be taken by surprise that Presbyterians on the one hand and Independents (Congregationalists) on the other, did differ on this vital issue, at least vital from the point of view of Church governance.

First and foremost, Baillie defines that the following tasks and rights belong to “the company of Elders, and Colledge of Church Govenors in all reformed Churches:” “[...] the admission of Members into a Church, their casting out again by Excommunication, their reconciliation after repentance, the Ordination of Officers, the Deposition from charge, the determining of Questions and the deciding of Controversies, and such other acts of Ecclesiastick authority.”¹³⁸ Here, one has to see clearly that the authority of presbyteries is at stake. Baillie, correctly, ascribes the total disagreement with the points enumerated by him above to Brownists and Independents alike.¹³⁹ Although he mentions that the Independents speak of a “mid-way” (i.e. mixed) government in their congregations, that is the combined government of Church officers and Church-members,¹⁴⁰ he must come to the sad conclusion that in practice Independents do not insist on the mixed government: “[...] their Ordination of Officers, their admission of Members are done ordinarily by their people alone.”¹⁴¹ This means by the members of the congregations and not even in an agreement and with the consent of the presbyteries, the group of elders. The Scottish Presbyterian Robert Baillie

¹³⁴ Ibid, p. 175.

¹³⁵ Ibid, p. 176.

¹³⁶ Ibid, p. 177.

¹³⁷ Ibid, p. 179.

¹³⁸ Ibid, p. 181.

¹³⁹ Ibid, p. 181.

¹⁴⁰ Ibid, p. 182.

¹⁴¹ Ibid, p. 182.

denounces this practice and maintains that “[...] the people are *not* the Governors of the Church. But the acts of Ecclesiasticke Jurisdiction belong to the Governors of the Church; *Ergo*, the acts of Ecclesiasticke Jurisdiction belong not to the people.”¹⁴² It goes without saying, definitely not in a Catholic way, he writes: “[...] whosoever hath the power of Ecclesiastic Jurisdiction, to them the Lord hath given the Keyes of Heaven for the remitting and retaining of sinnes. But to none *of* the people the Lord hath given these Keyes.”¹⁴³ Than he adds that “The people are not the eyes and ears of Christs body for so all the body should be eyes and ears.”¹⁴⁴ His conclusion is that “[...] the popular government brings in confusion, making the feet above the head”¹⁴⁵ and “the people have not the power of Ecclesiastick Ordination.”¹⁴⁶ If they had it, the Church would simply be in the state of complete anarchy as Church-members could not devote enough attention and time to their everyday work to earn their own and their families’ living.¹⁴⁷ Yes indeed in Athens, Rome and Holland (!) people had and have the final authority, yet only through their officers representing them.¹⁴⁸

From a Catholic perspective it deserves much interest when the Presbyterian Robert Baillie dismisses the tenet of the Independents that Christ gave Peter the power of Keys for his profession (in Protestant terminology confession) of faith and therefore to all the believers.¹⁴⁹ Baillie remarkably writes that (St.) Peter received this authority from Christ as the Redeemer’s apostle and presbyter.¹⁵⁰ As a member of the Scottish *Kirk* it could hardly have been Baillie’s intention to defend the Catholic position, yet, in his controversy with the Independents, he came quite close to how “Rome” has always interpreted the “power of Keys”.

On pages 191–195 Robert Baillie comes forth with a number of Independent claims for the authority of all Church-members, that is the “regenerates”, the “Saints”. These are all supposed to buttress the Independent view and practice of immediate Church government of

¹⁴² Ibid, p. 183.

¹⁴³ Ibid, p. 184.

¹⁴⁴ Ibid, p. 184.

¹⁴⁵ Ibid, p. 185.

¹⁴⁶ Ibid, p. 186.

¹⁴⁷ Ibid, p. 187.

¹⁴⁸ Ibid, p. 187.

¹⁴⁹ Ibid, p. 189.

¹⁵⁰ Ibid, p. 190.

Church-members. These are Col. 4,17¹⁵¹, Revelations 2,14–20¹⁵², Galatians 5,1–13.¹⁵³ Baillie, as can be expected of him, one after the other refutes and denounces these, attributing the jurisdictional rights to the elected group of elders of the given congregation. Calling the immediate authority of Church-members a mere nonsense¹⁵⁴ he concludes this chapter, omits the “Testimonies” again and goes on to Chapter X which bears the title “Independency is contrary to the word of God”. The title itself indicates that this is meant to be a final blow against Independency, sort of summing up the points of their dissent, verily, their schism, as we have seen before.

Conspicuously interesting and remarkable is Robert Baillie’s assertion that ever since the original sin happened, God destined people for community life, in fact, because of their evident and in evitable inclination for sinning. Without uttering anything on the “*status naturae*” of which Calvin held that “*in statu naturae*”, i.e. in the state after Creation human free will was as strong as to retain eternal life, Baillie, the Calvinist, attributes the complete loss and forfeiture of free will after the Fall, so thereafter sin becomes unavoidable. Christ is the only and exclusive Saviour via *heterosoteria*. Nonetheless, this is not what primarily exercises Baillie’s mind here. He is rather more interested in the government of people after the Fall, and this he presents, in an Augustinian vein. Let us remark, there is nothing strange in the fact that he chooses St. Augustine instead of e.g. St. Thomas of Aquinas. Protestants have always had a preference for Augustine and for his rather negative view of humanity as a “*massa damnata*”. Whereas for Thomas the state is a natural phenomenon, and, therefore, good in itself, good because natural and necessary, for Augustine it was a necessary evil. This latter (chronologically earlier) view is shared by Baillie. He mentions that this notion for the need for human government, whether Church or State was first disregarded by the Anabaptists,¹⁵⁵ than by the Dutch Hugo Grotius, i.e. de Groot, whose Remonstrant-Arminian standpoint he must have been very familiar with. Baillie hated Arminianism¹⁵⁶ and there is no reason to believe that he failed to pay proper attention to the Synod of Dort where Grotius played an important role and at the end of which he was imprisoned for his views on the nature of predestination.

¹⁵¹ Ibid, pp. 191–192.

¹⁵² Ibid, p. 193.

¹⁵³ Ibid, pp. 194–195.

¹⁵⁴ Ibid, p. 195.

¹⁵⁵ Ibid, p. 196.

¹⁵⁶ Cf. N. R. N. TYACKE, ‘Puritanism, Arminianism and counter-revolution’, In: C. RUSSELL (ed.), *Origins of the English Civil War*. Oxford, 1983. pp. 25–42.

Than the author mentions both the Independents and the Brownists, who share the negligence of the Anabaptists and the, let us make clear, Calvinist Grotius.¹⁵⁷ Turning to Church communities, Baillie gives significant definitions: a parish equals a congregation which is a “a company of faithfull people”.¹⁵⁸ “A *Presbytery*, as it is called in Scotland, or a *Classis* in Holland, or a *Colloque*, as in France, is an ordinary meeting of the Pastors of the Churches nearby neighbouring, and of the ruling Elders deputed there from.”¹⁵⁹ A *Synod*, is a convention of Pastors and Elders sent and deputed from diverse Presbyteries.”¹⁶⁰ Based on what we can read in Timothy 4,14, Baillie makes clear: “The single congregations are not Independent”¹⁶¹ and elsewhere, “ordination belongs to the Presbytery”.¹⁶² In his argument the Apostle Paul left no doubt whatsoever that “[...] the gift, office, and grace of Preaching the Gospel was conferred on Timothy by laying on of the Presbyteries hand.”¹⁶³ Therefore, “Only Pastors lay hand on Pastors”.¹⁶⁴ Thereby Baillie describes the essence of Apostolic succession. It is a further consequence that “No single Congregation exerciseth ordinarily all acts of Ecclesiastick Jurisdiction.”¹⁶⁵ One of Robert Baillie’s chief points of argument is when he refers to Matthew 8: “the subordination of fever to more appointed by Christ means that [...] a Parochial Church is subordinate to a Presbyterial: for a lesser Church is subordinated to a greater [...]”.¹⁶⁶ He accuses the Independents of a demolishing the evident and logical structure of the Church.¹⁶⁷ To support this, he recalls the “inner” schisms of Brownists and Independents among themselves.¹⁶⁸ Also, he says that “[...] the Government of the Scottish Church by Synods, Presbyteries and Sessions sworne and subscribed of old and late by that Nation in their solemne Covenant, the same discipline of the Churches of France, Holland, Switz, Geneva, as also the Polity of the High Dutch and English, and all the rest who are called Reformed, is turned upside down by Independency [...]”.¹⁶⁹

¹⁵⁷ BAILLIE 1646. p. 197.

¹⁵⁸ Ibid, p. 198.

¹⁵⁹ Ibid, p. 198.

¹⁶⁰ Ibid, p. 199.

¹⁶¹ Ibid, p. 199.

¹⁶² Ibid, p. 199.

¹⁶³ Ibid, p. 200.

¹⁶⁴ Ibid, p. 201.

¹⁶⁵ Ibid, p. 202.

¹⁶⁶ Ibid, p. 209.

¹⁶⁷ Ibid, pp. 210–211.

¹⁶⁸ Ibid, pp. 212–214.

¹⁶⁹ Ibid, p. 215.

By “all the rest” he can have meant the Hungarian Calvinist Reformed Church as well. So his accusation of the Independents is extended to a number of Reformed Churches where this tendency was not present at all. What is more, Hungarian Calvinism was already a combination of Episcopal and Council-Presbyterian models.

From the Acts 5,20 Baillie underlines that “It seemed good to the Apostles elders and whole Church”.¹⁷⁰ Henceforth further Biblical passages are referred to between pages 218 and 222. The summary of these is given by Baillie in maintaining the conviction that to elect a minister by the congregation and to ordain him by other pastors are to basically different events.¹⁷¹

As this chapter is not followed by any “Testimonies” either, the last one is inaugurated under the title “The thousand years of Christ his visible Reigne upon earth is against Scripture.” Here Baillie definitely thinks of Chilialism and calls the “Saints”, i.e. the Independents against whom he writes his polemic work Chilialists.¹⁷² He asserts that “Christ from his Ascention to the last Judgement abides in Heaven”¹⁷³ and “[...] is sitting at the right hand of God till the day of Judgement”.¹⁷⁴ It is understandable that Baillie finishes his treatise with the discussion of eschatological questions. While between pages 229–235 he treats this rather sophisticated theological area, on page 236 he refutes the Independent “sainthood” once and for all: “Our Chiliasts are inventors of a new heaven and hell [...] “ whereas “[...] the Kingdome of Christ is Spirituall like his Priesthood [...]”.¹⁷⁵ Christ is eternal, he cannot be measured in and confined to one thousand years.¹⁷⁶ The rest of this concluding chapter abounds in Biblical passages from the Old and New Testaments, especially and naturally enough, from the Book of Revelations.¹⁷⁷ Before putting the closing word “FINIS” at the end of his writing he thus dismisses the arrogant and elitist view of the earthly, “visible Saints” propagated by New England Independents.

This political treatise by Robert Baillie was written in what is called in ecclesiastical history “the age of confessional orthodoxies”. Just to mention the most significant documents, Lutherans with Philip Melanchthon’s

¹⁷⁰ Ibid, p. 217.

¹⁷¹ Ibid, p. 222.

¹⁷² Ibid, p. 224.

¹⁷³ Ibid, p. 226.

¹⁷⁴ Ibid, p. 227.

¹⁷⁵ Ibid, p. 236.

¹⁷⁶ Ibid, p. 237.

¹⁷⁷ Ibid, pp. 237–250.

Confession Augustana, Calvinists with the Catechism of Heidelberg, Catholics with the decisions of the Council of Trent, Anglicans in the *Reformatio Legum Ecclesiasticarum*, all put down their confessional tenets. To these they each adhered with extreme fervour in the 17th century as well, understandable in the period of complete confessional upheaval when each of these “orthodoxies” were under constant attacks from other “orthodoxies”. 20th-century ecumenism was definitely still a very long way ahead.

Also, the polemical writing was written in the midst of the Civil War, justly called and referred to as “the Religious Wars of the British Isles”, if we consider that the *apropos* of the outbreak of the Civil War was the Scottish military attack due to the enforced *English* Third Book of Common Prayer (of 1559), that “smacked of Popery”. Needless to say, England and Wales were very much involved in the war and the Irish could tell us stories about what they had to experience in those years, too ...

We must not overlook another aspect here, either. In the Marxist “cannon” Presbyterians were the “right wing” “revolutionaries”, Independents the “left wing” warriors. The real heroes for them are, it goes without saying, the Levellers and even more the Diggers. (Just like Thomas Münzer as opposed to Martin Luther in the former “GDR”.) Ever since this interpretation on the notion of the “English bourgeois revolution” – a term never ever used by any Anglo-Saxon historian infiltrated into the Eastern European minds, it is always shocking and provoking to a great number of people that these *confessional*, in many cases (certainly not considering the illustrated, rather peculiar New England “tribalism” here) merely *ecclesiological* divisions were primarily of religious and not of political character even if the Presbyterians, from the outbreak of the Civil War, undoubtedly showed much more inclination for agreement with the King. The polemical writ which has been examined here provides an excellent and outstanding proof that however much religious and political matters were interwoven, intertwined and interrelated, religion cannot be discussed as a mere footnote of political history in general. Political events did have their proper and obvious roots in old or contemporary ideas about religion and politics alike.

ANTONY LENTIN

Prokopovich, *Pravda* and Proof: Some Myths about *Pravda Voli Monarshei*

Abstract: Revisiting some conclusions advanced in his 1996 edition of *Pravda Voli Monarshei*, the author first considers the meaning of ‘*pravda*’ in the title of the work. He then reconsiders the doubts as to its authorship raised by James Cracraft in 1981 in his influential article ‘Did Feofan Prokopovich really write *Pravda Voli Monarshei*?’ (*Slavic Review*, vol. 40, No. 2, pp.173-93). Finally he examines the accepted belief, now current for almost a century, that Hobbes is a source of *Pravda Voli Monarshei*.

Key words: authorship and meaning of *Pravda Voli Monarshei*, Feofan Prokopovich, Statute on the succession (1722), Afanasy Condoidi, James Cracraft, Peter the Great, Peter II, Thomas Hobbes, Supreme Privy Council

The booklet (‘*knizhitsa*’)¹ of some 90 pages entitled *Pravda Voli Monarshei* is well known as the principal apologia of petrine absolutism. It was commissioned by Peter the Great and published at his order in December 1722 as a commentary on his imperial succession law promulgated in February of the same year. In this controversial edict Peter proclaimed the monarch’s right to bypass the customary line of succession by male primogeniture and to appoint as his successor whoever he thought fit, whether male or female, within or even outside the imperial family. Ironically, as we know, Peter himself never made use of the statute; but its immediate implications in terms of

¹ Earlier versions of this paper were given at the annual conference of the British Association of Slavonic and East European Studies at Fitzwilliam College, Cambridge, on 29 March and at the 8th International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia at Durham University, on 8 July, 2009. I am grateful to Professor Maureen Perrie for her comments.

¹ *Peter the Great. His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary. Pravda Voli Monarshei vo opredelenii naslednika derzhavy svoei*, edited and translated with an introduction and notes by A. LENTIN, Oxford, 1996. (hereafter: PVM), p. 124.

his radical extension of the imperial prerogative, and its repercussions across the eighteenth century, are undoubted, particularly in the years immediately after his death – under Catherine I in 1726, when *Pravda Voli Monarshei* was republished, and a year later under Peter II, when it was called in and proscribed.

In 1996, in an edition and translation of *Pravda Voli Monarshei*, I first raised the issues to be revisited here. A dozen years later, it seems a good idea to test my conclusions and see whether they still stand scrutiny. I re-address three vexed questions: (1) first, the question of authorship: who wrote *Pravda Voli Monarshei*? (2) second, a question of sources: did these, or did they not, include Thomas Hobbes? (3) third, what does the title mean, and more particularly what is the meaning of *Pravda*? Let us begin at the beginning with this question, troublesome but fundamental.

1. What does the title mean?

Pravda Voli Monarshei is an elusive title even in Russian, because of the wide ambit and ambiguity of the word ‘pravda’, meaning, variously, truth, law, right and justice.² What exactly is the word ‘pravda’ intended to convey here? The meaning of ‘pravda’ as law is familiar from such legal documents as *Russkaia Pravda*, the classic legal codex of Kievan Rus’. Hence Richard Wortman in *Scenarios of Power* (1995) calls *Pravda Voli Monarshei* ‘The Law of the Monarch’s Will’.³ The latest rendering, by Gary Hamburg in *The Cambridge History of Russia* (2006), is ‘Truth Concerning the Monarch’s Will’.⁴ James Cracraft, who knows more about the book than most, calls it ‘The Right [or Legitimacy] of the Monarch’s Will’.⁵ On the other hand, Nicholas Riasanovsky in *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (1992) translates it as ‘Justice of the Monarch’s Will’. So too do Jay Alexander and Hugh Ragsdale.⁶ Other modern references by English-speaking authors,

² See *Slovar’ russkogo iazyka XI–XVII vv*, Moscow, 1992.

³ R. WORTMAN, *Scenarios of Power in Russia from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, Princeton, N. J., 1995, (hereafter: WORTMAN, *Scenarios of Power in Russia*) p. 66.

⁴ Professor Hamburg understandably but inaccurately gives the title as ‘Pravda o voli monarshei’. *The Cambridge History of Russia*, vol. 2, *Imperial Russia, 1689–1917*, ed. D. LIEVEN, Cambridge, 2006, p. 118.

⁵ J. CRACRAFT, *The Petrine Revolution in Russian Culture*, Cambridge, N. J., 2004. (hereafter: CRACRAFT 2004) p. 66.

⁶ N. RIASANOVSKY, *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought*, New York, 1985, p. 8. J. T. Alexander renders ‘pravda’ as ‘justice’ in his translation of E.V. Anisimov, *The Reforms of Peter the Great. Progress through Coercion in Russia*, New York, 1993. p. 32. Cf. H. RAGSDALE, *The Russian Tragedy. The Burden of History*, New York, 1996. p. 54.

my own included, oscillate between 'truth' and justice'. In 1973 I called it *The True Law of the Monarch's Will*,⁷ and in 1996 – *The Justice of the Monarch's Will*.⁸

Can we be more precise, and pinpoint which of the overlapping variety of meanings is intended? An examination of contemporary renderings of the title would seem likely to be more material and more illuminating than modern versions. Western courts were acutely concerned about Peter's plans for the succession and their implications for western Europe, and western envoys in Russia were astute to inform their masters about the publication or republication of *Pravda Voli Monarshei*. Thus an unpublished diplomatic report of 1727 in the French archives renders *Pravda Voli Monarshei* as – *Le Droit de la Volonté du Monarque*.⁹ Another French source paraphrases it as *le droit du souverain à la nomination de son successeur*.¹⁰ Also in 1727, the British Resident at St Petersburg, Thomas Consett, who rightly refers to it as 'that special book',¹¹ translates it as *The Right of the Sovereign's Will to appoint the successor to his throne*.¹² The authorised German translation, published in 1724 by Ambrosius Haude, official publisher to the Prussian Academy of Sciences, is entitled *Das Recht der Monarchen in willkühriger Bestellung der Reichsfolge* – the legal right or entitlement of monarchs to dispose of the succession at their own freewill. The German title neatly encapsulates the idea of the sovereign right of monarchs to settle the succession, but it too is as much paraphrase as translation, relocating the force of 'volia' in the adjective *willkührig*. Contemporary versions, then, render 'pravda' as 'right' or 'law'. There is one known exception. In August 1723, eight months after the book's appearance in Russia, a close and accurate epitome of *Pravda Voli Monarshei* in Latin appeared in the monthly scholarly periodical *Acta Eruditorum*, published at Leipzig. The anonymous reviewer renders 'pravda' as 'justice', and the full

⁷ A. LENTIN, *Russia in the Eighteenth Century. From Peter the Great to Catherine the Great*, London, 1973, p. 42

⁸ PVM, pp. 5–6.

⁹ Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris, Correspondance Politique, Russie, vol. 20/193 (1727).

¹⁰ *La Première Catherine. Seconde Femme de Pierre le Grand. Notes et anecdotes sur Catherine I d'après un manuscrit inédit du 18e siècle*, ed. C. ZIEGLER, Paris, 1958, p. 79.

¹¹ *The Present State and Regulations of the Church of Russia*, translated by Thomas CONSETT, London, 1729, reproduced in *For God and Peter the Great. The Works of Thomas Consett*, ed. J. CRACRAFT, New York, 1982. (hereafter: *The Present State*) p. lii.

¹² *The Present State*, (see: note 11.) p. lii. Consett also describes the book as 'The Pravda or the Right of a Monarch to appoint a successor.' Consett to Lord Townshend, 17 July 1725. National Archives, Kew, State Papers 91/9/407–10. Cf. *The Present State*, p. 8.

title as *Justitia voluntatis monarchicae de successore constituendo* – ‘the justice of the monarch’s will in the appointment of his successor’.¹³

Which is it, then – truth, right, law or justice? To address this problem squarely, we should remember the work’s full title – *Pravda Voli Monarshei vo opredelenii naslednika derzhavy svoei* – i.e. literally, ‘The Truth (or law, or right or justice, or whatever it is) of the Monarch’s Will in the designation of the successor to his power, or his state, realm or throne’. I maintain that the particular connotation which ‘pravda’ is meant to convey is that of ‘justice’. The case for this is based on the internal evidence of *Pravda Voli Monarshei*. In the Foreword, or, as it is called, ‘Foreword to the Honest Reader’, we are told, paradoxically and somewhat disingenuously, that the book is not intended to serve as an apologia of Peter’s edict, because, so it says, the edict needs no defence. There is no doubt among jurists, it claims, either as to a monarch’s absolute right as a father to appoint his heir or as to his right as a monarch to the God-given unconditional obedience of his subjects by virtue of *Romans*, 13 – *The powers that be are ordained of God*. ‘A monarch’s statutes and laws’, the Foreword declares, ‘require no aid from scholarly arguments’.¹⁴ I call this disingenuous because, while ostensibly an exegesis or commentary on Peter’s statute, *Pravda Voli Monarshei* is in fact nothing less than a closely argued and exhaustive vindication of it. That indeed is its real and only purpose.

The fact is that Peter’s succession law, which overturned customary law as generally understood both in Muscovy and the west and put a startling new gloss on accepted notions of the divine right of monarchs, was highly political and highly controversial. It originated in Peter’s notorious exclusion of his eldest son, tsarevich Alexei, from the succession in 1718, followed by his trial for treason and his subsequent death in dubious circumstances. After 1718, traditionalists, who believed in God-given hereditary succession by primogeniture, looked to Peter Alekseevich, the young son of the late tsarevich, as the natural heir to the throne. By his succession law, Peter roundly informed his subjects that this was not so, that as absolute ruler (‘samoderzhets’) he was free to designate as his successor whoever he thought fit – that is, by implication, such other candidates as his nephew, the Duke of Holstein, or Peter’s own wife, Catherine, or anyone else in or outside

¹³ 50 years after the first publication of *Pravda Voli Monarshei*, the editor of Theophanis Procopowicz, *Tractatus de Processione Spiritus Sancti*, Gotha, 1772., translates *Pravda Voli Monarshei* as *Aequitas voluntatis monarchicae*. J. CRACRAFT, ‘Did Feofan Prokopovich really write *Pravda Voli Monarshei*?’, *Slavic Review* 40:2 (Summer 1981), pp. 173–193, (hereafter: CRACRAFT 1981) p. 182.

¹⁴ PVM, (see: note 1.) p. 125.

the imperial family, and that he was free to do so regardless of primogeniture, sex, or royal birth, but purely on grounds of merit as he saw it.

The new succession-law confounded the expectations and dashed the hopes of the traditionalists; and the obligatory oath of allegiance to it was, wrote one, 'complied with by many with a heavy heart'.¹⁵ The edict aroused criticism and complaint, albeit muted or anonymous, from the traditionalists, who disapproved of it in principle, did not regard Catherine as a legitimate candidate for the succession, and considered Peter's grandson to be the only rightful heir. It is significant that when Catherine succeeded to the throne in 1725, she was proclaimed empress by virtue of the Statute of 1722, and the Supreme Privy Council ordered the republication of *Pravda Voli Monarshei* with an enormous print-run of 19,000, in order to counter anonymous complaints that she was a usurper; and conversely that when Peter Alexeevich succeeded Catherine as Peter II in 1727, the Supreme Privy Council proscribed the book and ordered all copies to be called in and destroyed. The aim of those who really ruled Russia in 1726, that is, the Supreme Privy Council, was to uphold Peter's statute, for without it Catherine had no title to the throne. Their aim in 1727, when the traditionalists were in a majority on the Supreme Privy Council, was to repeal the statute and restore the customary line of succession. On both occasions the function of *Pravda Voli Monarshei* as an apologia of the succession law was crucial and on both occasions it was clear. The book's purpose was explicit in the Foreword, and that purpose was to refute the traditionalists and indeed, in the work's more graphic phrase, 'to shut their mouths' ('usta zagradi').¹⁶

In the body of the text, we are told that there may be those who question Peter's repeal of the automatic right of succession by primogeniture and who 'will wonder' не противно ли се сущеи правде¹⁷ – in the German version *ob es nicht gegen die Rechte sey*¹⁸ – 'whether it is not contrary to right or justice'. The text goes on to insist that Peter's edict никоемуже о неправде подозрению не подлежит¹⁹ – in the German version – *keinen Verdacht einiges Unrechts auf sich habe*²⁰ – 'admits of no suspicion of any injustice'.

¹⁵ *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq. A Military Officer in the services of Prussia, Russia and Great Britain*, Dublin, 1783. p. 267.

¹⁶ PVM, (see: note 1.) p. 126.

¹⁷ PVM, (see: note 1.) p. 136.

¹⁸ *Das Recht der Monarchen, in willkühriger Bestellung der Reichs-Folge*, Berlin, bey Ambrosius Haude, Kön. Preuß. Und der Societät der Wissenschaften privilegirten Buchhändler, 1724. (hereafter: *Das Recht der Monarchen*) p. 3.

¹⁹ PVM, (see: note 1.) p. 136.

²⁰ *Das Recht der Monarchen*, (see: note 18.) p. 3.

The Foreword, in a key passage, explains the book's purpose, referring to it as 'сию книжицу, в которой сущая в помянутом уставе монаршем правда, хотя и в самом том уставе довольно показана, яснее нечто и пространнее показуется'.²¹ From the context, I suggest, it is clear that 'pravda' here means justice, and the passage should be rendered: 'this booklet, in which the justice of the Monarch's statute, though amply demonstrated in the statute itself, is expounded somewhat more clearly and at greater length'. The next paragraph repeats that 'в сочинении слова сего [...] правда устава монаршего показуется',²² 'the justice of the Monarch's statute is demonstrated in this work'. I am again supported in this interpretation of 'pravda' as justice by the German version, where the phrase 'сущая в помянутом уставе монаршем правда' and the phrase 'правда устава монаршего' are both translated as '*die Gerechtigkeit der Verordnung Unsers Monarchen*'.²³ I conclude that the intended meaning of 'pravda' in *Pravda Voli Monarshei* is 'justice'.²⁴

2. Who wrote *Pravda Voli Monarshei*? A tale of two clerics

Who wrote *Pravda Voli Monarshei*? Until 1981 no-one ever expressed any doubt that it was Feofan Prokopovich. Prokopovich himself said that he had written it. In a letter to Peter of 24 August 1722, enclosing a proof of the book, he refers to it as 'книжица, мною сочиненная'.²⁵ Four years later, in 1726, he again includes it among his works.²⁶ On neither occasion does he mention his authorship in any tendentious way, but treats it as a matter of common knowledge. Nor is there any reason to doubt Peter's choice of Prokopovich, his principal propagandist, to write the official commentary on what he considered one of his most important statutes. From Kantemir, Novikov and Shcherbatov in the eighteenth century to Pekarskii and Solov'ev in the nineteenth, and Verkhovskoi in the early twentieth century, Prokopovich's

²¹ PVM, pp. 124, 126.

²² PVM, p. 126.

²³ *Das Recht der Monarchen*, p. 4.

²⁴ Professor Viktor Zhivov observed that by the eighteenth century 'pravda' had long ceased to mean 'law'. Professor Emmanuel Waegemans suggested to me that the modern Russian equivalent of 'pravda' would be 'pravota'. Professor Maureen Perrie suggested a modern equivalent of 'spravedlivost'' and, in English, 'justness'.

²⁵ N. A. VOSKRESENSKII, *Zakonodatel'nye Acty Petra I*, ed. B. I. SYROMIATNIKOV, Moscow – Leningrad, 1945. pp. 113–114.

²⁶ S. M. SOLOV'EV, *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*, book 10 (vols. 19–20), Moscow, 1963. p. 104.

authorship was never questioned. Shcherbatov, for example, discussing Prokopovich, refers to 'его собственное сочинение правда воли монаршей'.²⁷

In 1981, however, Professor James Cracraft, in a learned article in the *Slavic Review*, posed the provocative question: 'Did Feofan Prokopovich really write *Pravda Voli Monarshei*?'²⁸ It was, as grammarians say, a question expecting the answer 'no'. My own view remains that it would take compelling evidence to upset a presumption stretching back almost 300 years. The probabilities would need to be strong and the onus is on Professor Cracraft to rebut that presumption. What, then, is the evidence against Prokopovich's authorship?

It would be otiose to repeat here at length Cracraft's arguments or my counter-arguments,²⁹ since both have been published; but a brief recapitulation is necessary. Cracraft's case boils down to the contention that Prokopovich wrote the Foreword and concluding section, and took overall responsibility for a work produced by more than one contributor, and notably by a Greek archimandrite in Russian service, Anastasios or Afanasii Kondoidi. In a letter of July 1725, now in the National Archives, from Thomas Consett to the British Foreign Secretary, Consett reported that Kondoidi claimed in conversation with Consett that he [Kondoidi] 'had a principal hand in composing' *Pravda Voli Monarshei*, while Prokopovich's role 'was only to peruse and dispose the matter of it',³⁰ in other words, to edit it. Largely on the strength of this letter, Cracraft concludes that the case for Prokopovich's authorship 'rests on sand'.³¹

My counter-argument, in brief, is, first: assuming that Consett reports Kondoidi accurately, why believe Kondoidi, who was by Consett's own account a known intriguer and enemy of Prokopovich, rather than Prokopovich? Second, that a stylistic comparison of the book with other known works of Prokopovich confirms that Prokopovich certainly wrote the Foreword and conclusion. Third, that the ideological and theological content of *Pravda Voli Monarshei* is consistent with that of other known works by Prokopovich, as Prokopovich himself pointed out when answering charges

²⁷ Prince M. M. SHCHERBATOV, *On the Corruption of Morals in Russia*, edited and translated by A. LENTIN, Cambridge, 1969, p. 152.

²⁸ CRACRAFT 1981. (see: note 13.)

²⁹ PVM, (see: note 1.) pp. 57–62; and 'AVTORSTVO "Pravda Voli Monarshei": Feofan Prokopovich, Afanasii Kondoidi, i Petr Velikii', in *XVIII VEK. Sbornik* 21 (1999), pp. 33–39.

³⁰ PVM, p. 58.

³¹ CRACRAFT 1981, p. 173.

of heresy in 1726.³² Fourth, that it is significant that nearly all the authorities cited in the book, including in particular 17th and 16th-century editions of unusual items, appear in the catalogue to Prokopovich's own unique library. Fifth, that the thematic unity, close-knit structure and careful interconnections throughout the work demonstrate that if Prokopovich's main role was indeed 'merely' editorial, such editorship was far from superficial.

Cracraft's thesis in essence, is that the book was 'probably written' by Prokopovich, 'in collaboration with one or more persons'.³³ With this one can certainly agree. There is nothing unlikely about more than one contributor taking part in the production by the Synod of a book of the highest importance urgently required by the tsar. At the same time, that very urgency and importance strongly suggest Prokopovich's overriding personal responsibility. At the very least, Prokopovich masterminded and closely edited the book, while perhaps Condoidi looked up references in Prokopovich's library, or in academic language, acted as his research assistant. This, in my judgment, entitles us to describe Prokopovich as the author in the broadest sense.

Professor Cracraft makes no direct reference to my counter-arguments as to the authorship of *Pravda Voli Monarshei*. True, in his *The Petrine Revolution in Russian* (2004), Cracraft does cite from the introduction to my edition of *Pravda Voli Monarchei*, but not in respect of the authorship question. As far as that is concerned, he concedes, without reference to my introduction, that the work 'was written, at least in part, by Feofan Prokopovich'.³⁴ I find this an interesting sentence, richly ambiguous. What does it mean? What is it intended to mean? On the face of it Cracraft concedes that the work was written by Prokopovich. But the devil is in the adverbial clause 'at least in part'. In what part? In large part or in small part? We are not told. Does Cracraft qualify or merely reiterate his original claim that Prokopovich was not necessarily the sole contributor? In February 2009 I tried to flush out Professor Cracraft himself and invited him to expand on the subject. His answer is delphic: 'I have indeed nothing more to say [...] beyond what I said in [...] *The Petrine Revolution in Russian Culture*'.³⁵ Does silence betoken assent to my view? Or the opposite? We know not. The rest, as they say, is silence, until a future scholar re-examines the question. Meanwhile I stick to my guns:

³² *Chtenüia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*, Moscow, 1862. Book 1, part 2, p. 21.

³³ CRACRAFT 1981, p. 192.

³⁴ CRACRAFT 2004, (see note 5.) p. 181.

³⁵ John Cracraft, e-mail to the author, 24 February 2009.

Prokopovich, if not the sole contributor, was the principal author of *Pravda Voli Monarshei*.

3. Hobbes and *Pravda Voli Monarshei*

In the secondary literature on petrine Russia, the names of Grotius and Hobbes are routinely trotted out as key sources of *Pravda Voli Monarshei*. Like Romulus and Remus, Grotius and Hobbes have become its legendary sources. Now in the case of Grotius there is no doubt about the matter. His *De jure belli ac pacis* is cited verbatim in the work and is referenced chapter and verse as an authority on the nature of *majestas* or sovereign power. But Hobbes? Hobbes is repeatedly and sometimes emphatically mentioned by the experts, beginning with A. Lappo-Danilevskii in an essay on the idea of the state in Russia, published in 1913 in Paul Vinogradoff's *Essays in Legal History*.³⁶ Sixty years later, in 1973, James Cracraft claims Prokopovich's particular interest in Hobbes in what he calls, though without specifying *Pravda Voli Monarshei*, 'his later work'.³⁷ 25 years on, in 1998, Lindsey Hughes, in her *Russia in the Age of Peter the Great*, also cited Hobbes as an influence on Prokopovich, though without attributing it to any one particular work of Prokopovich.³⁸ Paul Bushkovitch, in his *Peter the Great. The Struggle for Power* (2001) makes a similar claim, this time apparently in relation to *Pravda Voli Monarshei* itself, and states that Prokopovich 'certainly read Hobbes'.³⁹ Likewise both Richard Wortman in 1995,⁴⁰ and Gary Hamburg in *The Cambridge History of Russia* (2006)⁴¹ maintain that Hobbes was definitely an influence on *Pravda Voli Monarshei*. That is how matters currently stand.

The principal Russian study of *Pravda Voli Monarshei*, published in 1915 by Georgii Gurvich, is concerned, as its title states, with the work's western sources – '*Pravda Voli monarshei*' Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki.⁴² In his introduction to this monograph, F. Taranovskii, who was in fact Gurvich's supervisor, insists on Hobbes's 'influence' on Prokopovich, al-

³⁶ A. LAPPO-DANILEVSKII, 'L'idée de l'état et son évolution en Russie depuis les troubles du XVIIe siècle jusqu'au réformes du XVIIIe', in: *Essays in Legal History*, ed. P. VINOGRADOFF, Oxford, 1913. p. 374.

³⁷ J. CRACRAFT, 'Feofan Prokopovich', in *The Eighteenth Century in Russia*, ed. J. G. GARRARD, Oxford, 1973. p. 90, 93.

³⁸ L. HUGHES, *Russia in the Age of Peter the Great*, New Haven, Conn., 1998. p. 95.

³⁹ P. BUSHKOVITCH, *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*, Cambridge, 2001. p. 441.

⁴⁰ WORTMAN, *Scenarios of Power*, (see note 3) p.66.

⁴¹ *The Cambridge History of Russia*, vol. 2., p. 118.

⁴² G. GURVICH, "*Pravda Voli Monarshei*" Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki, Iur'ev, 1915. (hereafter: GURVICH 1915)

beit indirect.⁴³ Likewise Verkhovskoi refers in 1916 to Prokopovich writing 'no doubt in the spirit of Hobbes'.⁴⁴ Gurvich himself draws learned and indeed laborious comparisons between the arguments of Prokopovich and those of western natural law theorists such as Pufendorf, Thomasius, Budaeus, Bodin, Wolff and Hobbes in relation to his treatise *On the Citizen*. What do these comparisons add up to in the case of Hobbes? While drawing attention to common elements in the thinking of Hobbes and Prokopovich, Gurvich concludes, soundly in my opinion, both that Prokopovich could have argued as he did without any knowledge of Hobbes and that there is 'insufficient evidence' to assume that he was familiar with Hobbes's works.⁴⁵

We may in my submission go further. There are other good reasons for scepticism about Hobbes and *Pravda Voli Monarshei*. First and foremost, there is no evidence of Hobbes on the face of the record. Whoever wrote *Pravda Voli Monarshei* supplies a reference for all his quotations. The work contains numerous quotations, but none from Hobbes, and numerous references to other authorities, but not one reference to Hobbes. Assuming, as I do, that the author, or principle author of the work was Prokopovich, we can assume that he would certainly have named Hobbes if he had referred to him. I make this assertion with some assurance. Prokopovich was a great name-dropper in *Pravda Voli Monarshei*, not merely in order to display his undoubted wealth of erudition but for the more pertinent reason that the book was a public document, written at Peter's behest for a particular purpose on a theme uppermost in Peter's mind – the future fate of his reforms through the succession to his throne. So when Prokopovich quotes Grotius, he emphasizes that his argument is borne out by 'the most eminent jurists, including Hugo Grotius, who says as follows [...]'.⁴⁶ Prokopovich was at pains to adduce as many authorities as he could lay hands on in support of the central tenet which the book was written to demonstrate and which is spelled out in its title: 'the justice of the monarch's right to appoint the heir to his throne', which right also included the right to disinherit, a point which Peter also wished to see emphasised. Referring to the 'innumerable' juridical authorities on the subject of disinheritance, Prokopovich states:

⁴³ GURVICH 1915. (see note 42) pp. viii–ix.

⁴⁴ P. V. VERKHOVSKOI, 'Feofan Prokopovich kak avtor Dukhovnogo Reglamenta I glavnyi sotrudnik Petra v dukhovnoi reforme', *Uchrezhdenie dukhovnoi Kollegii i dukhovnyi reglament*, Rostov, 1916. (hereafter: VERKHOVSKOI 1916) vol 1, p.127.

⁴⁵ GURVICH 1915. (see note 42) p. 110.

⁴⁶ PVM, (see note 1.) p. 187.

'Should anyone doubt the existence of so many jurists and legislators, one can show him, even here in Russia, and in particular at the capital, St Petersburg, some three hundred or more law books, in which are discussed the reasons and circumstances relating to the disinheriting of unworthy sons; what should we find, then, if we could enter the great and famous libraries of Europe?'⁴⁷

Now Hobbes, that eloquent advocate of unconditional obedience to absolute power, who held that Charles I should have crushed the parliamentary opposition, would surely have been a most valuable authority to cite in justification of Peter's absolute power in the disposition of the succession. Indeed *Pravda Voli Monarshei* itself, in stressing the duty of obedience, describes the trial and execution of Charles I by the parliamentarians as 'a deed cursed by all men and abhorred by the English themselves'.⁴⁸ So the fact that Hobbes is *not* mentioned in the work is in itself a powerful reason for concluding that he was not a source. Hobbes is the dog that did not bark in the night. Also significant is the fact that all the titles quoted in *Pravda Voli Monarshei* were books which we know to have formed part of Prokopovich's library. Hobbes is not among the 3000 titles listed in the catalogue of that library.⁴⁹

Implicitly conceding that Hobbes is not a direct source of *Pravda Voli Monarshei*, some scholars cite it as an 'influence', to my mind a vague and imprecise field for speculation. I have mentioned Bushkovich, for example, who claims, though without offering any evidence, that Prokopovich 'certainly read Hobbes'. How does he know? I would stress the vital distinction between demonstrable 'sources' and possible 'influences', the difficulty of establishing clear links between alleged 'influences' and any particular work, and the dangerous temptation of begging the question. What is most striking about Gurvich in this connection is that he argues at length and insistently against the influence of Hobbes. All the more remarkable, then, that later scholars have consistently ignored Gurvich's careful conclusions and continue to repeat uncritically the old mantra.

Let us stick to known fact and legitimate inference and not venture onto the dangerous marshland of speculation. The alleged role of Hobbes in *Pravda Voli Monarshei* has become an *idée fixe*. There is no solid evidence for it, the evidence is in my opinion overwhelmingly against it and it is high time to knock it on the head.

⁴⁷ PVM, p. 145.

⁴⁸ PVM, p. 211.

⁴⁹ VERKHOVSKOI 1916. (see note 44) p. 121.

ENDRE SASHALMI

**God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty:
The Muscovite Perspective of
*Pravda voli monarshej v opredelenii naslednika derzhavy svoej****

Abstract: The study intends to examine the two related concepts of contract and sovereignty which (practically unknown in Muscovite Russia) are commonly referred to as proofs of dominance of western concepts in PVM. By examining these concepts in the text I try to point out the Muscovite legacy of the argumentation. I claim that the contract of government between the people and the ruler contains the Muscovite idea of God acting through the people (“the will of the people is the will of God” – the crucial premise legitimating succession both in 1598 and 1613 in official documents) while the concept of sovereignty is predominantly justified by traditional references to the Bible and not so much by arguments taken from western political theory.

Key words: contract, sovereignty, rule of law, natural law, Muscovite ideology, Petrine ideology, limits of power, will of God.

I. Exposition of the problem

The ideological framework of *Pravda voli monarshej* (PVM), the most important political tract of the Petrine period, is a puzzling question for historians of Russian political thought.¹ As the full title eloquently shows, the purpose

* This paper is part of a research supported by János Bolyai Research Scholarship of the Hungarian Academy of Sciences (BO 00171/09/2). The paper was delivered at Cambridge in 2009 and was part of a panel on Petrine Russia together with the paper of Antony Lentin published in this volume.

¹ The translation of the full title, ‘*The Justice of the Monarch’s Will in Designating an Heir to His Realm.*’ The best analysis of the treatise in any language is A. LENTIN, *Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary*, Oxford, 1996. ‘Introduction.’ (hereafter: LENTIN 1996) Other useful works dealing with the ideas of PVM and Petrine ideology in general: G.

of the treatise published under the name of Feofan Prokopovich,² was to defend the succession statute of Peter the Great (1722) which *discarded birthright* and plainly *declared the uncontested right of the reigning monarch* to name his successor.

The designation of the heir was the *exclusive right of the grand prince* by the early 16th century and, seen from this angle, Peter's statute which *merely enacted this right* was not, in my view, as remote from Muscovite principles as some historians assume.³ But after 1722, in principle, the nominated heir could indeed be any person: even *a woman*, even *non-orthodox*, and even *a person having no ties of blood to the ruling family at all*. Seen from these angles the statute, of course, meant a clear break with the past, especially when one considers the importance attributed to *descent and orthodoxy* as the basis of legitimacy in pre-Petrine Russia.⁴ Nevertheless, the succession statute tried to hide the novel consequences of the right of *free designation* behind the mantle of tradition because it invoked the past, the decisions of Ivan III (1498, 1502) as a precedent, even though Ivan's designation of the heir *remained within the dynasty* in both cases. Tradition, however, played a part in the succession statute of 1722 in another way as well: as Pierre Gonneau has shown, the *wording of passages describing Ivan's decisions* reflected the direct influence of the relevant passages of important 16th-century sources, the Book of Degrees and the Nikon Chronicle.⁵ At the same time, the statute "did not merely borrow

GURVICH, 'Pravda voli monarshej' Feofana Prokopovicha i eya zapadnoevropejskie istochniki, Yurev, 1915; N. I. PAVLENKO, 'Ideya absolyutizma v zakonodatel'stve XVIII veka', in: *Absolyutizm v Rossi*, Moscow, 1964. (pp. 389–459); S. BENSON, 'The Role of Western Political Thought in Petrine Russia', in: *Canadian-American Slavic Studies* VIII:2 (Summer, 1974), (pp. 254–273); J. CRACRAFT, 'Empire versus Nation: Russian Political Theory under Peter I', in: *Harvard Slavic Studies* 10:3–4 (December, 1986), (pp. 524–541); D. OSTROWSKY, *Muscovy and the Mongols. Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier 1304–1589*, Cambridge, 1998. (hereafter: OSTROWSKY 1998)

² For the most recent discussion of authorship and its historiography see Antony Lentin's study in the present issue.

³ E. SASHALMI, 'La succession dans la Russie moscovite, 1425–1613', in: F. LACHAUD – M. PENMAN (eds), *Making and Breaking the Rules. Succession in Medieval Europe, c. 1000 – c. 1600*, Turnhout, 2008. (pp. 145–160) pp. 153–154.

⁴ For this see M. PERRIE, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*, Cambridge, 1995; Ch. L. DUNNING, *Russia's First Civil War. The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty*, Pennsylvania, 2001., and my study: E. SASHALMI, 'Some Remarks on «Proprietary Dynasticism» and the Development of the Concept of State in 17th-Century Russia. (Richard Pipes' s Interpretation of Muscovy and the European Perspective)', in: M. FONT (ed), *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis III.*, Pécs, 2005. (pp. 157–194) (hereafter: SASHALMI 2005) pp. 188–191.

⁵ P. GONNEAU, Pierre le Grand, lecteur de la Stepennaja Kniga, *Revue d'études slaves* LXXVI:1, (pp. 51–59)

certain parts from these sources” but also “modernized their terminology and even edited them so that their idea of tsardom would coincide” with Peter’s needs.⁶

My paper examines the treatise defending the abovementioned succession statute from a different point of view: I concentrate not on the aspect of succession but the so-called “ideological frame”⁷ of PVM. I intend to analyze just two related concepts, *contract and sovereignty* which are commonly referred to as proofs of the dominance of western concepts in PVM. Their importance in the new ideology, together with other concepts such as *natural law, common good* etc. cannot be denied. Yet, a careful examination of these two main concepts in the text will reveal an ongoing Muscovite legacy in the argumentation.

Antony Lentin’s introduction to his edition and translation of PVM takes into account not only Western borrowings but also the Muscovite perspective. His contention that PVM “while occasionally branching out into political theory”, “seldom strays far” from “its original starting-point in Saint Paul”⁸ (“There is no power but of God”) is well founded in my view.

In accordance with the title of the paper I try to trace and demonstrate the Muscovite legacy in the following fields:

- 1) With regard to the notion of *contract*, i.e. the so-called “original contract” concluded between the people and the ruler, I claim that it contains the *Muscovite idea of God acting through the people* which surfaced in official ideology immediately after, and as a result of the extinction of the old dynasty in 1598.
- 2) As for the concept of *sovereignty*, I will argue that it is *predominantly supported by traditional references to the Bible*, rather than by arguments taken from political theory, despite the fact that Hugo Grotius is quoted in the text in the definition of sovereignty.
- 3) Last but not least, I intend to highlight that *the idea of the rule of law absent in Muscovite ideology was also to remain a foreign notion to the new official ideology*.

In order to assess the role of persistent Muscovite notions in PVM it is necessary to give a summary of the main premises of Muscovite ideology.⁹

⁶ Ibid, p. 59.

⁷ Lentin’s phrase, LENTIN 1996. (see note 1) p. 28.

⁸ Ibid, p. 51.

⁹ A superb historiographical account of the main issues and literature on the topic has been given most recently by N. S. Kollmann in her contribution to *The Blackwell Companion to Russian*

II. Key premises of Muscovite ideology

One of the most recent concise histories of early modern political thought, *European Political Thought 1450–1700* (New Haven, 2007) has as its subtitle *Religion, Law, Philosophy*. Daniel Rowland, the author of the chapter on Russia in the volume, has shown that until the mid-17th century, and even until the late 17th century practically nothing can be written on the *role of law and philosophy* in Muscovite thought on power, for the “religious side of political thought was hypertrophied.”¹⁰ What we call “political” issues were conceived of as “religious” issues in Muscovy, expressed mostly in *iconography, in religious public rituals, and in admonitions by clergymen* if we include written sources.¹¹

Therefore, the following premises should be kept in mind:

Since thought on power existed primarily *within the framework of Orthodox theology*, the “*origin, purpose and limits*” of the tsar’s authority “were almost always discussed in a religious context.”¹² “Once we remove God and His relationship with tsar and subject, we are left without any coherent set of ideas at all” – without God Muscovite ideology “makes no sense.”¹³

As the Muscovite perception of rulership was neither “law-”, nor “polity-based”, the tsar was conceived of as a *God-appointed and divinely inspired “stern but merciful father”* of Orthodox Christians and not a holder of a public office.¹⁴ The tsar’s power was not devoid of all *norms (“limits”)*, however,¹⁵ and these norms were defined by his *duties (or the purpose of his power)*: first of all, he had to defend and uphold Orthodoxy, to take care of his Orthodox people, i.e. to maintain order, dispense justice and hearken to his people’s problems. These norms, at the same time, *were not of a legal but of an ethico-religious nature* and in my view they are more appropriately defined as

History. N. S KOLLMANN, ‘Muscovite Political Culture’, in: A. GLEASON (ed), *The Blackwell Companion to Russian History*, Oxford, 2009. (pp. 89–104.)

¹⁰ D. ROWLAND, ‘Muscovy’, in: H. A. LLOYD – G. BURGESS – S. HODSON (eds), *European Political Thought 1450–1700. Religion, Law, Philosophy*, New Haven – London, 2007. (pp. 267–299.) (hereafter: ROWLAND 2007) p. 269.

¹¹ ROWLAND 2007 (see note 10) and M. S. FLIER, ‘Political Ideas and Rituals’, in: M. PERRIE (ed), *The Cambridge History of Russia. Vol. I. From Early Rus’ to 1689*, Cambridge, 2006, (pp. 387–408)

¹² D. Rowland’s words are quoted by V. KIVELSON, *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*, Stanford, 1996, (hereafter: KIVELSON 1996) p. 213.

¹³ D. ROWLAND, ‘The Problem of Advice in Muscovites Tales about the Time of Troubles’ *Russian History – Histoire Russe* 1979:2, (pp. 259–283) pp. 278–279.

¹⁴ KIVELSON 1996. (see note 12) p. 16.

¹⁵ D. ROWLAND, ‘Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)?’, *Russian Review* 1990. (pp. 125–150).

expectations rather than limitations.¹⁶ These expectations were “norms of proper behaviour” that tsars had to follow or “ideals to be accomplished” but they were never formalized legally.¹⁷

Not surprisingly the vocabulary of the sources was “predominantly biblical in origin” dominated by passages from the Old Testament¹⁸ as well as St. Paul’s crucial words on the origins and obedience to authorities (Romans 13). If we were to summarize Muscovite ideology in two sentences they would be: “There is no power but of God”, “The Tsar’s heart is in God’s hand”. The latter passage, from the Old Testament (Book of Proverbs), was the core of Muscovite ideology and was so common that it was thought to be a proverb in the 17th century.¹⁹

To conclude: In comparison with the West what is “striking about both the form and the language” of Muscovite ideology “is the degree to which philosophical [and we can add legal] abstractions remained foreign to it”,²⁰ i.e. abstractions and concepts such as *sovereignty*, *contract*, *natural law*. Seen from this angle, i.e. the introduction of a *new language* of ideology,²¹ and the *free use of all the main political concepts of that time (forms of government, common good, natural law, social contract, subject, sovereignty etc.) in a single writing*, PVM was, indeed, a major turning point.

III. God-guided contract

“The will of the people, is the will of God” – that was the crucial premise legitimating the Muscovite succession in 1598 and in 1613 in official documents.

The *Confirmation Charter of Mikhail Romanov* (1613) reads:

“Merciful Lord, Mikhail Fedorovich! Do not oppose the providence of the Most High God, but obey His will [...] for

¹⁶ E. SASHALMI, “‘God is high up, the Tsar is far away.’ The Nature of Polity and Political Culture in Seventeenth-Century Russia. A Comparative View”, in: W. BLOCKMANS – A. HOLENSTEIN – J. MATHIEU (eds), *Empowering Interactions. Political Cultures and the Emergence of the State in Europe 1300–1900*, Farnham – Burlington, 2009. (pp. 131–147.) (hereafter: SASHALMI 2009) p. 140.

¹⁷ P. V. LUKIN, *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoj vlasti*, Moscow, 2000. p. 253.

¹⁸ S. DIXON, *The Modernisation of Russia 1676–1825*, Cambridge, 1999. (hereafter: DIXON 1999) p. 190.

¹⁹ SASHALMI 2009. (see note 16) p. 139.

²⁰ DIXON 1999. (see note 18) p. 190.

²¹ LENTIN 1996. (see note 1) pp. 33–35. See also SASHALMI 2005, (see note 4) (pp. 183–186.) For the political terminology of PVM see J. CRACRAFT, *The Petrine Revolution in Russian Culture*, Cambridge, Mass., 2004. (hereafter: CRACRAFT 2004) pp. 180–182.

previous tsars had also ruled as tsars pre-selected by God, (*predizbrannye Bogom*) and their pious root led to the pious and true [...] tsar and grand prince Fedor Ivanonovich; but this root was completed and came to an end with him. And in his place God entrusts you with this royal honour as you are a God-elected flower (*Bogom izbrannyj tsvet*), from royal seed [...]. As Denis the Aeropagite [...] has said: God has favoured mankind with the most precious honour, that is with royal honour. Whomsoever God wants to endow with this boon, He endows the person with this honour already in the mother's womb and prepares the person for it from infancy. Indeed, you were pre-selected in the same way [...]. Mikhail Fedorovich, and not through the unanimous thinking of the people, or in accordance with human choice. For it was by the just judgment of God that you have been entrusted with this royal election (*izbranie*) [...] because *the voice of God is the voice of the people* [in the other version: *the voice of the people is the voice of God*]."²²

The meaning of the passage is clear: the people did not confer power on Mikhail in 1613, they were, in the wording of Valerie Kivelson, just seen as the vehicle "for expressing and confirming God's will."²³ Election by the people was not thought of as a legitimating instrument on its own right, it was merely the means by which divine pre-selection was communicated to this world.²⁴ The theme of 'God acting through the people' was fully discussed recently by Maureen Perrie in an article relating to Mikhail Romanov, in addition to the other elements substantiating claims to legitimacy. She called attention to the recurring phrase of the sources, "to elect one [...] who is going to be given by God" which surfaced in various sources of the early 17th century.²⁵

As for the origin of power in the Confirmation Charter, the underlying idea is basically the same in PVM: "God acts through the people". But in the latter case this notion appears in a new garb.²⁶ The major difference between

²² S. BELOKUROV (ed), *Utverzhennaya gramota ob izbranii na gosudarstvo Mikhaila Fedorovicha Romanova*, Moscow, 1906. p. 56.

²³ KIVELSON 1996. (see note 12) p. 13.

²⁴ *Ibid*, p. 13.

²⁵ M. PERRIE, 'Izbrannyj tsar i prirozhdennye gosudari. Mikhail Romanov i ego soperniki', in: A. P. PAVLOV (ed), *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV–nachala XX veka*, St. Petersburg, 2007. (pp. 233–246) p. 235, 236.

²⁶ OSTROWSKY 1998, (see note 1) pp. 216–217; B. A. MIRONOV, *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.*, St. Petersburg, 1999. II, p. 127., and E. SASHALMI 'Contract Theory

the Confirmation Charter and PVM is that the latter mentions a “first agreement”, in fact, a so-called “original contract”. Of course, there was not the slightest hint of an actual contract in 1613 but merely an election of a tsar under divine guidance.

The notion of “original contract” implies a “non-political” existence of a given people, for in this speculative case there is *neither a ruler nor an organized government*. The different types of contract theory (together with the emergence of contractual ideas in Russia) were discussed by me in a previous article.²⁷ It is enough to say here that the “original contract” is a contract of government made in the past when *not only the ruler but also the political community are established at one and the same time*. Let us see now what is written on contract in PVM.

First, there is a *general theoretical proposition*:

*“every form of government [...] derives its origins from an initial agreement among this or that people, in every case at God’s volition and under his wise and active providence.”*²⁸

Then comes the description of the origin of monarchies, elective and hereditary respectively. Since it is hereditary monarchy alone which applies to Russia, according to the author of the treatise, I quote the corresponding passage:

*“In an hereditary monarchy, however, the people’s will with respect to its first monarch was expressed as follows, in fact if not in word: We all unanimously desire you to rule over us for our common good for ever, that is, for as long as you shall live; and you yourself shall leave an hereditary successor to rule over us after you; and we, having once renounced our freedom, will never avail ourselves of it hereafter, not even after your death; but we bind ourselves by a solemn oath to submit to you and after you to your successors, and we bind our heirs after us by the same obligation.”*²⁹

and the Westernization of Russian Ideology of Power under Peter the Great’, in: M. FONT (ed), *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis II.*, Pécs, 2003. (pp. 89–100) (hereafter: SASHALMI 2003) p. 99.

²⁷ SASHALMI 2003. (see note 26)

²⁸ Here and elsewhere quotations are from Lentin’s bilingual edition of PVM. LENTIN 1996. (see note 1) pp. 204–205. Italics here and hereafter are mine.

²⁹ *Ibid.*, pp. 206–207.

But the *contract*, in fact, is merely the old idea (*God acting through the people*) in a new garb. And it provides a “supplementary legitimation”³⁰ as the following explanation will reveal:

“It should also be understood that the *will of the people*, both in an elective and in an hereditary monarchy and in the other forms of government, *does not make itself felt without God’s special providence* (as was mentioned above), *but operates at God’s instigation; for Holy Writ clearly teaches, as was amply shown above, that there is no power but of God.*³¹ Hence all duties, both those of the subjects towards their sovereign and those of the sovereign in respect of his subjects’ common good *derive not only from the will of the people (ot edinoj voli narodnoj), but also from the will of God (ot voli bozhiej) [...].* Even if the people insisted on changing its mind (which would be highly inconsistent, and an hereditary monarchy could never subsist under such circumstances), it cannot change *the will of God, which inspired the will of the people and acted in concert with it in establishing the monarchy and in the election of the first monarch, as was amply shown above.*”³²

What is absent here, of course, in comparison with 1613 is the principle of heredity as it was known to Muscovy.

IV. Scriptural sovereignty

With regard to the problem of sovereignty in Muscovite thought it is again worth turning to Daniel Rowland: “Although the Russians were ignorant of the concept of sovereignty as a term in formal political discourse, if we were to ask who was sovereign in the Russian state, the only correct answer from any abstract or theoretical point of view would be that God Himself was sovereign.”³³

³⁰ A. B. ZAJCHENKO, ‘Teoriya prosveshchennogo absolyutizma v proizvedeniyakh Feofana Prokopovicha’, in: *Iz istorii Russkogo prava*, Moscow, 1984. (pp. 76–83) p. 80. E. Anisimov (without mentioning the idea of *God acting through the people*) writes that “divine origin of the Tsar’s power was filled up with ideas popular at that time, that of ‘social contract’ and ‘natural law.’” E. V. ANISIMOV, ‘Imperiya. Vozniknovenie i rost. Povорот k Evrope’, in: B. V. ANAN’ICH, *Vlast’ i refomy v Rossii*, St. Petersburg, 1997. (pp. 113–152.) p. 139.

³¹ Here we have what Lentin calls the “original starting point in St Paul”. LENTIN 1996. (see note 1) p. 40.

³² *Ibid.*, pp. 208–213.

³³ ROWLAND 2007. (see note 10) p. 279.

Let us compare what is written on sovereignty in PVM. Prokopovich makes use of the concept and defines it as “the supreme legislative, judicial and executive power [...] which is itself not subject any laws whatsoever.”³⁴ He adds:

“Such is the definition of *majesty* (*velichestvo*) given by the most eminent jurists, including Hugo Grotius who says as follows: ‘The supreme power (called majesty) is that whose actions are not subject to the power of anyone so as to be annulled at the will of another; when I say another, I exclude him who wields this supreme power; for he is free to change his mind.’”³⁵

Then comes the explanation of sovereignty and its relation to law:

“It must be understood, however, that when the jurists say that the supreme power called *majesty* (*velichestvo*) is not subject to any other power, they mean any human power; for it is subject to God’s power, and it must obey the laws of God, both those which he has written in men’s hearts and those which he has handed down in the Decalogue; but it is not subject to the laws of man, even if they are good and promote the general welfare. But it is subject to God’s law only in the sense that it is answerable for transgressing it to God’s judgement alone, and not to man’s: and so no sovereign monarch is obliged to observe man-made law.”³⁶

Clearly, there is a shift in the argumentation. For the contention that the ruler is not subject to any other power, i.e. subject to the judgements of others, in the interpretation of Prokopovich meant that the ruler was *not subject to any kind of law*.³⁷ The contrast with 17th century France is eloquent! In 1667 Louis XIV stated in an ordinance:

“Let it be not said that the sovereign is not subject to the laws of his State; the contrary proposition is a *truth of natural law* [...] what brings perfect felicity to a kingdom is the fact that the king is obeyed by his subjects and that he himself obeys the law.”³⁸

³⁴ LENTIN 1996. (see note 1) pp. 186–187.

³⁵ Ibid, pp. 186–187.

³⁶ Ibid, pp. 186–187. This is none other than the conflation of two concepts: law as a coercive force and law as a directive force.

³⁷ For this issue and the classification of ideas of PVM (absolutism-autocracy) see E. SASHALMI, ‘Some Remarks on the Typology of Petrine Political Ideology’, in: Gy. SZVÁK (ed), *Russia and Eurasia*, Budapest, 2001. (pp. 233–243.)

³⁸ Quoted by B. Z. TAMANAHA, *On the Rule of Law. History, Politics, Theory*, Cambridge, 2004. p. 22.

When Prokopovich turns to the justification of sovereignty, the secular reasoning is tautological:

“We know this, first, from natural reason: for since this power is called, and is, the supreme, highest and utmost power, how can it be subject to man made laws? If it were subject to them, it would be not be supreme.”³⁹

Instead of discussing the concept of sovereignty as such, i.e. *its purpose, its necessity, its marks or its scope* (namely what sovereignty meant in church affairs, though we can draw some inferences with regard to this elsewhere)⁴⁰ or *its relation to outside powers*, Prokopovich turns to the “Scripture” and the Church Fathers (even Latin Church Fathers) and concentrates on one issue within the *sovereign-subject* framework: *the sovereign cannot be judged by anyone, except God, and therefore is not obliged to keep the laws*. He tries to prove this contention on several pages with numerous quotations. The crucial passage, which he quotes and analyses at length, comes from the Book of Proverbs: “*It is the glory of God to conceal a thing: but a king’s glory is in respecting his commands. The Heaven for height, the earth for depth, and the heart of kings is unsearchable.*”⁴¹

Two questions arise immediately:

‘Does this perception mean that God is sovereign’ — as in Muscovite times?

‘Does Prokopovich argue from the divine mystery of monarchy?’ For both of the notions mentioned here are contained in the crucial passage of Muscovite ideology which also comes from the Book of Proverbs, “*The heart of the tsar is in God’s hand.*” Moreover, this passage is not far in its meaning from the one just quoted, “*The heart of kings is unsearchable.*” If we look at the discussion of the latter passage, it is clear that Prokopovich *did not think of it in terms of divine inspiration*:

“The Heaven for height, and the earth for depth, and the heart of kings is unsearchable, *as if to say: let every man honour the king’s commands, and not seek to know why he commands or ordains this or that*: for just as the height of heaven and the depth of the earth cannot be probed, *it is not meet to probe into a heart of the king. This is the meaning (razum) of the passage in Proverbs.*”⁴²

³⁹ LENTIN 1996. (see note 1) pp. 186–187.

⁴⁰ See later the main text relating to footnote 43.

⁴¹ LENTIN 1996. (see note 1) pp. 190–191.

⁴² *Ibid*, pp. 190–193.

In other words, the passage enjoins men not to question the deeds of the tsar but to obey all his commands.

Remaining faithful to the title Prokopovich concentrates on the *monarch's will* in general, which is *not subject to any scrutiny, that is to man made law*. And he concludes:

*"A sovereign monarch (monarkh gosudar') can lawfully command of the people not only whatever is necessary for the obvious good of his country (k znatnoj pol'ze otechestva), but indeed whatever he pleases (vse, chto emu ni ponravitsya), provided that it is not harmful to the people and not contrary to the will of God. The foundation of this power, as stated above, is the fact, that the people has renounced in his favour its right to decide the common weal, and has conferred on him all power over itself: this includes civil and ecclesiastical ordinances of every kind, changes in customs and dress, house-building, procedures and ceremonies at feasts, weddings, funerals, etc, etc, etc."*⁴³

Therefore, contract and sovereignty (the latter being a legally unlimited or autocratic power in Prokopovich's interpretation) were closely connected. *'Whatever the monarch declared, has the force of law', for he is not to be judged by anyone, except God* ☉ laconically speaking, that was sovereignty for him.

Yet, the notion that the king is not to be judged by anyone, except God, was an age-old commonplace of divine right monarchy West and East.⁴⁴ Most of the passages quoted in PVM had indeed been commonplaces of Muscovite divine right ideology. Yet, there is a new element here: the *explanation of Biblical passages and the words of the Church Fathers*. As James Cracraft observed, Biblical passages familiar from Muscovite writings are no longer quoted as merely authorities *per se*: in the context of PVM they are presented as "reasons and arguments"⁴⁵ subject to a discussion to demonstrate that they are not inconsistent with each other and with natural law, i.e. common sense.⁴⁶ Thus, *"The Tsar's heart is unsearchable"* is now used in new a context by Prokopovich as a Biblical grounding of sovereignty.

⁴³ Ibid, pp. 222–223.

⁴⁴ SASHALMI 2005. (see note 4) pp. 186–194.

⁴⁵ CRACRAFT 2004. (see note 21) p. 182.

⁴⁶ As Lentin also remarked aptly: "In almost every section of the book, the central issue is analysed from two and sometimes three or more separate but mutually supportive standpoints: Scripture (including patristic exegesis), from natural law and from 'civil laws' and customary law." LENTIN 1996. (see note 1) p. 35.

IV. Conclusions

1. Viewed from a functional aspect of power, the concept of monarchical power in PVM could make sense even without God. God could be removed from the arguments in the sense that His constant interference in the affairs of this world was not assumed, only at the time of the origin of government and the election of the first ruler (i.e. during the so-called “original contract”). Therefore in PVM the perception of power was not “God-dependent” in the way it had been in Muscovite ideology. But as for the *origin* of power: we can speak of an old idea in a new garb.
2. As far as the *purpose* of power is concerned what was really new was that the *duties of the ruler* were not towards God but towards the people (the common good), ostensibly at least, and they were exclusively secular duties. The *rights of the monarch* were also derived from contract and sovereignty: these notions were also *new, though deeply religious in their justification*.
3. As for the *limits* of power: traditional *Muscovite expectations* were removed in favour of a totalitarian view.⁴⁷ Petrine ideology, as reflected in PVM, indeed, “brought the concept of autocracy much closer to a claim of total authority than it had been in Muscovy.”⁴⁸ Though the ideology became “law-centred” in the sense that it *made use of law*, it did not become “law-bound”. Therefore, in compliance with old Muscovite ideology, there was *no idea of the rule of law* at all.

⁴⁷ Ibid, pp. 36, 40, 50. This is also reflected in the ending “etc, etc. etc”. See the main text relating to footnote 43.

⁴⁸ N. S. KOLLMANN, *By Honour Bound.. State and Society in Early Modern Russia*, Stanford, 1999. p. 155.

BOOK REVIEW

Anonim Gall: Chronik und Taten der Herzöge und Fürsten von Polen Übersetzt und herausgegeben von Daniel BAGI

Gall Névtelen: A lengyel fejedelmek avagy hercegek krónikája és tettei
Fordította, bevezető tanulmánnyal és jegyzetekkel ellátta BAGI Dániel
Argumentum Kiadó, Budapest, 2007. 306. p

Anonym Gall, in der Fachliteratur auch als Anonymus Gallus bekannt, ist einer der ersten Geschichtsschreiber im Mittelalter. Sein Werk ist sowohl für die polnische, als auch für die ungarische Geschichte eine wichtige Quelle. Die auf Ungarn bezogene Fakten und Daten in dieser Chronik gab Daniel Bagi in seinem Buch „Anonym Gall und Ungarn“ im Jahre 2005 heraus. Das oben gesagte Werk ist der Vorgänger bzw. die Grundlage dieses Buches.

Die ungarische Übersetzung der Chronik stand noch nicht zur Verfügung, somit hält der Leser einen Ersatz dafür in der Hand. Wir können dieses Buch in zwei Teile gliedern. Der erste basiert auf eine detaillierte Studie, der andere enthält die Übersetzung. Im Mittelpunkt dieser Forschungen stehen Gallus und sein Werk, trotzdem bekommt man einen ausführlichen Einblick in die Geschichte Ostmitteleuropas. Daniel Bagi fasst die nationalgeschichtliche Synthesen der damaligen böhmischen und ungarischen Geschichtsschreiber zusammen.

Dies ist jedoch keine komplette Vergleichung, denn der Schwerpunkt dieses Buches liegt nicht bei der Komparation dieser Schriften.

Das Buch beginnt mit einer Zusammenfassung über die Abstammungs-Theorien des Geschichtsschreibers.

Unter dann werden wir über die Manuskripte, die verschiedenen Ausgaben und die bisherigen Übersetzungen informiert und aufgeklärt. Dieses Werk ist wahrscheinlich zwischen 1113-1115/16 in Krakau entstanden, und drei, nicht originellen Manuskripten überliefert.

Desweiteren erhält der Leser über die Formenwelt und über die Gattungseigenschaften Informationen. Die Chronik des Gallus ist nur schwer in eine bestimmte Gattung einzuordnen, denn man findet sowohl Merkmale der Gesta, der Chronik, und auch der Hagiographie.

Die Chronik besteht aus drei Hauptteilen und wurde in der Reimprosa geschrieben. Der erste verfügt über 32, die zweite über 50, und die letzte über 26 Kapitel. Viele werden mit einem Epilog oder mit einer Epistola eingeleitet.

Die Quellen und die Muster betrachtend, kann man drei verschiedene Gruppen erkennen, die

persönliche Erlebnisse, die höfische Traditionen und die schriftlichen Quellen.

Gallus kannte zahlreiche antike und frühmittelalterliche Autoren. Unter den antiken bevorzugte er Sallustius und Livius, und die aus dem Frühmittelalter stammenden Regino und Einhard hatten einen großen Einfluss auf ihn.

Der folgende Teil dieses Buches ist vielleicht die bemerkenswerteste, denn hier werden die Gesta als geschichtliche Quellen untersucht. Um die Gesta in Bezug auf die geschichtlichen Quellen genau zu analysieren, müssen wir uns auf drei Themenkreise konzentrieren, wie *causa scribendi*, die Schreibmethode, und der Text.

Daniel Bagi fokussiert vor allem auf diese Themenkreise. In der Weiterführung lernen wir die Schreibmethoden und die Hauptthemen kennen.

Die Gesta beginnt mit der Urgeschichte der Piasten-Brüder, was ein nötiger Teil der mittelalterlichen Synthesen ist. Urgeschichtliche Konzepte, der Aufstieg der Piasten-Brüder. Eine bedeutende Episode der Gesta ist der Akt von Gnesen, was den Beginn der christlichen Monarchie schildert.

Gallus Anonymus schenkt dem Themenkreis *divisio regni* eine große Aufmerksamkeit und setzte sich viel mit der Darstellung der Kriterien der *idoneitas* auseinander.

Es ist sehr aufschlussreich, wie Gallus die Verhältnisse zwischen den Piasten und deren Imperium darlegt. Nach genauerer Analyse des Textes, kann man erkennen, dass Gallus versucht, die Souveränität der Piasten zu beweisen. Auch im Hinblick auf das Thema des Investiturstreits, erhält die Schrift äußerst informative und brauchbare Quellen. Es stellt sich jedoch nicht genau heraus, ob Gallus die gregorianische oder die antigregorianische Seite vertrat, weil wir in den Schriften Kennzeichen finden, die auf beide charakteristisch sind. Das Textmaterial der Gesta beinhaltet auch Wissenswertes über die Gesellschaft an der Wende des 11.-12. Jahrhunderts.

Der zweite Teil dieser Arbeit ist die Übersetzung der Chroniken des Gallus. Als Basis der Übersetzung dient die im Jahre 1952 herausgegebene Kritik von Karol Maleczyński, die Translation von Roman Grodecki, die deutschsprachige Meisterleistung von Bujnoch, und nicht zu vergessen die in der Quellenserie der CEU erschienene englische Variante. Die Übersetzung ist sehr bemerkenswert, denn schon allein die detaillierten, eindeutigen und haargenauen Fußnoten versetzen den Leser ins Staunen. Die Lektüre ist überaus genießbar, geschrieben in einem vortrefflichen literarischen Stil, mit einer präzisen Übersetzung, und einer exakten Terminologie. Der Umfang der Bibliographie, die die Arbeit abschließt, spiegelt nur allzu gut die Sorgfältigkeit der Nachforschung wieder.

Die ungarische Übersetzung ist nicht nur interessant und ansprechend, sondern auch ein nützliches Mittel im Bereich des Hochschulwesens.

Andrea SOMOGYI

* * *

Chapters from medieval history
The conference of the young medievalists in Szeged

Középkortörténeti tanulmányok 5.
Az V. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2007. június 7-8.)
előadásai

Ed. Éva RÉVÉSZ, Miklós HALMÁGYI,
 Szegedi Középkorász Műhely, Szeged, 2007. 261 p.

The last medievalist conference in Szeged, organized by the University of Szeged's Medieval PhD-program, took place in June 2007, where the programs present and previous students presented their newest research results. Apart from the medievalists from Szeged, a lot of researchers from different Hungarian universities participated in the conference, and this time a foreign lecturer highlighted the conference.

Since its founding by Gyula Kristó and Ferenc Makk, the PhD-programs most important assignment has been to give a concise education to the young researchers. During the three years study period in the program, the students are not only improving their knowledge, researching, and working on their PhD-thesis, they are also actively involved in the university education. Although the sheer numbers may not express the quality of training in itself, despite this that is reflective, that so far altogether fifty-four students entered into the Medieval PhD-program, and from them sixteen defended their dissertation successfully in Szeged, and another eleven researchers gained a PhD-degree from outside the program.

The 2007 medieval conference was the fifth in the line of the conferences organized every second year since 1999, and at the same time the one with most participants, because in total it had twenty-two presentations. Committed to the traditions, the papers of the conference come up in a tome, which in this case was edited by Éva Révész and Miklós Halmágyi in December, 2007. The structural principle of the volume is quite simple, but logical and clear-cut, because the studies appear in an order according to the authors' name. As the conference participants research areas, so the topics of the studies are implicitly broad spectrum: from the history of the steppes to archeology, or to the history of law or to some questions of medieval economics, a wide palette opens up to the readers.

After Ferenc Makk's foreword, the first article is the (*917. évi anchialosi csata és a magyarság – The year 917 battle of Anchialos and the Magyars.* pp. 7-21.) wrote by László Balogh. The author analyses one part of the byzantine source *Miracula Sancti Georgii*, which reveals information about Hungarian participation in the 917. year battle of Anchialos, and compares its information with several other sources and demonstrates his data in a separate table. After the analysis of the sources in connection with the topic, the author continues onto the statement that in the 917 conflict, the Hungarians' participation can probably be excluded. Because of this, we

must not accept this as an authentic data the single about the disintegration of the Hungarian principality in 917.

Second in line is the paper of Miklós Halmágyi (*Merseburgi Thietmar felfogása saját népéről és Európa más népeiről – Thietmar of Melseburg's conception about his own people and the other peoples of Europe.* pp. 23-31.) wherein the author analyses some parts of the chronicle of Theitmar, who lived in the 11th century. These parts concerned are about different foreign peoples, like Arabs, the Russian, Polish, etc., and the author outlines its content with commentaries, and separately analyses the parts concerning the Hungarians.

Zoltán Horogszegi (*Egy számadáskönyv kultúrtörténeti vonatkozásai – The cultural historical regards of a account book.* pp. 33-40.) outlines the source value of Sigismund Jagiello polish prince's account book, which was created in the 16th century. The author pans out the book's cultural history aspects, for example the clothing, the interior furnishing, the catering, or in the concern of the armament and the financial management. From the account book it stands out what were the prince's or the court's pleasures, its free-time occupations, like for example the chess and the court music equally. In addition to this, the author presents the newest results of their researches, what he did with Krisztina Rábai in the Varsovian archives, and of course the future perspectives of this research.

Ágnes Juhász (*A raguzai tisztségviselők a XIV. század közepén – The salarieds of Ragusa in the middle of the 14th century.* pp. 40-53.) takes Ragusa's, or on another name Dubrovnik's important officers one after the other laying the foundations, based on the city's council records and law books. The author outlines what the role was of these functions in the city, and covers that who, and how long for could these functions be filled, and with what kind of jurisdiction.

Gergely Kiss, (*A székesfehérvári prépostság középkori kiváltságai egy XVIII. századi „vitairatban” – The medieval liberties of the provost of Székesfehérvár in an “argumentative essay” from the 18th century.* pp. 55-64.) analyses such debate's, questions that were going on between 1715-1725 between Vilmos Ferenc Bertam Nesselrode who was the provost of Székesfehérvár and the bishop of Pécs, and Ágost Keresztély Sachsen-Zeitz, who was the archbishop of Esztergom, and the bishop of Győr. The object of the debate was the issue of the provost's and the archbishop's rights. Related to this, Gergely Kiss presents a detailed scheule in connection with various legal statuses and rights and what kind of medieval diplomas remained, and what they hold.

The Bulgarian participant of the conference, Konstantin Konstantinov presents a part of his already defended PhD-dissertation in his article, (*Mindenmapi élet a VIII-XI. századi Pliskában - Everyday life in the 8-9th century Pliska.* pp. 65- 69.). In the larger part of his work he presents the types and characteristics of the Bulgarian capital's houses, and mentions the objects which can be found in them. From the methods of the houses' illumination and dissection to the population's dining and leisure facilities, Konstantinov also presents the different social strata's different habits.

Szilvia Kovács (*Kínai hercegnők a nomád ordukbán – Chinese princesses in nomadic ordues.* pp. 71-81.) analyses the question of those Chinese princesses, who got into foreign

states by dynastic marriages from the 3th century B.C. until the 8th century A.D. With the analysis of the sources and the literature the author points out that those princesses who got to different, for example Hiung-nu, Wusun, or Tibetan courts, not only did political, but exceptionally considerable cultural, and military intelligence activity. Szilvia Kovács details it separately that later the prestigious court persons receiving place in the princesses' accompaniment fulfilled whatever kind of function in the recipient folk's court hierarchy, and how all this influenced the given state's relation with China.

Beáta Kulcsár (*Holub József és a középkori végrendelkezési jog– József Holub and the medieval testamentary right*. pp. 83-92.) examines the academician József Holub's (1885-1962) theses concerning the medieval testamentary right in his article came up in 1926. Kulcsár draws the conclusion that despite its certain mistakes, Holub's theses is worthy of thinking over and for re examinations, and they may serve as a certain framework in the case of the further researches on the topic.

Szabolcs Marton (*Királyok mérgezési esetei a középkori Magyarországon – Kings poisoning cases in medieval Hungary*. pp. 93-104.) deals with the questions of the death of some Hungarian kings, like Stephen IV., Stephen III., Andrew II, Ladislau V., or Mathias Hunyadi. These rulers passed away under suspicious circumstances, so the author seeks the answer to the question that these kings were really the victims of a murder, or they died without an exterior intervention. Marton seems to found a theoretical answer to another question that the Hungarian chronicles for that do not give information about the potential poisoning cases, in contrast of the Western chronicles which have information about some Hungarian events. The author thinks that the reason of everything is that the church was involved in some of the poisonings.

Katalin Nagy (*A segédnépek szerepe az avar hadseregben – The assistant folks role in the Avar army*. pp. 105-117.) focuses on the possible number of the assistant peoples, their kinds, functions, legal status, and of course their tactics. The article is based on Byzantine sources, and archeological findings. After the analyses of the relevant data, Nagy points out that the Kutrigurs, Gepids, Bulgars, and some Slavic elements certainly fulfilled assistant peoples functions. In the case of the Germanic and Slavic folks we must calculate with heavy infantry, while in the nomad peoples' case it's necessary to calculate with light cavalry. In the case of Utigurs and Longobards it cannot be excluded that they were assistant folks of the Avar army.

Tamás Nótári (*A iurisprudentia helye Enea Silvio Piccolomini munkásságában – The role of the iurisprudentia in the workshop of Enea Silvio Piccolomini*. pp. 119-127.) examines Enea Silvio Piccolomini's (the later pope Pius II) contact with jurisprudence. The author analyses Piccolomini's legal expertise, his broken off law studies, his contacts with the jurists of his age, and comes to the conclusion that Piccolomini was not against the jurisprudence, but against some of the representatives of it.

Ferenc Piti (*Új elemek a középkori oklevélkiadásban az 1342. évi királyváltás után – New elements in the medieval expenditure of diplomas after the 1342. year king change*. pp. 129-132.) study the question of what kind of changes were made at the expense of the medieval diplomas after Louis the Great ascended the throne. Ferenc Piti analyses

what kind of personal changes happened in the royal court after Louis came to power, and also pays attention to the extended authority of the queen mother Elizabeth, who in fact had the real power instead of the 16 year old king. As a summarization of the results of the study, the author manages to get onto statement that after Louis the Great ascended to the throne, he and Elizabeth proclaimed their legitimacy, and the fact of the strong royal power.

Krisztina Rábai (*Jagelló Zsigmond herceg számadásainak orvostörténeti tanulságai – The editifications in the history of medicine of the account book of Sigismund Jagiello polish prince.* pp. 133-140.) She examine the rich cultural history relating to the medical history part of the already mentioned account book of Sigismund Jagiello. The account book discusses the illnesses appearing in the princely yard in detail, the various injuries, their service methods, and furthermore how large a sum Sigismund gave for single patients treating, and for alms. The author presents and analyses what kind of relations reigned in the court, and alludes to furthermore opportunities of the later usability of the source.

Éva Révész (*A keleti keresztény temetkezési rítus X. századi sírleleteinkben – The Orthodox Christian burial rite in our 10th century burial findings.* pp. 141-150.) sketches the incidence of the Orthodox elements in the 10th century Hungarian burials after the Hungarian conquest. The author localizes and circumscribes the incidence places of the burials with an Orthodox rite and traits, and compares the given artifacts with some findings from the Balkan. In the study Révész gives a detailed diagram from what can be observed, the various hand positions in burials, beside which the author brings up several statistical data in that direction, and what kind of proportion the Orthodox Christianity appears in the cemeteries, and in what form. In addition Éva Révész points out the difficulties of identification, and the chronological distribution of cemeteries. Beyond this, she explains that from what excavations on 10th century Christian burials may help to refine and modulate the picture.

György Szabados (*“Árpád-házi” “szent” királyunk Aba Sámuel – Our “saint” king from the “Árpád-dynasty Samuel Aba.* pp. 151-158.) focuses on the third Hungarian king's relation with the Árpád-house, and examines how Samuel Aba appears as in the chronicle literature, or rather in the Hungarian historiography. The article starts with comparing Gyula Kristó's and György Gyórfy's thesis's in the theme. Szabados examines the sources in detail, their differences and identities, or questionable circumstances, compare them and finally presents his own thesis, concludes Aba's origin was the Árpád dynasty.

Richárd Szántó (*Környezeti változások Európában a 14. század első évtizedeiben – Environmental changes in Europe in the first decades of the 14th century.* pp. 159-164.) in the first half of his work presents the 14th century temperature fall's Western European relations, and it's consequences. The author systematically details what these consequences were, in the concerned countries; or the chronicles mentions which events. In the second part of the paper Richárd Szántó outlines the epochal cooling's Hungarian regards, and looks for an answer for that question, that the environmental changes what were so destructive on the West, how it affected the Kingdom of Hun-

gary. The author comes to the conclusion that although the cooling certainly affected the country, the effects on the population, and on the economy, the effects were nowhere near what Western Europe had experienced.

Gábor Szeberényi (*A Pacta Conventa és a középkori horvát nemesi társadalom (Historiográfiai áttekintés) – The Pacta Conventa and the medieval Croatian noble society (A Historiographical survey)*. pp. 165-179.) presents the so much disputed Pacta Conventa as a source, and discusses in detail the Croatian view related to it, and its changes. Szeberényi analyses the Hungarian, and primarily the Croatian historiography traditions belonging to it, points at their importance and the necessity of their knowledge not only in the case of the Pacta Conventia, but in a far greater topic.

Zsuzsanna Tamási-Tóth (*Nők a soproni bírósági könyvben – Womens in Sopron's court book*. pp. 181-189.) analyses the Sopron judicial book's entries between 1423-1530, concerning women. The study illustrates with several examples, legal cases related to women, laying a separate emphasis on it and what and how political, social or economic roles the women played in the city. After analyzing the Gerichtsbuch's entries, the author draws the inference that the women filled an important position in all three cases in the medieval Sopron.

Éva Teiszler (*Adattár a Károly Róbert korban alapított felvidéki településekről – Datas about the settlements founded by Charles Robert in the Felvidék*. pp. 191-201.) examines the settlements founded under Charles Robert in Northern Hungary (Felvidék) one after the other. Teiszler presents the circumstances of the villages foundation, recite all the data that we know about the foundations. The paper discusses separately those settlements, in what case the localization is possible from those for which locality we don't have any data.

Ildikó Tóth (*Adalékok Jánki László kalocsai érsek életrajzához – Datas to the bibliography of the archbishop of Kalocsa, Lazlo Janki*. pp. 203-209.) presents Lazlo Jánki's first years in service as an archbishop of Kalocsa, what he was between 1317-1337. Jánki was also the royal chancellor, so Ildikó Tóth lays a separate emphasis on the archbishop's contact character with Charles Robert, furthermore she examines how, the connection was modified over the years.

Tamás Vajda (*Újabb adatok Árpád-kori vízimalmainkról – New data about the Árpád-age watermills*. pp. 211-245.) outlines the new information concerning the Árpád age watermills and mill places based on 400 diplomas, and he goes into detail about the issue of the royal courts watermill supply as well as how many watermills were connected to the single castles, more punctually to the lordships belonging to them. At the end of the study can be found a detailed table from the systematization of data obtained from the diplomas.

Boglárka Weisz (*A nemesércbányákból származó királyi jövedelmek az Árpád-korban – The royal incomes from precious ores in the Árpád-age*. pp.247-259.) outlines the royal incomes originating from mining in two parts: the first half of a study discusses it until the period of the Mongol invasion, while his second part presents the changes of the period following it though. The author emphasizes it that from the period reaching as far as the Mongol invasion, we have much less data, but despite this it is verifiable,

that the mines were in royal hands, so they increased the royal treasury's incomes. From the period after the Mongol invasion, significantly more data remained, from which it appears that because of the miners from the neighboring countries, who gained right to free mining, serious declines can be experienced on the royal incomes originating from mining.

On the whole we may state that the articles of present volume holds valuable and new information especially about medieval Hungary, and about the region in a wider sense. The studies of the tome was created as a result of thorough and intensive examinations, and because of this the book is worthy of the attention of both the specialists, and the enquirers.

Gergő MAKÓ

* * *

“Eastern-Europe” and the “Balkans” between 1000-1800: Intellectually Constructed Historical Concepts or Real Historical Regions?

„Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000-1800. Intellektuális-történeti konstrukciók vagy valós történeti régiók?

Ed. Endre SASHALMI

(Kelet-Európa és Balkán Tanulmányok 4.)

Pécs, 2007. 446. p.

This book is the result of a research pursued by the research group at the Department of Medieval and Early Modern History, Pécs University also involving a few people from other institutions of higher education. The method of the research was worked out by Endre Sashalmi, the leader of the group, who is the editor of the book. The group intended to analyze, in different time-spans, the political units of the regions stretching east of the Elbe-Lajta rivers by using a uniform set of criteria which could throw new light on the plausibility of the terms “Eastern-Europe” and “the Balkans”. The analysis focused on the following main issues: succession to the throne, type of the regime, nature of government apparatus. The time-spans, marked by pivotal events, were as follows: 1000-1204 (crowning of Saint Stephen of Hungary – sack of Constantinople by the Crusaders), 1204-1389 (battle of Kosovopole), 1389-1453 (capture of Constantinople by the Ottomans), 1453-1569 (Union of Lublin), 1569-1654 (Pereyaslav agreement between the Cossacks and the Russian Tsar), 1654-1725 (death of Peter the Great), 1725-1795 (final partition of Poland).

In the introduction a short account is given on the emergence of the terms “Eastern Europe”, “the Balkans” as intellectual concepts which is followed by the exposition of the research method. Then, in accordance with the time-spans, the analysis goes from

country to country in Eastern Europe (Poland, Bohemia, Hungary, Rus/Russia) and the Balkans. At the beginning of each sections, the most important events of territorial expansion are given as well as the approximate size of the territories ruled by the dynasties. The final chapter draws the conclusions of the research which is followed by an extensive bibliography (of nearly 500 titles) and 8 maps indicating the territorial changes of the abovementioned time -spans.

The most important overall conclusions on the use of the two terms indicated in the title of the book can be summarized as follows:

Before 1389 the most important feature of the “Balkans” was the discontinuity of territorial-power structures due to the absence, at least for longer periods, of a continuous rule by a unifying political power. After that, however, the golden thread of the history of the Balkans is the Ottoman rule which should not conceal the salient features of government there, namely the importance of non-stately (family and clan) structures as means of government, as well as the wide regional varieties of political dependence.

The use of the term “Eastern-Europe” is more problematic for the whole period covered because the government structures within the region called “Middle-Europe” (i.e. the name for the Rus and three Latin Christian kingdoms until 1200) became markedly different in the period between 1200-1450. Hungary, Bohemia, Poland can be labeled as the emerging East-Central-Europe while the territories with Moscow at their center can be called Eastern -Europe.

In the former regions the establishment of the polity of estates was under way in the mid-15th-century, while in Russia the seeds of autocracy were sown.

It must be noted, too, that in East-Central-Europe the issue of succession markedly contributed to the division of power between the kings and the estates, while in Muscovy the quarrels over succession was one crucial factor influencing the drive towards legally unlimited power.

Last, but not least, the emergence of a further region can be observed in the 16th-17th centuries as a result of the overlap of East-Central-Europe and Eastern-Europe after the Union of Lublin (1569) and the Union of Brest (1596) This region can be called “Uniate Eastern-Europe”, the central territory of which was the Ukraine.

List of authors: Daniel Bagi, Márta Font, Tamás Polgár (Poland), Daniel Bagi, Márta Font (Bohemia), Dániel Bagi, Márta Font (Hungary), Teréz Oborni (Habsburg Empire – Hungary, Bohemia, Transylvania), György Bebesi, Márta Font, Endre Sashalmi (Russia), Beáta Varga (the Ukraine), Zsuzsa Barbarics-Hermanik, Gábor Szeberényi (Balkans, Ottoman Empire)

Margit PÁLFFY

**An der Grenze der Reiche – An dem Ufer des Plattensees – Prezidium
Stadt von Keszthely in den 16te und 17te Jahrhunderten**

**Ferenc VÉGH: Birodalmak határán – a Balaton partján.
Keszthely végvárváros a XVI-XVII. században**
Budapest, 2007. 349. S.

Diese Monographie beschäftigt sich mit der Geschichte der Prezidium Stadt von Keszthely in den 16te und 17te Jahrhunderten. Der Autor schreibt seine wissenschaftliche Schrift, welche ist aus seiner Abhandlung entwickelt, zum Gedenken von Lajos Rúzsás und Gyula Benda zu.

Diese wissenschaftlichen Arbeit gliedert sich siebzehn grössere Kapitel, in diesen Kapiteln mehrere kleinere Artikel befinden sich.

Der Autor handelt im Prolog sehr schwierige Position des Lokalgeschichtsschreibens und den Mangel von der Heerwesensgeschichte mit der Erhebung des Tatsaches ab, dass seine Arbeit die Rolle von der Ergänzung in der vaterländischen Geschichtskunde ausfüllen werden kann. (S. 11–15.)

Das Vorwort der Monographie hält drei Teile, im ersten Teil wir eine kurze historiographische Durchschnitt lesen können. Der Schreiber stellt die Name von József Bontz und Béla Iványi im Mittelpunkt der Grund-Forschung. Er beschäftigt sich mit der Prämisse von der Gessellschaftsgeschichte (Gyula Benda), mit der Besitzgeschichte (Gábor Szatlóczki) und mit der Arbeit des seinen „Meisters“ (Géza Pálffy). (S. 15–19.)

Der Schreiber handelt über die Quellen der Forschungsarbeit (Die ungarische Quellen in MOL P Sektion, österreichische Quellen im Österreichisches Staatsarchiv-Kriegsarchiv) im zweiten Kapitel ab, und er hat auch mit der Hilfe der Lokalsarchive gearbeitet. (S. 19–24.)

Der Interessent könnte mit der Konstruktion von der Abhandlung im dritten Artikel bekannt werden, in dem der Autor die doppelt Zielsetzung führt vor. Er mochte die Geschichte der Prezidium Stadt und der Burg in der organische Einheit vorführen. (S. 24–27.)

Der zweiter grössere Artikel ist gründliche Durchschnitt von der Geschichte der Prezidium Stadt von Keszthely in den 16te und 17te Jahrhunderten. Er hat den Artikel auf dem chronolgischen Grund an dreizehn Teile eingeteilt. Diese Durchschnitt fährt von der mittelalterische Geschichte der Burg ab, hernach können wir über die Verhältnisse der Aufrichtung der Festung von Keszthely lesen. Hier muss man die osmanische Okkupation von Veszprém im Jahr 1552 und die Tätigkeit von János Pethő bemerken. Nach dem der Autor sich mit der Konsistenz von dem Militär beschäftigt, sodann er händelt über die Folgen der Okkupation von Szigetvár ab. Folgt die Unterredung der Besiedelung von dem kaiserlichen Militär und der Ereignisse des fünfzehn-jährigen Kriegs bei. Die folgende wichthige Ereignisse sind in dieser Region die Feldzug des Fürst von Transsilvanien Gábor Bethlen, und die

Betätigung von Imre Thököly. Das letzte Thema ist die Geschichte des freimachenden Krieges um die Festung von Keszthely. (S. 27–95.)

Der Autor beschäftigt sich in dem dritten Artikel mit der Ernennungspraxis des (Ober)Hauptmanns der Festung von Keszthely, und handelt er die Besitzgeschichte mit der Bildung der Einrichtung des erblichen Präsidiums ab. Der Schreiber mag die auftauchenden Probleme mit der Hilfe der archivalischen Quellen klarlegen. (S. 95.–117.) Das Thema von dem vierten Kapitel ist die Siedlungskonstruktion der Präsidiumstadt von Keszthely. Dieser Kapitel ist am wichtigste Teil von der Monographie, weil der Autor den feinen Begriff von Präsidiumstadt zum erstenmal in der vaterländischen Geschichtskunde definiert. Seines Ziel war, dass er diese Stadt mit den Festungen, welche unter der Grundherrschaft gewesen sind, parallelisierte. Er schreibt über die Ursachen von der Bildung und die Eigentümlichkeiten der Präsidiumstädte (die dreifache Gliederung der Siedlungskonstruktion). Er detailliert die Tatsache, dass die Präsidiumstadt wieso von der Bürgerstadt im 17ten Jahrhundert separiert gewesen ist. Der Autor fügt eine sehr wertvolle demographische Analyse zu diesen bei. (S. 117–137.)

Das fünfte Kapitel beschäftigt sich mit der Selbstverwaltung von Präsidium (S. 137–143.) Der Schreiber handelt in dem sechsten Artikel über die Gebäude der Festung und seine Funktion ab. (S. 143–147.) Die Themen von dem siebenten Artikel sind der Burgprovinz von Keszthely, seiner Funktion, seiner Gepräge, und die Entscheidungen von der Hofkammer. (S. 147–165.)

Folgt die Analyse von der Militärgesellschaft (kaiserliches Militär, Libertini, Torwache, Servitores) bei. Der Autor nutzt vier Gesichtspunkte zu analysieren. (S. 165–201.) Das neunte Kapitel kündigt sich zu diesem Artikel, in welchem der Schreiber die existenzialen Verhältnisse des Militärs vorführen will. Folgt der Hintergrund des Eigentumsrecht von dem Grundbesitz, der Zehnte, die lokale Industrie und die Privilegien bei. (S. 201–223.)

Das Thema von dem zehnten Artikel ist der Vorstellung des lokalen kirchlichen Lebens (S. 223–237.). In dem letzten Kapitel schreibt der Autor über die Gemeinschaft von Keszthely. (S. 237–245.)

In der Summierung sind die Ergebnisse und die Folgen der seiner Forschung zusammengefasst. (S. 245–251.) Folgt eine ausführliche Mitteilung von der Urkundendarstellung (S. 251–269.) bei, hier können wir die Beilagen (Mappen, Grundrisse, Diagramme, Tabellen) finden (S. 269–293.). Für die letzte können wir die Liste der Quellen und der Fachliteratur lesen, und hier ist ein Register auch. (S. 293–329.) Die Fußnoten sind informative und deutliche.

Petra RAUSCH

* * *

**Die Architekturgeschichte der Festung von Keszthely
(in den 16. und 17. Jahrhunderten).**

**Ferenc VÉGH: A keszthely végvár építéstörténete
(XVI.-XVII. század)**

Pécs, 2002. 102. S.

Diese Monographie ist der Grund seiner Abhandlung, welche in dem Jahr 2007 veröffentlicht gewesen ist. Es ist eine kurze Zusammenfassung über den Ausbau der Festung von Keszthely in den 16te und 17te Jahrhunderten.

Zehn Artikel befinden sich in dieser Schrift, im Mittelpunkt des Autors Interesses sind die Gebäude der Festung und seine Geschichte gestanden. Die Vorfälle sind auf dem Grund der chronologische Folge abgehandelt.

Eine Urkunde-Darstellung, eine Liste der Quellen – der Fachliteratur und eine Register gehören zu der Monographie. Die Fussnoten sind informative und deutliche.

Petra RAUSCH

The Medieval Centuries (1009–1543).

**Eds. Tamás FEDELES – Gábor SARBAK – József SÜMEGI.
(History of the Diocese of Pécs, Vol. 1)**

A középkor évszázadai (1009–1543)

**Szerk.: FEDELES Tamás – SARBAK Gábor – SÜMEGI József
Pécs, 2009**

715 + CCLXXIX p., 217 illustrations, 17 maps

The bishopric of Pécs (Hungary) was founded by King Stephen in 1009. The present publication on the medieval history of the diocese was published on the occasion of this millennium and stands as the first tome of a five-volume series to be compiled in the near future. The book, written by ten authors, presents a *complete* medieval history of the diocese and, as such, it has to be considered as a unique enterprise of Hungarian historiography.

With regard to the chronological borders of the work, its starting point is the foundation of the diocese (1009). The *terminus ante quem* is also evident, although it

lies behind the traditional end of the Hungarian Middle Ages (1526): the medieval history of the bishopric ended with the Ottoman conquest of Pécs in 1543. By combining the methods and using scientific results of different disciplines such as sociology, ethnography, archaeology, art history and literary studies, the authors created an "interdisciplinary church history" for the first time in the history of Hungarian diocese-studies.

The book consists of two parts; the first contains historical analyses divided into eight chapters. *László Koszta* studied the circumstances of the foundation as part of the organisation process of the early ecclesiastical system in Hungary (pp. 13–42). St. Stephen founded eight dioceses; nonetheless, the exact date of foundation is known only in the case of the bishopric of Pécs. A charter issued by the convent of Somogy in 1404 contains the transcript of the foundation charter, according to which the diocese was founded on 23rd August 1009 in Győr, in the presence of the papal legate Azo. The existence of an Early Christian necropolis in the territory of the Roman *Sopianae* definitely influenced the decision for Pécs. *Koszta* also assumes that the establishment of the bishopric was most probably initiated by the papal legate. *Gergely Kiss* (pp. 43–56) describes the borders of the medieval diocese and reconstructs the changes taken place during the period studied. Two coloured maps illustrate the results of his analysis.

The second chapter, the title of which reads as *The Bishops and their City*, was written by three authors and includes a short biographic portrait of each of the thirty-two prelates who held the bishopric office in Pécs between 1009 and 1543. *L. Koszta* compiled the CVs for the period 1009–1360 (pp. 57–108), *Tamás Fedeles* for 1361–1374 (109–154. o.), *Szabolcs Varga* for the years 1526–1543 (pp. 155–161). On the following pages the medieval history of the see is summarised by *T. Fedeles* (pp. 163–172, 173–194) and *Sz. Varga* (pp. 195–209).

The third chapter is dedicated to the ecclesiastical institutions in the territory of the bishopric. *L. Koszta* and *T. Fedeles* outline the history of the cathedral chapter of St. Peter, the largest community of this kind in medieval Hungary, and that of the collegiate chapter of St. John the Baptist, founded some time before 1217 in the neighbourhood of the cathedral. The authors also provide information about the personnel of the chapters (pp. 213–234). Besides, *L. Koszta* wrote a section on the role of the collegiate chapter of Požsega (Požega, Croatia; pp. 235–246), *G. Kiss* on the development and geographical extent of the eight deaneries of the diocese (pp. 247–272), and *András K. Németh* on the parish structure and patron saints of the churches (pp. 273–282).

In the Middle Ages not less than 78 religious orders erected monasteries and houses in the territory of the bishopric. *G. Kiss* and *Gábor Sarbak* give an overview of these orders (pp. 285–335); furthermore, they composed short encyclopaedic articles on the abbey, convents and monasteries (pp. 337–417).

The fifth chapter deals with economical aspects and focuses on the properties of the diocese, the cathedral chapter (*T. Fedeles*, pp. 421–464) and the religious orders (*G. Kiss*, pp. 465–484). The authors present statistical data and describe the administration

of the estates; moreover, they provide information about the social status of the estate-dwellers.

In the next chapter *József Sümegi* sketches both the principal destinations of pilgrims visiting holy sites abroad and that of foreigners coming to the Kingdom of Hungary. In the territory of the diocese there were several places of pilgrimage, two of which were of particular importance: the Church of the Holy Blood in Bába and the burial place of St. John of Capistrano in Újlak (Ilok, Croatia) (pp. 487–546). *József Török* describes the special characteristic features of the liturgy celebrated in Pécs, by using a missal printed in Venice in 1499 as source base for his studies (pp. 547–553).

The first university in Hungary was founded by King Louis I in 1367 in Pécs. The seventh chapter (*Education, Culture and Literacy*) begins with a study on this *studium generale* (*T. Fedeles*, pp. 557–572), continues with a subchapter on the role of books in the medieval history of the bishopric (*G. Sarbak*, pp. 573–585) and on the cultural tendencies after the battle of Mohács (*Sz. Varga*, pp. 587–592). Finally, *L. Koszta* deals with the *loca credibilia*, i.e. ecclesial bodies fulfilling public notarial tasks (pp. 593–607).

The longest chapter by *Gergely Buzás* is dedicated to the archaeological history of the diocese (pp. 611–713). The author created reconstruction drawings of several ecclesiastical buildings which do not exist any more and with the help of digital illustrations he visualised for e.g. the construction phases of the cathedral of Pécs or the monasteries of Szekszárd and Pécsvárad.

The second part of the book contains, in addition to the lists of popes and Hungarian kings of the studied period, a list of primary sources, bibliography, an edition of the foundation charter of the diocese and an archontology of the bishops. This volume also gave an opportunity to publish a cadastre of the diocese and the cathedral chapter (*T. Fedeles*, pp. LXV–XCVI), as well as a register of all settlements with a church (*A. K. Németh, G. Szeberényi, T. Fedeles*, pp. XCVII–CCXVII). Tables, coloured diagrams, high-quality relief maps are to be found in each chapter (*András Kikindai*). Besides, 217 illustrations help historians and interested amateurs to take real pleasure in reading the voluminous work.

Since Joseph Koller's seven-tome work published at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries (*Historia episcopatus Quinqueecclesiarum*, I–VII. Posonii, Pestini, 1782-1812) the present volume is the first modern description of the early history of the diocese of Pécs. It should also be pointed out that all chapters include a general overview of the Hungarian and European situation, by which the authors managed to put the medieval history of this diocese, lying in the southern part of the Transdanubian region, into a wider context. The authors and editors created a book which could encourage Hungarian scholars to compile further diocese histories and serve as a model for similar projects.

Márta KONDOR

AUCTORES HUIUS VOLUMINIS

Tímea Bótor	PhD Student, University of Pécs, Faculty of Humanities, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs, Hungary
Gergely KISS, PhD	Assistant Professor, University of Pécs, Faculty of Humanities, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs, Hungary
Antony Lentin, PhD	Senior Member of Wolfson College, Cambridge, United Kingdom.
Endre SASHALMI, PhD	Associate Professor, University of Pécs, Faculty of Humanities, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs, Hungary
Gábor THOROCZKAY, PhD	Assistant Professor, University Loránd Eötvös, Faculty of Humanities, Department of Medieval Hungarian History, Budapest, Hungary
Bálint RADÓ, PhD	Assistant Professor, University of Pécs, Faculty of Humanities, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs, Hungary
Zoltán VÁRADY, PhD	College Professor, University of Pécs, Illyés Gyula College Faculty, Szekszárd, Hungary
Miroslav VOLOSCUK, CSC	Lecturer, Prikarpatskij Nationalnyj Universitet im V. Stefanika, Ivano-Frankivsk, Ukraine

RELATED PUBLICATIONS

László KATUS
*The History of the Relations between
South-Slaves and Hungarians
I. From the beginnings to 1849*

Hungarian
Pécs, 1998. 80 p.

László KOSZTA
*Activity of Delivering of Charters
at the Chapter of Pécs
(1214-1353)*

Tanulmányok Pécs történetéből 4.

Hungarian
Pécs Története Alapítvány
Pécs, 1998
324 p with illustrations

ISSN 1219-4077

RELATED PUBLICATIONS

Pécs in the Ottoman Era

Tanulmányok Pécs történetéből 7.

various authors

Hungarian
Pécs Története Alapítvány
Ed. Ferenc SZAKÁLY
Pécs, 1999. 325 p.

ISSN 1219-4077

Studies in memoriam Ede Petrovich

Tanulmányok Pécs történetéből 8.

various authors

Hungarian
Pécs Története Alapítvány
Ed. Márta FONT and Dezső VARGHA
Pécs, 1999. 141 p.

ISSN 1219-4077

RELATED PUBLICATIONS

Mittelalterliche Häuser und Strassen in Mitteleuropa

Varia Archaeologica Hungarica IX,
Redigit Csanád BÁLINT

various authors

German, English
Hrsg. von Márta FONT and Mária SÁNDOR
Budapest-Pécs, 2000. 224 p

ISBN 963 739 177 0

*The First Thousand Years
of the Hungarian State*

various authors

Hungarian
Eds. Márta FONT – István KAJTÁR
Pécs, 2000, 264 p.

ISBN 963 641 802 0

RELATED PUBLICATIONS

Pécs before the Defeat at Mohács

Tanulmányok Pécs történetéből 9.

various authors

Hungarian
Pécs Története Alapítvány
Ed. Márta FONT
Pécs, 2001. 208 p.

ISSN 1219-4077

Die ungarische Universitätsbildung und Europa

various authors
German, English

Ed. Márta FONT and László SZÖGI
Pécs, 2001. 235 p.

ISBN 963 641 826 8

RELATED PUBLICATIONS

Márta FONT

Koloman the Learned, King of Hungary

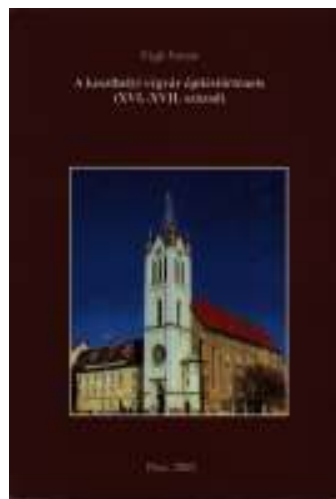
Transl.: Mónika MIKLÁN

English

Szegedi Középkorász Műhely

Szeged, 2001. 110 p, + 20 illustrations, 2 maps

ISBN 963 482 521 4

Ferenc VÉGH:

*History of the Construction of the Border
Castle Keszthely
(Fifteenth-Sixteenth Centuries)*

Hungarian

Pécs, 2002. 102 p.

RELATED PUBLICATIONS

László KATUS
The History of the Middle Ages

Hungarian
Pannonica-Rubicon,
Budapest, 2002. 391 p.

ISBN 963 92 52 04 2

Studies in memoriam József Koller

Tanulmányok Pécs történetéből 13.

various authors

Hungarian

Pécs Története Alapítvány
Eds. Márta FONT and Dezső VARGHA
Pécs, 2003. 309 p. + illustrations

ISSN 1219-4077

RELATED PUBLICATIONS

Tamás FEDELES
*The Personnel of the Chapter of Pécs in the
Late Middle Ages (1354–1526)*

Tanulmányok Pécs történetéből 17.

Hungarian
Pécs Története Alapítvány
Pécs, 2005. 479 p. + 7 maps

ISSN 1219-4077

Márta FONT
*Kings of the Arpads and Princes of
Rurikids*

Hungarian

Szegedi Középkortörténeti Könyvtár 21.
Szegedi Középkorász Műhely
Szeged, 2005. 330 p. + 8 maps

ISBN 963 482 726 8
ISSN 1216-3120

RELATED PUBLICATIONS

Márta FONT
*Geschichtsschreibung des 13. Jahrhunderts
an der Grenze zweier Kulturen. Das
Königreich Ungarn und das Fürstentum
Halitsch-Wolhynien*

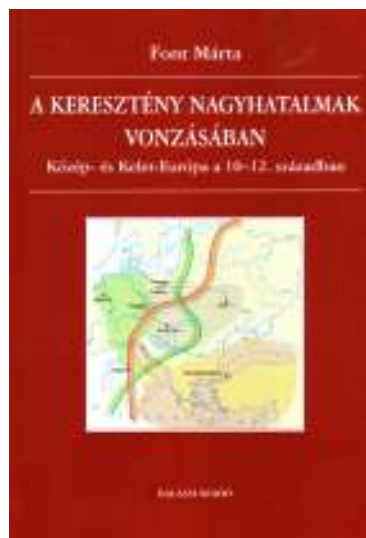
German

Abhandlungen der Geistes- und
sozialwissenschaftlichen Klasse Jahrgang
2005 nr. 3.

Akademie der Wissenschaften und der
Literatur, Mainz

Stuttgart, 2005. 48 p. + illustrations

ISBN 3-515-08715-X

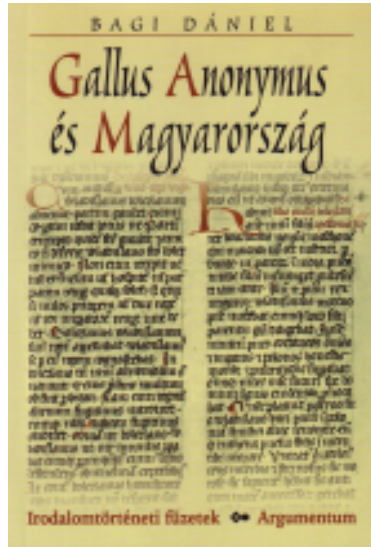

Márta FONT
*In the Attraction of Great Christian
Powers. Central and East-Europe in the
10th-12th Centuries*

Hungarian

Balassi Kiadó
Budapest, 2005. 326 p. + 14 maps,
illustrations

ISBN 963 506 610 4

Dániel BAGI
Gallus Anonymus and Hungary

Hungarian

Irodalomtörténeti füzetek 157.

Argumentum

Budapest, 2005. 276 p.

ISBN 963 446 355 X

HU ISSN 0075-0840

Bálint RADÓ
King James (VI) I's Political Theology

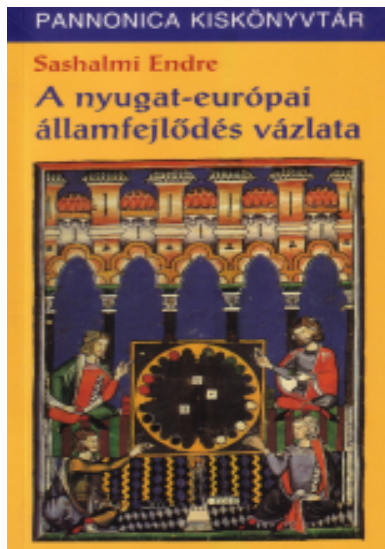
Hungarian

Pécsi Hittudományi Főiskola

Pécs, 2005. 351 p.

ISBN 963 7593 71 3

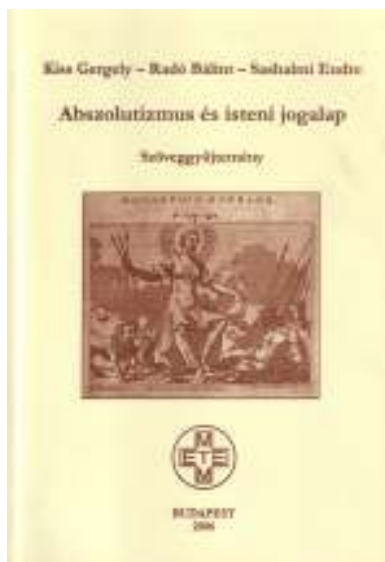
RELATED PUBLICATIONS

Endre SASHALMI
*Essay on the Evolution of the State in
Western Europe*
Hungarian

Pannonica
Budapest, 2006. 199 p.

ISBN 963 7319 19 0

**Gergely Kiss – Bálint RADÓ –
Endre SASHALMI**
*Absolutism and Divin Right
Sourcebook*

Hungarian

METEM
Budapest, 2006. 138 p.

ISBN 963 8472 98 7

RELATED PUBLICATIONS

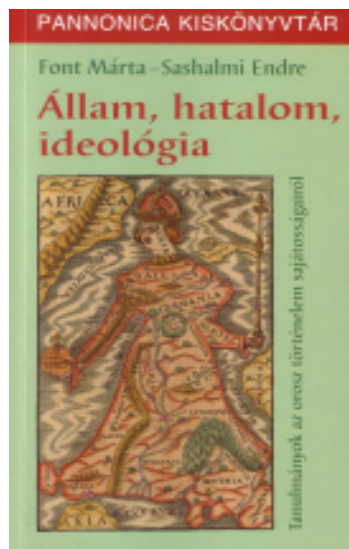

Gergely Kiss
Abbatia regalia [!] – hierarchia ecclesiastica. The Canonical State of the Royal Benedictine Monasteries in the eleventh–thirteenth Centuries

Hungarian

Magyar Egyháztörténeti Enciklopédia
Munkaközösség
Budapest, 2006. 227 p.

ISBN 963 8472 99 5

Márta Font – Endre SASHALMI
*State, Power, Ideology
Studies on the Characteristics of the Russian History*

Hungarian

Pannonica Kiadó
Budapest, 2007. 256 p. +3 maps

ISBN 978 963 7319 29 7

RELATED PUBLICATIONS

**Márta FONT – Tamás FEDELES –
Gergely KISS –
Kata KÁLSE CZ RAFFAYNÉ**
Government in Hungary
(1000 – 1526)

Hungarian

Pécsi Tudományegyetem
Pécs, 2007. 151 p. + 5 figures

ISBN 978 963 642 183 0

Gallus Anonymus,
Chronicle and Deeds of Polish Princes
or Dukes

Transl. and ed. Dániel BAGI

Hungarian

Argumentum
Budapest, 2007. 306. p

ISBN 978-963-446-465-5

RELATED PUBLICATIONS

Sashalmi Endre (ed.):
“Eastern Europe” and the “Balkans”
1000–1800
Intellectual-historical Constructions or
Real Historical Regions?

Ed. Endre Sashalmi
Kelet-Európa és Balkán Tanulmányok 4.
various authors

Hungarian
Pécsi Tudományegyetem Kelet-Európa
és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ
Pécs, 2007. 446 p.

ISBN 978-963-642-207-3
ISSN 1587-9887

Ferenc VÉGH:
On the Border of Empires – On the
Coast of Lake Balaton
Border Castle Keszthely in the
Fifteenth-Sixteenth Centuries

Hungarian
Budapest, 2007. 349. p.

ISBN 978 963 87259 1 2

RELATED PUBLICATIONS

Studies in Honour of György Szatmári

Egyháztörténeti Tanulmányok a Pécsi
Egyházmegye Történetéből III.

Hungarian
Ed. Tamás Fedeles,
Budapest-Pécs 2007. 130 p., illustrations,
maps

ISBN 978 963 9662 13 1

ISSN 1788 9499

Dániel BAGI
*Hungarian Kings in the Gallus
Anonymus' Chronicle*

Polish
Kraków, 2008, 238 p.

ISBN 978-83-60183-90-8

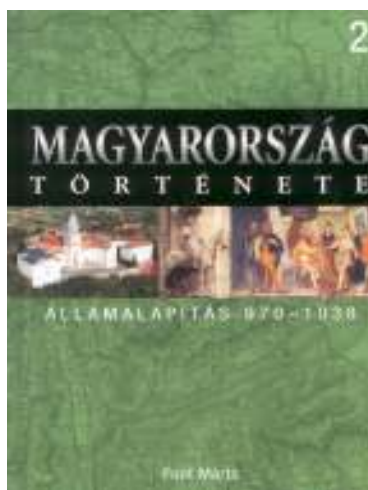
RELATED PUBLICATIONS

Márta FONT:
*Im Spannungsfeld der christlichen
Großmächte
Mittel- und Osteuropa im 10.-12.
Jahrhundert*

German
Gabriele Schäfer Verlag
Herne, 2009, 371 S. + 15 Illustrationen

ISBN 978-3-933337-47-4

Márta FONT:
Foundation of the State 970 – 1038

History of Hungary 2.

Hungarian
Budapest, 2009, 104 p.

ISBN 978-963-09-5680-2

RELATED PUBLICATIONS

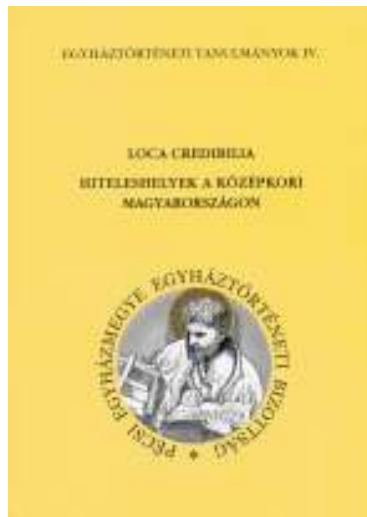

The Medieval Centuries (1009 – 1543)
(History of the Diocese of Pécs Vol I.)

Eds. Tamás FEDELES – Gábor SARBAK –
József SÜMEGI

Hungarian
Pécs, 2009, 715+CCLXXIX p., 217
illustrations, 17 maps

ISBN 978-963-88572-1-7 Ö
978-963-88572-0-0

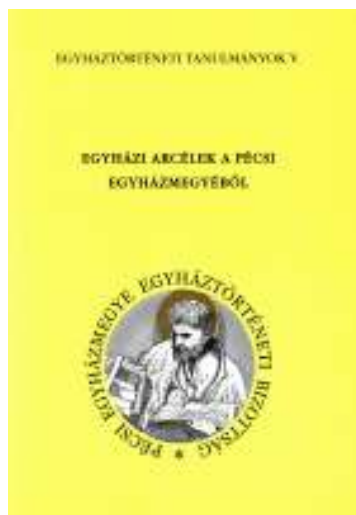
Loca Credibilia. Places of
Authentication in the medieval
Hungary

Egyháztörténeti Tanulmányok a Pécsi
Egyházmegye Történetéből IV.

Hungarian
Ed. Tamás FEDELES – Irén BILKEI
Pécs 2009. 143 p.

ISBN 978 963 06 7922 0
ISSN 1788 9499

RELATED PUBLICATIONS

*Churchmen Portraits
from the Diocese of Pécs*

Egyháztörténeti tanulmányok a Pécsi
Egyházmegyéből V.

Eds. Tamás FEDELES – Zoltán KOVÁCS –
József SÜMEGI

Hungarian
Pécs, 2009, 293 p.

ISBN 978-963-06-7923-7
HU ISSN 1788-9499